

УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА

GOVERNANCE
AND
POLITICS

Vol. 4
№ 4
2025

ISSN 2782-7062 (Print)
ISSN 2782-7070 (Online)

Журнал «УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА

Governance and Politics»

Цель рецензируемого научного журнала «Governance and Politics» – публикация результатов исследований в области политической науки. Журнал сфокусирован на политической теории, проблемах и трансформации политических институтов и процессов, вопросах политической идеологии и государственного управления. G&P публикует рукописи высокого качества и новизны, охватывающие фундаментальные теоретические и эмпирические исследования в указанных предметных областях.

Журнал издается на русском и английском языках, преследуя цель интеграции международного академического политологического сообщества и развития научного диалога. Авторы из всех стран мира приглашаются к опубликованию в журнале результатов своих исследований. G&P охватывает широкую географию авторов и рецензентов, а также членов редколлегии.

Области исследований

- политическая философия / политическая теория
- история политической науки
- методология политической науки
- политические институты
- политические процессы и тенденции
- политическая культура и идеология
- политические конфликты
- государственное управление и государственная политика
- международная политика

С 1 октября 2024 г. входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по научным специальностям: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения.

Основатель и издатель

МГИМО МИД России
www.mgimo.ru

Язык

русский / английский

Редакция

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского 76
Факультет управления и политики
gp@inno.mgimo.ru

Официальный сайт журнала

<https://www.gp-mgimo.ru>

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии

Анатолий Васильевич Торкунов,
профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Россия

Главный редактор

Генри Тигранович Сардарян,
профессор, декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Россия

Татьяна Александровна Алексеева,
профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Россия

Ван Вэнь,
профессор, декан Института финансовых исследований «Чунъян», Китайский народный университет

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина,
профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политических наук, Россия

Александр Жебит,
доцент, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Марина Михайловна Лебедева,
профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, Россия

Рафаэле Маркетти,
профессор, проректор по интернационализации Свободного международного университета социальных наук «Гвидо Карли», Италия

Юрай Немец,
профессор, Масариков университет, Чехия

Леонид Владимирович Сморгунов,
профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

Виталий Викторович Субочев,
профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, Россия

Арчана Упадуай,
профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Индия

Августин Квази Фосу,
профессор, Университет Ганы, Гана; Университет Йоханнесбурга, Университет Претории, Южно-Африканская Республика; научный сотрудник, Оксфордский университет, Великобритания

Андрей Юрьевич Шутов,
профессор, декан Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Редакция

Научный редактор **Оксана Геннадьевна Харитонова**, МГИМО МИД России, Россия

Выпускающий редактор **Денис Андреевич Кузнецов**, МГИМО МИД России, Россия

Ответственный секретарь **Юлиана Ников**, МГИМО МИД России, Россия

Верстка **Дмитрий Евгеньевич Волков**, МГИМО МИД России, Россия

ISSN 2782-7062 (Print)
ISSN 2782-7070 (Online)

Управление и политика

Governance and Politics

Aim and Scope

The aim of the Journal is to publish the results of research in the field of political science. The journal is focused on political theory, problems and transformation of political institutions and processes, political ideology as well as public administration. G&P publishes manuscripts of high quality and novelty covering fundamental theoretical and empirical findings in these subject areas. The journal is published in Russian and English, insofar as it considers integration of international academic political science community as its strategic purpose; it encourages international academic dialogue among political scientists. Authors from all over the world are invited to publish in the Journal the results of their research. G&P embraces a wide geography of authors and reviewers as well as the members of the Editorial Board.

Fields of Research

- political philosophy / political theory
- history of political science
- political science methodology
- political institutions
- political processes and trends
- political culture and ideologies
- political conflicts
- public administration and public policy
- international politics

Founder and Publisher

MGIMO University
www.mgimo.ru

Language

Russian / English

Editorial Office

76, av. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454
School of Governance and Politics

Official Website

<https://www.gp-mgimo.ru>

Editorial Board

Head of the Editorial Board

Anatoly Torkunov,

Professor, Full Member of Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University, Russia

Editor-in-Chief**Henry Sardaryan,**

Professor, Dean of School of Governance and Politics, MGIMO University, Russia

Tatiana Alekseeva,

Professor, Head of Department of Political Theory, MGIMO University, Russia

Augustin Kwasi Fosu,

Professor, University of Ghana, Ghana; University of Johannesburg, University of Pretoria, the Republic of South Africa; Research Associate, University of Oxford, the United Kingdom

Oxana Gaman-Golutvina,

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Comparatives Politics, MGIMO University; President of Russian Political Science Association, Russia

Marina Lebedeva,

Professor, Head of Department of World Politics, MGIMO University, Russia

Raffaele Marchetti,

Professor, Deputy Rector for Internationalization, Free International University of Social Studies Guido Carli, Italy

Juraj Nemeč,

Professor, Masaryk University, the Czech Republic

Leonid Smorgunov,

Professor, Head of Department of Political Governance, Saint Petersburg State University, Russia

Andrey Shutov,

Professor, Dean of Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Vitaly Subochev,

Professor, Head of Department of State Regulation, MGIMO University, Russia

Archana Upadhyay,

Professor, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Wang Wen,

Professor, Executive Dean of Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China

Alexander Zhebit,

Associate Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil

Editorial Staff

Scientific Editor **Oxana Kharitonova**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Publishing Editor **Denis Kuznetsov**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Executive Secretary **Yuliana Nikov**, MGIMO University, Russia

Layout **Dmitry Volkov**, Russia, MGIMO University, Russia

Содержание

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Тема номера:

Гуманитарное сотрудничество в рамках БРИКС:
новые смыслы для многополярного мира

Вступительное слово главного редактора <i>Г.Т. Сардарян</i>	8
Новые траектории развития БРИКС: итоги и последствия саммита в Бразилии <i>Е.Ю. Потапова</i>	10
Проблемы и перспективы использования инструментов культурной дипломатии БРИКС в контексте институционализации объединения <i>Л.Р. Рустамова, Б.Х. Бахриев</i>	25
Культурная безопасность в официальном дискурсе БРИКС <i>К.М. Табаринцева-Романова</i>	48
Спортивная дипломатия на повестке БРИКС: возможности для спортивного суверенитета России <i>Д.А. Кузнецов, В.М. Апонасенко</i>	55
Научная дипломатия в рамках международного объединения БРИКС: проблемы и перспективы развития (по материалам экспертических интервью) <i>А.А. Хаткевич</i>	71
Трансформация образовательных направлений сотрудничества в БРИКС <i>Н.Е. Рязанова, Е.В. Верховская</i>	86
Тенденции сотрудничества в рамках БРИКС: исследование метаданных платформы Dimensions (2020–2025) <i>Нарина Ринго, Анкит Нандвал</i>	96
Информация для авторов	130

Contents

INTERNATIONAL POLITICS
Special Issue:
Humanitarian Cooperation within BRICS:
New Meanings for a Multipolar World

Editor-in-Chief Address	8
<i>Henry T. Sardaryan</i>	
New Trajectories of BRICS Cooperation: Results and Consequences of the Brazil Summit	10
<i>Elizaveta Yu. Potapova</i>	
Problems and Prospects of Using Cultural Diplomacy Instruments in the Context of the Institutionalization of BRICS	25
<i>Leili R. Rustamova, Bahri Kh. Bahriev</i>	
Cultural Security in the Official Discourse of BRICS	48
<i>Ksenia M. Tabarintseva-Romanova</i>	
Sports Diplomacy in BRICS: Opportunities for Russia's Sports Sovereignty	55
<i>Denis A. Kuznetsov, Vasilisa M. Aponasenko</i>	
Science Diplomacy within BRICS: Challenges and Prospects (Results from Expert Interviews)	71
<i>Alexandra A. Khatkevich</i>	
Educational Areas Cooperation Transformation within BRICS	86
<i>Natalia E. Ryazanova, Elena V. Verkhovskaya</i>	
BRICS Collaboration Trends: Dimensions Metadata Study (2020–2025)	96
<i>Narina Ringo, Ankit Nandwal</i>	
 Brief Author's Guide	130

Слово главного редактора

Уважаемый читатель!

Очередной номер журнала «Управление и политика» посвящён одной из ключевых, но до недавнего времени недооценённых тем современной мировой политики — гуманитарному измерению сотрудничества в рамках БРИКС. Выбранная тема — «Гуманитарное сотрудничество в рамках БРИКС: новые смыслы для многополярного мира» — отражает как объективные сдвиги в глобальном балансе сил, так и качественную эволюцию самого объединения, которое всё в большей степени выходит за рамки экономического формата и утверждается как самостоятельный центр цивилизационного и нормативного влияния.

С точки зрения политической теории происходящее можно описать как переход от узкого функционального взаимодействия к формированию элементов «плотного» полицентричного порядка, где ценности, идентичности, нормы и гуманитарные практики становятся не надстройкой, а важнейшим условием устойчивости международных институтов. Для России, традиционно отстаивающей примат суверенитета, культурно-цивилизационного многообразия и международного права, этот процесс имеет не только академическое, но и стратегическое значение.

Открывает номер статья Е.Ю. Потаповой, в которой анализируются итоги XVII саммита БРИКС в Бразилии. Автор убедительно показывает, что расширение

объединения, институциональное укрепление и выработка согласованных позиций по ключевым вопросам мировой политики — от реформы глобального управления до искусственного интеллекта — создают основу для нового этапа развития БРИКС.

Логическим продолжением этого анализа становится статья Л.Р. Рустамовой и Б.Х. Бахриева, посвящённая культурной дипломатии БРИКС. Авторы показывают, что культура в рамках объединения превращается в механизм институционализации и формирования общей смысловой рамки, особенно значимой в условиях расширения БРИКС.

Тема защиты ценностного и цивилизационного суверенитета получает развитие в статье К.М. Табаринцевой-Романовой, анализирующей концепт культурной безопасности в официальном дискурсе БРИКС. Показано, что страны объединения вырабатывают альтернативное западному понимание гуманитарной повестки, основанное на признании многообразия путей развития.

Практическое измерение гуманитарного сотрудничества раскрывается в статье Д.А. Кузнецова и В.М. Апонасенко, посвящённой спортивной дипломатии БРИКС и возможностям укрепления спортивного суверенитета России.

Научно-технологическое измерение гуманитарной повестки рассматривается в статье А.А. Хаткевич о научной дипломатии БРИКС, основанной на материалах экспертных интервью.

Завершают тематический блок статья Н.Е. Рязановой и Е.В. Верховской, посвящённая трансформации образовательного сотрудничества в БРИКС, а также статья о научном осмыслении треков сотрудничества в рамках БРИКС, которую подготовили Нарина Ринго (Индия) и Анкит Нандвал (Индонезия).

В совокупности представленные статьи формируют целостную концепцию номера: БРИКС предстает как пространство выработки альтернативной модели глобального развития, где гуманитарное сотрудничество служит фундаментом устойчивой многополярности.

Главный редактор
доктор политических наук, профессор,
декан Факультета управления и политики
МГИМО МИД России
Г.Т. Сардарян

Новые траектории развития БРИКС: итоги и последствия саммита в Бразилии

Е.Ю. ПОТАПОВА*

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Россия)

Аннотация

Статья посвящена XVII саммиту БРИКС в Рио-де-Жанейро 6-7 июля 2025 г., который проходил на фоне возросшей международной напряженности и в условиях тарифного давления со стороны США. Отмечается решающая роль саммита 2024 года в Казани, который подчеркнул высокий статус БРИКС и послужил своего рода триггером расширения сотрудничества и развития партнерских отношений между государствами-членами. В 2025 году к объединению в качестве полноправного члена присоединилась Индонезия, а еще 10 государств – в качестве стран-партнеров. По итогу бразильского саммита была принята Декларация, в которой нашли отражения позиции стран по ряду важных международных вопросов, главные из которых затронуты автором. В документе акцентируется роль стран с развивающимися экономиками в продвижении более справедливого международного порядка, основанного на международном праве. Отмечается укрепление связей и стратегического партнерства, рост взаимных инвестиций и взаиморасчетов в национальных валютах между странами БРИКС в последнее время, а также растущая роль Нового банка развития и Пула валютных резервов, содействующих развитию и модернизации стран объединения. Впервые открыто осуждаются атаки в Брянской, Курской и Воронежской областях РФ и подчеркивается важность диалога для разрешения международных споров. Примечательно то, что первый раз в Декларации несколько пунктов посвящены развитию искусственного интеллекта, который предоставляет широкие возможности для усиления влияния развивающихся экономик на международной арене. Критикуется повышение торговых пошлин для ряда стран БРИКС со стороны США как противоречащее международному праву. Внеочередной саммит объединения, состоявшийся 8 сентября в онлайн-формате, стал своего рода реакцией на такую политику и показал, что страны готовы подготовить коллективный ответ. В статье делается вывод, что ужесточение санкций со стороны Запада может стать фактором углубления взаимного сотрудничества и еще большего сплочения стран БРИКС.

* Потапова Елизавета Юрьевна – научный сотрудник Группы региональных политических проблем стран Востока и Юга Центра проблем развития и модернизации, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. E-mail: cdms@imemo.ru

Ключевые слова

БРИКС, саммит, декларация, расширение, страны-партнеры, Новый банк развития, Россия, Запад, многополярность, незападные страны, торговые пошлины, искусственный интеллект

Для цитирования

Потапова Е.Ю. (2025). Новые траектории развития БРИКС: итоги и последствия саммита в Бразилии. *Управление и политика*. 4(4). С. 10–24. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-10-24

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

С 6 по 7 июля 2025 года в Рио-де-Жанейро (Бразилия) состоялся XVII саммит БРИКС в новом расширенном составе. В начале года к интеграционному объединению в качестве полноправного члена присоединилась Индонезия – первая и пока единственная страна Юго-Восточной Азии с крупнейшей экономикой. Теперь официально членами объединения являются десять стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Египет, Эфиопия, Иран, ОАЭ, Индонезия. В этом году к БРИКС в качестве стран-партнеров присоединились также десять государств: Белоруссия, Боливия, Вьетнам, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Уганда и Узбекистан. Введение новой категории «партнера» для стран, желающих тесно сотрудничать с объединением, было одним из важнейших решений Казанского саммита БРИКС 2024 года¹. Кроме того, на саммит были приглашены Саудовская Аравия, Турция, Азербайджан, Кения, а также Колумбия, Мексика, Чили и Уругвай².

Предшествующие саммиты 2022 и 2023 гг., проходившие на фоне начала Специальной военной операции в феврале 2022 г., сильно повлияли на текущую ситуацию на мировой арене и послужили отправной точкой в сторону построения более справедливого поликентричного мира.

На XIV саммите в Пекине страны БРИКС, пусть и в осторожной форме, выразили поддержку России в ее противостоянии не только с Украиной, но и с западной коалицией в целом. А на XV саммите в ЮАР уже довольно четко обозначился курс на дедолларизацию (Хорос, Потапова, 2024).

Казанский саммит 2024 года, прошедший под председательством России, положил начало более тесному сотрудничеству стран-участниц БРИКС. Там были приняты важные решения по увеличению взаимных расчетов стран-членов в национальных валютах, снижая таким образом зависимость от доллара, сблизились их позиции по оценке конфликтов как

¹ XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Сайт Президента России: URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 15.09.2025)

² В Бразилии открылся XVII саммит БРИКС. TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/news/v-brazilii-otkrylsya-xvii-sammit-briks/> (дата обращения: 09.07.2025)

в отношении ситуации на Украине, так и других очагов напряженности (Ближний Восток, Афганистан и пр.). Именно в Казани уже в достаточно ясной форме были выражены понимание и поддержка интересов России, а также направлен ясный посыл Западу, что попытка изоляции России провалилась. Даже в западных СМИ, которые долгое время относились скептически к объединению, зазвучали нотки тревоги³. Таким образом, Бразильский саммит БРИКС подошел к 2025 г. уже на фоне меняющейся международной ситуации.

Влияние стран БРИКС трудно переоценить. В настоящее время они объединяют почти половину мирового населения, и на них приходится более 40% мирового ВВП. Погрузимся немного в историю создания и становления объединения, чтобы понять его значимость.

К вопросу об эволюции БРИКС

Упоминание того, что крупные державы могут стать главной антиимпериалистической силой, возникло еще в прошлом столетии и прослеживается в трудах В.И. Ленина. В своей статье «Лучше меньше, да лучше», посвященной организации власти, он отмечает, что: «... Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково

будет окончательное решение мировой борьбы...»⁴. Свое продолжение эта мысль получила у российского премьер-министра Е.М. Примакова, который во время своего визита в Дели в 1998 г. впервые высказался о необходимости создания стратегического треугольника РИК: Россия – Индия – Китай (РИК) в противовес гегемонии Запада.

Поначалу эта идея не вызывала особыго энтузиазма и по многим причинам не могла быть реализована, т.к. для трехстороннего альянса существовало слишком много препятствий (Мареева, 2012). Если у России с Китаем и Индией не было ярко выраженных противоречий, то между Китаем и Индией существовали территориальные споры. Если Индия ограничилась дипломатическим ответом о важности российско-индийских отношений, то Китай довольно резко напомнил о самостоятельности своей внешней политики⁵.

Однако впоследствии рост экономики развивающихся стран изменил баланс сил в мире и привел к необходимости пересмотреть существующие международные экономические структуры и к построению более справедливого мирового порядка, основанного на взаимоуважении и взаимопонимании. России предстояло стать посредником и соединяющим элементом в этом неформальном «тройственном» объединении (Шевченко, 2016).

Страны постепенно подходили к созданию «треугольника». Формат сотрудничества России, Индии и Китая (РИК) начал складываться в конце 1990-х годов.

³ The Economist рассказал о «плане Путина» по крушению доллара. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/10/2024/671618619a79478e44d566b8> (дата обращения: 20.07.2025)

⁴ Полное собрание сочинений В.И. Ленина 5-е издание. 1922. Том 45, С. 404. URL: <https://marxism.online/lenin-v-i/volume-45/404/> (дата обращения: 05.09.2025)

⁵ Пекин подвел Примакова. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/211101> (дата обращения: 05.09.2025)

В 1997 году Россия и Китай в Москве подписали совместную Декларацию о много极ном мире и формировании нового мирового порядка, которая и «определила стратегическое направление внешней политики двух государств»⁶. В 2001 году был заключен российско-китайский договор «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», который создал стабильную правовую базу для углубления и развития отношений стратегического партнерства и сотрудничества между двумя странами⁷.

В том же году в аналитической записке банка «Goldman Sachs» была впервые упомянута аббревиатура БРИК, автором которой являлся главный экономист банка Джим О'Нил. Основная идея статьи заключалась в том, что экономики Бразилии, России, Индии и Китая растут с такой скоростью, что через некоторое время в совокупности могут обогнать экономику стран G7 в мировом ВВП, и это будет иметь важные последствия для всей системы глобального управления⁸.

В 2006 году на Петербургском международном экономическом форуме уже наметились четкие контуры взаимодействия Бразилии, России, Индии, Китая в рамках БРИК⁹. В том же году по инициативе президента России В.В. Путина в Нью-Йорке «на полях» сессии Генеральной ассамблеи

ООН состоялась первая встреча глав внешнеполитических ведомств России, Бразилии и Китая, а также главы Минобороны Индии. Итогом этой встречи стало подтверждение участниками заинтересованности в развитии многопланового четырехстороннего сотрудничества¹⁰.

Главы государств БРИК впервые встретились 9 июля 2008 года в Тояко-Онсэн (Хоккайдо, Япония) на полях саммита «Большой восьмерки». Тогда президент России Д.А. Медведев, председатель КНР Ху Цзиньтао, премьер-министр Индии М. Сингх и президент Бразилии Л. Лула да Силва договорились о проведении в 2009 году полномасштабного саммита глав государств БРИК. Датой образования организации считается 1-й саммит стран БРИК, прошедший 16 июня 2009 года в Екатеринбурге. В 2011 году в результате присоединения к объединению ЮАР аббревиатура стала носить название БРИКС¹¹.

Взаимодействие внутри БРИКС

Постепенно новый союз стал обрасти различными институтами, учреждениями, платформами для контактов и сотрудничества в тех или иных областях.

⁶ Декларация справедливости: 20 лет назад Россия и Китай начали создавать многополярный мир. RT.com. URL: <https://russian.rt.com/world/article/382049-rossiya-kitai-mnogopolyarnyi-mir> (дата обращения: 05.09.2025)

⁷ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 05.09.2025)

⁸ Dreaming With BRICs: The Path to 2050. Global Economics Paper № 99 : . URL: <https://www.goldmansachs.com/pdfs/insights/archive-pdfs/brics-dream.pdf> (дата обращения: 05.09.2025)

⁹ История БРИКС. TV BRICS. URL: <https://nkibrics.ru/pages/history-brics> (дата обращения: 05.09.2025)

¹⁰ 15 лет с первого саммита БРИКС: история сотрудничества. TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/news/15-let-s-pervogo-sammita-brics-istoriya-sotrudnichestva/> (дата обращения: 05.09.2025)

¹¹ История БРИКС. TV BRICS. URL: <https://nkibrics.ru/pages/history-brics> (дата обращения: 05.09.2025)

Сейчас существует множество площадок для взаимодействия стран БРИКС. Лидеры стран-участниц регулярно встречаются на саммитах, где обсуждают глобальные экономические и политические вопросы. Кроме того, проходят форумы, конференции, встречи, посвященные сотрудничеству между странами. Также создаются рабочие группы для разработки конкретных проектов, проводятся различные исследования, конкурсы, фестивали и т.д.

В последнее время интерес развивающихся стран к объединению растет и обусловлен, прежде всего, независимостью организации от западных международных организаций, таких как Всемирная торговая организация (ВТО) и Международный валютный фонд (МВФ), которые часто устанавливают жесткие условия для получения кредитов и доступа к международным рынкам. БРИКС же предлагает более сбалансированное и справедливое сотрудничество, основанное на взаимной выгоде, без давления Запада.

С 2014 года в БРИКС действуют так называемые альтернативы Всемирному банку и Международному валютному фонду – Новый банк развития (НБР) с общим капиталом 200 млрд долларов и Пул валютных резервов (100 млрд долларов). Новый банк развития является довольно привлекательным инструментом

для стран-участниц. Он финансирует несколько ключевых направлений: проекты в области чистой энергетики и повышение энергоэффективности, развитие транспортной инфраструктуры, создание и модернизация систем водоснабжения и водоотведения, развитие социальной инфраструктуры, развитие цифровой инфраструктуры, а также мероприятия по защите окружающей среды. Стоит отметить, что НБР доступен не только странам-членам объединения, но и партнерам БРИКС. С каждым годом число проектов растет, а выделенные суммы увеличиваются. С 2018 года было профинансировано около 120 проектов на сумму эквивалентную 39 млрд долларов¹². Так, НБР одобрил кредит в размере 1,448 млрд юаней на проект углеродно-нейтрального аэропорта в китайской провинции Шаньси¹³, 1,2 млрд юаней для финансирования экологических проектов в Китае¹⁴, 50 млн долларов бразильскому штату Пара на улучшение инфраструктуры водоснабжения, до 1 млрд долларов ЮАР на развитие систем водоснабжения и канализации¹⁵ и т.д. Кроме того, НБР успешно выпустил трехлетние панда-облигации на сумму 7 млрд юаней (\$978 млн) на межбанковском рынке долговых бумаг Китая на общую сумму 50 млрд юаней (\$7 млрд)¹⁶.

¹² Новый банк развития профинансировал около 120 проектов, заявил Путин. Минфин России. URL: <https://ria.ru/20250618/bank-2023695386.html> (дата обращения: 05.09.2025)

¹³ Новый банк развития одобрил кредит на проект углеродно-нейтрального аэропорта в КНР.TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/news/novyy-bank-razvitiya-odobril-kredit-na-proekt-uglerodno-neytralnogo-aeroporta-v-knr/> (дата обращения: 05.09.2025)

¹⁴ НБР подписал кредитное соглашение на 1,2 млрд юаней для финансирования экологических проектов в Китае. Синьхуа Новости. URL: <https://russian.news.cn/20250607/ae2f6a4e307d4e1aa6e5802b90745564/c.html> (дата обращения: 05.09.2025)

¹⁵ Банк БРИКС выделит до \$1 млрд на улучшение водоснабжения и канализации в ЮАР. ИА «Африканская инициатива». URL: <https://afrinz.ru/2024/09/bank-briks-vydelit-do-1-mld-na-uluchshenie-vodosnabzheniya-i-kanalizacii-v-yuari/> (дата обращения: 05.09.2025)

¹⁶ Новый банк развития БРИКС выпустил панда-облигации на \$978 млн. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24902343> (дата обращения: 05.09.2025)

С начала 2024 года до июня 2025 года доля кредитов НБР, предоставленных в национальных валютах стран-членов, выросла с 20,3% до 24,2%, и банком поставлена цель до конца 2026 года нарастить долю таких кредитов до 30%¹⁷. НБР также планирует выпустить первую серию облигаций в индийских рупиях до конца марта 2026 года¹⁸.

Присоединение в 2024 г. Эфиопии и Египта стало важной вехой в развитии африканского направления работы объединения. Эфиопия широко сотрудничает с Китаем в сфере сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности, цифровизации и экологически чистого производства, и прилагает усилия для налаживания сотрудничества с другими государствами-участниками. Египет придает большое значение участию в деятельности БРИКС и стремится использовать национальные валюты при взаимных расчетах и в торговых операциях¹⁹.

С 2025 г. в БРИКС теперь также представлены страны Юго-Восточной Азии: Индонезия – крупнейшая экономика региона – в качестве полноправного члена, а Вьетнам, Малайзия и Таиланд – в статусе государств-партнеров. Для них платформа многостороннего блока означает возможность увеличить число своих

экономических партнеров и получить доступ на новые рынки, к новым инвестициям и технологиям (Рогожина 2025).

Включение в состав объединения Ирана и ОАЭ – крупнейших экспортеров нефти, создает предпосылки для продолжения развития расчетов за поставки нефтепродуктов в альтернативных доллару США валютах.

Куба готова делиться со странами-участницами своими достижениями в области биотехнологий, медицины и образования и уже сейчас активно сотрудничает с несколькими странами БРИКС: например, в рамках сотрудничества с Египтом было усилено взаимодействие в сфере здравоохранения. Страны договорились совместно производить лекарства, обмениваться технологиями и развивать медицинские институты²⁰.

Республика Беларусь участвует во всех механизмах объединения, выстраивая сотрудничество со структурами и странами-участницами, укрепляя отношения в экономической, политической и гуманитарной сферах²¹.

Страны БРИКС также пытаются решить урбанистические проблемы. В прошлом году власти Китая инициировали свыше 60 000 проектов реновации, которые предполагают обновление старых

¹⁷ Развивать нельзя отложить: сотрудничество БРИКС в области международных финансов. Экспертный совет БРИКС – Россия. URL: <https://bricscouncil.ru/ru/analytics/razvivat-nelzya-otlozhit-sotrudnistvo-briks-v-oblasti-mezhdunarodnyh-finansov> (дата обращения: 05.09.2025)

¹⁸ Reuters узнал, когда банк БРИКС планирует выпустить облигации в рупиях. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/09/2025/68d65ed69a7947e71fec6fef> (дата обращения: 30.09.2025)

¹⁹ Египет намерен развивать использование нацвалют при расчетах в рамках БРИКС. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25375395> (дата обращения: 05.09.2025)

²⁰ Президент Кубинского института дружбы народов Фернандо Гонсалес: Куба готова внести вклад в развитие БРИКС. TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/news/prezident-kubinskogo-instituta-druzhby-narodovfernando-gonsales-kuba-gotova-vnesti-vklad-v-razvitiie/> (дата обращения: 20.10.2025)

²¹ МИД Белоруссии заявил о стремлении страны стать полноправным членом БРИКС. Известия. URL: <https://iz.ru/1966709/2025-10-04/mid-belorussii-zaiavil-o-stremlenii-strany-stat-polnopravnym-chlenom-briks> (дата обращения: 05.10.2025)

кварталов и промышленных районов. Сумма инвестиций в эти проекты составила 2,9 трлн юаней (408 млрд долларов). В Индии реконструкция одного только района Дхарави (Мумбаи) может обойтись от 2,4 млрд долларов. В столице России на модернизацию жилфонда с 2024 по 2026 г. предусмотрен почти 1 трлн рублей²².

Банки из стран Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки активно налаживают более прочные связи с российскими финансовыми учреждениями. Это позволяет бизнесу осуществлять прямые расчеты без привлечения дополнительных посредников, что, в свою очередь, снижает затраты на международные платежи²³.

В настоящее время доллар занимает 88% в международной торговле, однако использование валют стран БРИКС продолжает расти. За три года доля юаня увеличилась на 13%, а рубля в российском экспорте — на 29%²⁴.

Основные задачи и решения саммита в Бразилии

Стоит отметить, что в 2025 году на саммите в Бразилии собрались не все лидеры БРИКС. Президент России В.В. Путин принимал участие по видеосвязи, и российскую делегацию возглавлял министр иностранных дел РФ С.В. Лавров. Председатель КНР Си Цзиньпин не смог прилететь из-за «трудностей в расписании», вместо него Китай представлял премьер-министр Ли Цян²⁵. Египет, Иран и Эфиопию представляли соответственно премьер-министр Египта М. Мадбули, министр иностранных дел Ирана А. Аракчи и премьер-министр Эфиопии А. Ахмед²⁶. Британская газета «The Guardian» потом напишет, что «недавнее расширение группы снизило ее идеологическую ценность для двух стран-основательниц»²⁷.

Однако бразильский саммит стал серьезным испытанием для лидеров

²² Реновация и ревитализация: как выглядит формула обновления для мегаполисов БРИКС. Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/realestate/articles/megalopolisov-briks?from=copy_text (дата обращения: 30.10.2025)

²³ Банки БРИКС укрепляют связи: снижение затрат на международные платежи в 2025 году. InvestFuture. URL: <https://investfuture.ru/articles/banki-briks-ukrepliyayut-svyazi-snizhenie-zatrata-na-mezhdunarodnye-platezhi-v-2025-godu-1167698344> (дата обращения: 05.10.2025)

²⁴ Достичь финансовой независимости: в Вышке обсудили развитие расчетов в национальных валютах БРИКС. НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/1090674501.html> (дата обращения: 10.10.2025)

²⁵ No explanation as Xi Jinping unexpectedly skips his speech at Brics business forum. South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3231963/no-explanation-given-xi-jinping-unexpectedly-skips-his-speech-brics-business-forum> (дата обращения: 10.09.2025)

²⁶ В Бразилии открылся XVII саммит БРИКС. TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/news/v-brazilii-otkrylsya-xvii-sammit-briks/> (дата обращения: 10.09.2025)

²⁷ Лидеры России и Китая проигнорировали саммит БРИКС, что может свидетельствовать об ослаблении значимости группы. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/business/2025/jul/05/leaders-of-russia-and-china-snub-brics-summit-in-sign-groups-value-may-be-waning> (дата обращения: 07.07.2025)

объединения: им предстояло ответить на вызов 47-го президента США Д. Трампа, который увидел в чрезмерной активности стран-членов БРИКС по созданию альтернативных платежных платформ прямую угрозу национальным интересам и экономическому могуществу США и начал ужесточать торговые пошлины против стран, проводящих «антиамериканскую политику БРИКС»²⁸.

По итогу саммита была принята совместная Декларация под заглавием «Укрепление сотрудничества Глобально-го Юга для более инклюзивного и устойчивого управления», представленная на 45 страницах и состоящая из 126 пунктов. В документе содержится отчет о сотрудничестве стран-членов объединения в различных сферах за период председательства Бразилии, и отражены их общие позиции ряду важных международных вопросов²⁹, в основу которого положено заявление глав внешнеполитических ведомств, принятое на совещании министров иностранных дел стран БРИКС 28-29 апреля 2025 года в Рио-де-Жанейро в преддверии саммита³⁰. Рассмотрим ключевые моменты принятого документа.

Декларация состоит из пяти блоков. Первый блок посвящен реформированию системы глобального управления, в частности ООН, включая ее Совет Безопасности, с целью «обеспечить более активное и значимое участие государств с формирующимся рынком, развивающихся и наименее развитых стран, особенно стран Африки, Латинской Америки

и Карибского бассейна, в глобальных процессах и структурах принятия решений», а также «обеспечению справедливой географической кадровой представленности в Секретариате ООН и других международных организациях» (п. 5). Участники БРИКС призвали срочно реформировать Бреттон-Вудские институты, к которым относятся Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, т.к. «представительство развивающихся стран и государств с формирующимся рынком в Бреттон-Вудских институтах должны отражать их растущий вес в мировой экономике», «перераспределение квот в МВФ не должно происходить за счет развивающихся стран» (п. 10, 11). Участники БРИКС выразили глубокую озабоченность в связи с ростом «односторонних тарифных и нетарифных мер» и осудили практику введения «односторонних принудительных мер, противоречащих международному праву» (п. 13-14). Речь идет о торговых пошлинах, введенных администрацией президента США Д. Трампа, хотя в самом тексте Декларации это не упоминается.

Во втором блоке Декларации «Укрепление мира, безопасности и международной стабильности» лидеры продемонстрировали серьезную обеспокоенность по поводу продолжающихся конфликтов во многих частях мира: эскалация ситуации на Ближнем Востоке в результате нападения Израиля на Исламскую Республику Иран и нападения на иранские ядерные объекты, находящиеся

²⁸ Есть ли БРИКС при Трампе. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7870864> (дата обращения: 05.09.2025)

²⁹ Декларация Рио-де-Жанейро. Сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArcWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 10.07.2025)

³⁰ Совещание глав МИД стран БРИКС 28–29 апреля в Бразилии. ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/soveshtanie-glav-mid-stran-briks-2829-aprelya-v-brazilii> (дата обращения: 30.08.2025)

под гарантиями МАГАТЭ (п. 21), возобновление непрекращающихся израильских нападений на Газу. Здесь подчеркивается важность объединения Западного берега реки Иордан и сектора Газа под властью Палестинской администрации (п. 24-25). Решительным образом осуждается террористический акт в Джамму и Кашмире 22 апреля 2025 года, в ходе которого 26 человек погибли и еще больше получили ранения, и подтвердили свою приверженность борьбе с терроризмом во всех его формах и проявлениях (п. 34). Впервые участники открыто осудили атаки на мосты и железнодорожную инфраструктуру в Брянской, Курской и Воронежской областях России 31 мая, 1 и 5 июня (п. 35) и подтвердили свои позиции в отношении конфликта на Украине, касающиеся урегулирования конфликта путем диалога и дипломатии (п. 22). Кроме того, участники признали важнейшую роль Африканского союза в предотвращении, урегулировании и разрешении конфликтов и высоко оценили усилия и достижения африканских стран и организаций в их стремлении к прочному миру и устойчивому развитию (п. 30-31).

Третий блок «Углубление международного экономического, торгового и финансового сотрудничества» посвящен созданию концепции Новой инвестиционной платформы и Механизму межбанковского сотрудничества БРИКС и как результат – продолжение работы над Трансграничной платежной инициативой БРИКС. Особая важность придается сотрудничеству

в области сельского хозяйства и дальнейшей проработки инициативы по созданию Зерновой биржи БРИКС, ее развитию и расширению на другие виды сельскохозяйственной продукции и товаров (п. 69-70). Как заметил научный сотрудник Тегеранского университета имени Шахида Бехешти Х. Ширзада, технологии стран БРИКС способны изменить мировое сельское хозяйство, а растущее влияние БРИКС в этой сфере говорит о переходе к более многополярной и инновационной системе мирового сельского хозяйства³¹.

Сейчас на страны БРИКС приходится 42% мирового производства продовольствия и свыше 40% потребления, поэтому создание независимой от политической конъюнктуры платформы для торговли сельскохозяйственной продукции отвечает интересам как стран с развивающимися экономиками³², а использование национальных валют в торговле внутри БРИКС растет и в 2024 году выросло до 90%³³. По словам главы Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриева, «внутренняя торговля стран БРИКС достигла \$1 трлн. Значимый рубеж, подтверждающий укрепление экономических связей и рост роли объединения в формировании новой архитектуры мировой экономики...». В этом направлении была высоко оценена роль Нового банка развития (НБР) и Пула валютных резервов. География операций Банка постепенно расширяется: в 2021 г. членами НБР стали Бангладеш и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), в 2023 г. – Египет,

³¹ Эксперт: технологии стран БРИКС способствуют переходу к устойчивому сельскому хозяйству. TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/news/ekspert-tehnologii-stran-briks-sposobstvuyut-perekhodu-k-ustoychivomu-selskomu-khozyaystvu/> (дата обращения: 30.07.2025)

³² Главные по продовольствию. Business Magazine BRICS+. URL: <https://bricsmagazine.com/analitika/trendy/glavnye-po-prodovolstviyu/> (дата обращения: 30.07.2025)

³³ Путин заявил о росте расчетов в нацвалютах между странами БРИКС. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24443785> (дата обращения: 30.07.2025)

а в 2025 г. – Алжир, Уругвай осталось подать заявку на вступление³⁴.

Еще в 2024 году на саммите БРИКС в Казани президент НБР Д. Русефф отметила, что многие страны нуждаются в финансовой поддержке и призывала к расширению инвестиционного капитала банка. Уже на 10-м юбилейном ежегодном заседании Совета управляющих НБР Колумбия и Узбекистан были официально приняты в качестве стран-заемщиков³⁵.

Важно отметить, что впервые несколько пунктов Декларации посвящены искусственному интеллекту (ИИ), который «предоставляет широкие возможности для развития на пути к более справедливому будущему». Страны призывают к созданию «управления искусственным интеллектом, при котором поддерживаются наши общие ценности, учитываются риски, укрепляется доверие» с учетом потребностей Глобального Юга (п. 16, 57, 61).

Страны БРИКС выразили приверженность Парижскому соглашению по климату, призвали развитые страны выделить средства для финансирования климатических программ развивающихся стран (п. 91, 93).

В последнем блоке «Партнерства для продвижения человеческого, социального и культурного развития» прослеживаются параллели с формулировками в отношении украинского конфликта на предыдущих саммитах. Подчеркнута

«необходимость сотрудничества всех стран в области поощрения и защиты прав и основных свобод человека в соответствии с принципами равенства, взаимного уважения и противодействия всем формам дискриминации» (п. 103). Участники выступили против «расизма, расовой дискриминации, ксенофобии, а также против дискриминации по признаку религии, веры или убеждений и всех их современных форм во всем мире, включая тревожные тенденции роста языка ненависти, дезинформации и недостоверной информации» (п. 104).

Был высоко оценен вклад Делового совета БРИКС в реализацию повестки дня БРИКС в 2025 году «по стимулированию торговли между странами БРИКС посредством цифровизации и укрепления сотрудничества в сфере регулирования, по расширению использования инновационных финансовых инструментов».

Помимо Декларации саммита были приняты еще три документа, отражающие усилия стран БРИКС по содействию инклюзивным и устойчивым решениям насущных глобальных проблем. Это *Рамочная декларация лидеров стран БРИКС по климатическому финансированию*, включающая все основные аспекты действий по климату и призывающая к увеличению объемов финансирования и инвестиций в поддержку усилий по достижению целей устойчивого развития, связанных с изменением климата³⁶.

³⁴ Новый банк развития – расширение членства и результаты операционной деятельности с момента основания. Экспертный совет БРИКС – Россия. URL: <https://bricscouncil.ru/ru/analytics/novyy-bank-razvitiya-rasshirenie-chlenstva-i-rezulatty-operacionnoy-deyatelnosti-s-momenta-osnovaniya> (дата обращения: 05.09.2025)

³⁵ New Development Bank's Board of Governors Convened its 10th Annual Meeting in Rio de Janeiro. New Development Bank. URL: <https://www.ndb.int/news/new-development-banks-board-of-governors-convened-its-10th-annual-meeting-in-rio-de-janeiro/> (дата обращения: 10.07.2025)

³⁶ Рамочная декларация лидеров стран БРИКС по климатическому финансированию. Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ewhugT8vY47TEb0uabZrm2phvAWQG85n.pdf> (дата обращения: 10.07.2025)

Заявление лидеров стран БРИКС по глобальному управлению в области искусственного интеллекта, в котором подтверждено право всех стран на доступ к преимуществам цифровой экономики и развивающимся технологиям, включая ИИ, а также на разработку собственных нормативных структур для технологической автономии и инноваций³⁷, а также

Партнерства БРИКС по борьбе с социально обусловленными заболеваниями, призванное обеспечить равенство в сфере здравоохранения и устраниению коренных причин неравенства в сфере здравоохранения, таких как бедность и социальная изоляция.

Торговое противостояние с США

После того как страны-участницы осудили в Декларации саммита одностороннюю тарифную политику, Д. Трамп в своей социальной сети Truth Social обвинил БРИКС в «антиамериканской политике» и пригрозил ввести дополнительные 10-процентные пошлины на товары стран, поддерживающих политику БРИКС³⁸. Видеообращение В.В. Путина, в котором он заявил, что «валовой внутренний продукт

(ВВП) стран БРИКС уже превысил совокупный показатель «Большой семерки», обострило ситуацию³⁹. В итоге участники объединения встали перед выбором: принять вызов или всеми способами избежать противостояния с ведущей мировой экономикой, который пока был выдержан достойно, без нагнетания конфронтации с США.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил, что страны БРИКС ищут альтернативы расчетам в долларах именно для того, чтобы застраховать себя от произвола США, и этот процесс уже не остановить⁴⁰. Глава НБР БРИКС Д. Руслан считает, что доллар «в упадке, прежде всего, из-за тарифной политики, фактически перешедшей в тарифную войну (Запада) против всех»⁴¹. По словам генерального директора Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. Дмитриева, «угрозу для доллара США несут не страны БРИКС, а приверженцы использования санкций как оружия»⁴².

Президент Бразилии Л. Лула да Силва подчеркнул, что в случае введения пошлин страны БРИКС и их партнеры имеют право ответить зеркально⁴³. Хотя экономист конференции ООН

³⁷ Заявление лидеров стран БРИКС по глобальному управлению искусственным интеллектом. Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/n1eGkN9xVCOwXlAGekbAlJOLApDGIXEq.pdf> (дата обращения: 20.07.2025)

³⁸ Миру не нужен император: что в БРИКС ответили на тарифные угрозы Трампа. RTVI URL: <https://rtvi.com/stories/miru-ne-nuzhen-imperator-cto-v-briks-otvetili-na-tarifnye-ugrozy-trampa/?ysclid=melwnkd63j668969657> (дата обращения: 10.07.2025)

³⁹ Сайт Президента России: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77373> (дата обращения: 10.07.2025)

⁴⁰ Лавров: Россия, как и все страны БРИКС, будет честно добиваться своих интересов. ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/24520749> (дата обращения: 20.07.2025)

⁴¹ Глава банка БРИКС отвергла обвинения в ослаблении доллара. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7736582> (дата обращения: 10.07.2025)

⁴² Дмитриев назвал сторонников санкций главной угрозой для доллара США. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24671473> (дата обращения: 05.09.2025)

⁴³ Лула да Силва раскритиковал угрозы Трампа ввести пошлины против союзников БРИКС. Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/07/07/1122773-lula-raskritikoval-trampa?from=copy_text (дата обращения: 05.09.2025)

по торговле и развитию А. Нисита считает, что экономики объединения достаточно разнородны и имеют разные уязвимости и приоритеты, поэтому согласовать общую позицию может быть непросто⁴⁴. Однако, как отметил российский сенатор А. Пушкин, тарифные войны могут стать «фактором сплочения стран БРИКС»⁴⁵.

Президент ЮАР Сирил Рамафоса заявил, что «не должно быть возмездия» в отношении стран, стремящихся к сотрудничеству и работающих на благо интересов человечества, и что БРИКС «следует рассматривать как один из нескольких новых центров глобальной силы, стремящихся улучшить управление и развитие, а не как соперника существующих институтов, таких как ООН и «Группа двадцати»»⁴⁶. Для Индии заявление Трампа вообще выглядит странным и противоречивым на фоне переговоров о двустороннем соглашении по торговле⁴⁷.

Официальный представитель МИД КНР М. Нин заявила о бесперспективности протекционистской политики Трампа в отношении государств-членов БРИКС и их партнеров и подчеркнула,

что «в торговых и тарифных войнах нет победителей, а протекционизм не имеет будущего» и что «Пекин неизменно выступает против произвольного использования пошлин с целью оказания давления и принуждения»⁴⁸. Даже президент Франции Э. Макрон, выступая перед студентами индонезийских университетов в Джакарте, заметил, что превращение блока БРИКС в центр конфронтации с США не имеет смысла⁴⁹. Тем более, что эксперты Центрального банка Бразилии не верят, что развивающиеся страны из группы БРИКС создадут рынки, достаточно крупные, чтобы в ближайшие 10 лет подорвать доминирование доллара США⁵⁰.

8 сентября 2025 года по инициативе президента Бразилии Л. Аулы да Силвы состоялся внеочередной виртуальный саммит, в котором приняли участие лидеры России, ЮАР, Египта, Ирана, Индонезии, ОАЭ, Индии и Эфиопии. На этой встрече лидеры стран БРИКС обсудили совместный ответ на введенные президентом США импортные пошлины, продемонстрировав при этом единство и взаимную поддержку⁵¹.

⁴⁴ ЮНКТАД: совместный ответ на пошлины США может быть выгоден БРИКС. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24764635> (дата обращения: 05.09.2025)

⁴⁵ Совместный ответ на тарифы Трампа может сплотить БРИКС, заявил Пушкин. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250807/briks-2033833476.html> (дата обращения: 05.09.2025)

⁴⁶ Президент ЮАР отреагировал на заявления Трампа о пошлин на 30% и БРИКС. Информационное агентство «Африканская инициатива». URL: <https://afrinz.ru/2025/07/president-yuar-otreagiroval-na-zayavleniya-trampa-o-poshlinah-na-30-i-briks/> (дата обращения: 05.09.2025)

⁴⁷ Индийский эксперт назвал странным заявление Трампа о пошлин на 30% и БРИКС. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250715/tramp-2029276376.html> (дата обращения: 20.07.2025)

⁴⁸ МИД КНР: протекционистские меры Трампа в отношении БРИКС бесперспективны. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhunarodnaya-panorama/24448209> (дата обращения: 10.07.2025)

⁴⁹ Макрон выступил против конфронтации между БРИКС и Группой семи. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhunarodnaya-panorama/24072599> (дата обращения: 10.07.2025)

⁵⁰ No BRICS asset pile big enough to rival dollar, Brazil central bank director says. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/no-brics-asset-pile-big-enough-rival-dollar-brazil-central-bank-director-says-2025-05-19/> (дата обращения: 10.07.2025)

⁵¹ Страны БРИКС собираются на внеочередной виртуальный саммит. ТВ BRICS. URL: <https://tvbrics.com/en/news/brics-nations-convene-for-extraordinary-virtual-summit/> (дата обращения: 10.09.2025)

Значение саммита

Особенность Бразильского саммита заключается в том, что центральной его темой стал вопрос перестройки торговли и экономических связей стран-членов и расширения расчетов в национальных валютах в связи с тарифным давлением со стороны США⁵². Он продолжил стратегический курс Казанского саммита 2024 года на укрепление многополярного мира «посредством продвижения мира, более представительного и справедливого международного порядка, обновленной и реформированной многосторонней системы, устойчивого развития и инклюзивного роста»⁵³. Заявление В.В. Путина о том, что страны объединения по совокупному объему ВВП превзошли «Большую семерку», лишь подтверждение того факта, что страны БРИКС находятся на верном пути к новому международному экономическому порядку.

В объединении сейчас наиболее широко представлен африканский континент: ЮАР, Египет и Эфиопия, а на правах стран-партнеров – Алжир, Нигерия, Уганда. Еще несколько африканских государств открыто выражают свое стремление присоединиться к объединению. Приглашение на саммит латиноамериканских стран – шаг, который открывает для этих стран новые экономические

возможности: расширение торговли и инвестиционное сотрудничество с крупнейшими развивающимися экономиками мира⁵⁴.

Настоящим прорывом к построению более справедливого мирового порядка, является включение в БРИКС стран Юго-Восточной Азии. С присоединением Индонезии организация не только расширяет свое глобальное влияние, но и охватывает теперь ключевые страны всех незападных регионов планеты.

Сейчас члены БРИКС – не только развивающиеся экономики, а серьезные игроки на международной арене. Кроме того, некоторые из них также являются влиятельными участниками авторитетных международных организаций: ООН, «Группа двадцати», ВТО, а также региональных объединений: СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, АТЭС, БИМСТЕК, МЕРКОСУР, САДК и др. А в последнее время между странами БРИКС наблюдается укрепление связей и стратегического партнерства, растут взаимные инвестиции. Объединение набирает все большую популярность, чему также способствуют тарифы, введенные США⁵⁵. Показательно, что в условиях торгового противостояния с США Бразилия заключила с Россией *«Меморандум об укреплении финансово-экономического сотрудничества»*, направленный на координацию аспектов финансово-экономического

⁵² БРИКС перестраивает торговлю в ответ на американские пошлины. Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2025-08-21/1_9321_china.html (дата обращения: 05.09.2025)

⁵³ XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 05.09.2025)

⁵⁴ Министр связи Кубы на ЦИПР-2025 рассказала о приоритетах республики в статусе страны-партнера БРИКС. TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/news/ministr-svyazi-kuby-na-tsipr-2025-rasskazala-o-prioritetakh-respubliki-v-statuse-strany-partnera-bri/> (дата обращения: 10.07.2025)

⁵⁵ Выбор в пользу соседа: перспективы сотрудничества России и Малайзии. Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vybor-v-polzu-soseda-perspektivu-sotrudnichestva-rossii-i-malayzii/> (дата обращения: 10.07.2025)

сотрудничества между двумя странами путем установления регулярного двустороннего экономического и финансового диалога⁵⁶.

До 2024 года никто не мог предположить, что спустя время объединение привлечет столько внимания и что некоторые страны даже увидят в нем даже прямую

угрозу своему политическому и экономическому могуществу. Это происходит несмотря на то, что объединение лишь продвигает повестку в интересах государств Глобального Юга, составляющих мировое большинство, и не собирается превращаться в антизападный блок.

Received: November 5, 2025

Accepted: December 9, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-10-24

UDC: 327

International Politics / Research article

NEW TRAJECTORIES OF BRICS COOPERATION: RESULTS AND CONSEQUENCES OF THE BRAZIL SUMMIT

Elizaveta Yu. Potapova, Research Fellow of the Group of Regional Political Problems of the East and South, the Centre for Development and Modernization Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia.
E-mail: cdms@imemo.ru

Abstract: The article is devoted to the XVII BRICS Summit in Rio de Janeiro on July 6-7, 2025, which took place amid increased international tensions and tariff pressure from the United States. The decisive role of the 2024 summit in Kazan is noted, which emphasized the high status of the BRICS and served as a kind of trigger for expanding cooperation and developing partnerships between the member states. In 2025, Indonesia joined the group as a full member, and 10 more states joined as partner countries. As a result of the Brazilian summit, a Declaration was adopted, which reflected the common positions of the countries on a number of important international issues, the main of which were raised by the author. The document highlights the role of emerging economies in promoting a more equitable international order based on international law. The strengthening of ties and strategic partnership, the growth of mutual investments and mutual settlements in national currencies have been noted between the BRICS countries in recent years, as well as the growing role of the New Development Bank and the Contingent Reserve Arrangement contributing to the development and modernization of the BRICS countries. For the first time, attacks in the Bryansk, Kursk and Voronezh regions of the Russian Federation are openly condemned and the importance of dialogue for resolving international disputes is emphasized. It is noteworthy that for the first time in the Declaration, several paragraphs are devoted to the development of Artificial Intelligence, which provides ample opportunities to strengthen the influence of developing economies in the international arena. The increase in trade duties for a number of BRICS countries by the United States is criticized as contrary to international law. The extraordinary summit of the group, held on September 8 in an online format, was a kind

⁵⁶ РФ и Бразилия на фоне угроз США подписали меморандум о финансовом сотрудничестве. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24759145> (дата обращения: 05.09.2025)

of reaction to such a policy and showed that the countries are ready to prepare a collective response. The article concludes that the tightening of sanctions by the West may turn into deepening mutual cooperation and even greater cohesion of the BRICS countries.

Keywords: BRICS, summit, declaration, expansion, partner countries, the New Development Bank, Foreign Exchange Reserve Pool, Russia, West, multipolarity, non-Western countries, Artificial Intelligence

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Список литературы / References:

- Fliagin, D., & Abdulganiyu, M. (2025). Ot BRICS k BRICS+: na puti k novomu miroporyadku [Impact of intra-BRICS trade on the share of United States dollar in international reserve composition]. *Politsentrichnyy mir*, 6(2), 5–20. DOI: 10.3897/brics-econ.6.e143810 (in Russian)
- Khoros, V.G., Potapova, E.Yu. (2024). [From BRICS to BRICS+: on the way to a new world order]. *Polycentric world*, 1 (1-2), 64–76. (in Russian)
- Mareeva, Yu.A. (2012). Strategicheskiy treugol'nik «Rossiya – Indiya – Kitay» v mezhdunarodnykh otnosheniakh (teoriya i istoricheskaya praktika) [The strategic triangle «Russia– India–China» in international relations (theory and historical practice)]. *MGIMO Review of International Relations*, 5 (26), 240–249. (in Russian)
- Rogozhina, N.G. (2025). Osobennosti rasshireniya BRIKS v Yugo-Vostochnoy Azii [Specifics of BRICS Expansion into Southeast Asia]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 1, 72–89. (in Russian)
- Shevchenko, R.I. (2016). Ob'yedineniye BRIKS: etapy formirovaniya i perspektivy razvitiya [BRICS unification: stages of formation and development prospects]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»*, 17, 43–51. (in Russian)

Литература на русском языке:

- Хорос В.Г., Потапова Е.Ю. (2024). От БРИКС к БРИКС+: на пути к новому миропорядку. *Полицентричный мир*. № 1 (1–2). С. 64–76.
- Мареева Ю.А. (2012). Стратегический треугольник «Россия – Индия – Китай» в международных отношениях (теория и историческая практика). *Вестник МГИМО-Университета*. № 5 (26). С. 240–249.
- Шевченко Р.И. (2016). Объединение БРИКС: этапы формирования и перспективы развития. *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. Т. 17. С. 43–51.
- Рогожина Н.Г. (2025). Особенности расширения БРИКС в Юго-Восточной Азии. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 1. С. 72–89.

Проблемы и перспективы использования инструментов культурной дипломатии БРИКС в контексте институционализации объединения

Л.Р. РУСТАМОВА*

МГИМО МИД России, ИМЭМО РАН (Россия)

Б.Х. БАХРИЕВ**

Университет Правительства Москвы, МГИМО МИД России
(Россия)

Аннотация

Сотрудничество в сфере культуры становится одним из важных направлений деятельности БРИКС. Менее политизированный характер такого взаимодействия приводит к тому, что сейчас наблюдается активное формирование механизмов культурной дипломатии в рамках объединения. Такой тренд формирует возможности для более широкой институционализации форматов взаимодействия в БРИКС. Авторы статьи исходят из гипотезы, что культурная дипломатия в БРИКС стала отдельным направлением его деятельности, которое содействует дальнейшему экономическому сближению, институциональному укреплению экономических отношений государств объединения, идейному обоснованию необходимости делегирования части государственного суверенитета и формированию общественной поддержки БРИКС. Теоретически исследование опирается на идеи неоинституционализма и конструктивизма, для которых важны нормативные, идейные и символические аспекты возникновения формальных институтов. В контексте расширения БРИКС и усиления разнообразия состава объединения, культурная дипломатия представляется не только инструментом гармонизации этого разнообразия через формирование системы разделемых смыслов, но и механизмом постепенной институционализации БРИКС. Проведенный авторами анализ культурной дипломатии БРИКС показывает, что страны объединения видят в ней не только инструмент укрепления взаимопонимания между народами, но и pragmatically подходят к использованию ее потенциала. Культурное взаимодействие тесно увязывается с общими экономическими задачами по повышению конкурентоспособности БРИКС, единым подходом к мироустройству, стремлением отстоять идею культурно-цивилизационного

* Рустамова Лейли Рустамовна – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, Факультет управления и политики, МГИМО МИД России; научный сотрудник Центра постсоветских исследований, ИМЭМО РАН. 119454, Россия, г. Москва, Пр. Вернадского, 76.

E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

** Бахриев Бахри Хуршедович – кандидат политических наук, доцент кафедры юриспруденции, Университет Правительства Москвы; доцент кафедры мировых политических процессов, Факультет управления и политики, МГИМО МИД России. 119454, Россия, г. Москва, Пр. Вернадского, 76.

E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

многообразия мира. Авторами выявлено, что разные сферы культурной дипломатии (кинодипломатия, модная дипломатия, музейная дипломатия, гастродипломатия) представляют из себя не разрозненные культурные подсфера, а совокупность взаимосвязанных, экономически выгодных направлений, подчеркивающих культурное богатство каждой страны БРИКС. Организуемые по линии культурной дипломатии крупные мероприятия помимо продвижения традиционной повестки способствуют привлечению инвестиции, упрочению бизнес-связей на пространстве БРИКС. Представляется, что такой симбиоз культуры и экономики отвечает интересам стран объединения. Развитие институтов культурной дипломатии в таком контексте формирует платформу для институционализации форматов общения в рамках БРИКС в новых сферах.

Ключевые слова

БРИКС, интеграция, институционализация, глобальный юг, неформальное объединение государств, культура, культурная дипломатия, креативные индустрии

Благодарности

Статья опубликована в рамках научно-исследовательского проекта «Проблемы и перспективы культурного и образовательного сотрудничества стран БРИКС» по гранту МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук № КМУ-15 «Расширение горизонтов сотрудничества БРИКС».

Для цитирования

Рустамова Л.Р., Бахриев Б.Х. (2025). Проблемы и перспективы использования инструментов культурной дипломатии БРИКС в контексте институционализации объединения. *Управление и политика*. 4(4). С. 25–47. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-25-47

Конфликт интересов

авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Культурная дипломатия в последние годы стала занимать одно из центральных мест во внешнеполитическом арсенале государств в силу ее возможностей оказывать влияние на мировую повестку и восприятие политических событий. Определения известных исследователей культурной дипломатии акцентируют внимание на возможностях культуры служить инструментом сближения, обмена информацией, продвижения ценностей и формирования привлекательного образа страны за рубежом. В то же время культурная дипломатия сейчас активно используется и международными межправительственными объединениями, и клубными форматами в целях содействия институционализации их связей не только в культурной сфере, но и экономике, политике, которые на фоне непрекращающихся процессов

коммерциализации и политизации культуры оказываются тесно переплетены со сферой межкультурного диалога.

В фокусе внимания данной статьи находится культурная дипломатия БРИКС, которая рассматривается как одна из сфер, влияющая на дальнейшую институционализацию объединения и его превращения в полноценный формат международной организации. Авторы исходят из гипотезы, что в объединении культурная дипломатия стала отдельным направлением работы, призванным содействовать дальнейшему экономическому сближению, и прежде всего институциональному укреплению отношений государств, подводя под необходимость делегирования части государственного суверенитета необходимое идеиное обоснование, а также формируя общественную поддержку. Культурная дипломатия

также выполняет задачи постепенного и гармоничного присоединения новых членов объединения к экономическим проектам БРИКС. Она, как считают некоторые исследователи, может способствовать формированию долгосрочной кооперации, а «контакты по линии деятелей культуры и искусства, экспертов, ученых, журналистов, спортсменов, молодежи могут стать прочной основой для сближения народов не только по политическому и экономическому, но и гуманистичному треку» (Ягъя, Чуков & Парфененок, 2016).

Следует отметить, что в современном исследовательском дискурсе культурно-гуманистический аспект взаимодействий в рамках БРИКС уже изучается. В фокусе внимания исследователей оказывается как сотрудничество отдельных стран в данной сфере (Sreechandra, 2021; Ревенко, 2018; Гурулева & Бедарева, 2019), так и проблематика формирования на площадке самого объединения форматов сотрудничества в культурно-гуманистической сфере (Bruno, 2019; Lee, Kornphetcharat & Sims, 2025; Kurumchina, 2020; Игнатов, 2019; Богатырева, Ковба & Табаринцева-Романова, 2022; Конкин, 2021; Табаринцева-Романова, 2023; Наумов, 2023; Садыков & Учаев, 2024). Однако недостаточно изученным является вопрос и возможностях культурной дипломатии как драйвера институционализации БРИКС.

Теоретико-методологическая основа настоящей статьи формируется идеями теории неоинституционализма и конструктивизма. Следует уточнить, что термин «институт» имеет разные толкования. Американский ученый Дж. Коммонс называет институтом «любое коллективное действие, которое контролирует поведение отдельных индивидуумов» (Modema, Mercuo, & Samuels, 2006). Другая дефиниция представляет институт «общепризнанным складом мышления, привычек/

обычаев или общих ценностей» (Modema, Mercuo & Samuels, 2006). Как отмечает иранский исследователь Х. Джаббар Насир, «институты создают площадки взаимодействия для людей в конкретный исторический период для установления некоего порядка и уменьшения нестабильности» (Джаббари Насир, 2017).

Неоинституционалисты выделяют неформальные и формальные институты, которые оказывают влияние на поведение акторов, на динамику развития политических процессов. Под формальными институтами понимаются закрепленные юридические нормы, законы, которыми руководствуются правительства. Классические международные организации тоже относятся к формальным институтам. Неформальными же институтами являются такие факторы социального поведения человека, как правила поведения, система ценностей, идеология и традиции. Именно неоинституционалисты начали уделять внимание нормативному аспекту. Так, Дж. Марч и Й. Ольсен писали о «способности учреждений, организаций вырабатывать нормы и ценности» (March & Olsen, 1989). При таком подходе институт представляет собой реализуемую в повседневной практике норму поведения, которая становится со временем типичной и устойчивой. В контексте темы настоящей статьи культурную дипломатию можно рассматривать как инструмент формирования устойчивых норм поведения, средство формирования предсказуемости и доверия между обществами и странами объединения. Такое понимание делает культурную дипломатию перспективным инструментом формальной институционализации БРИКС.

Причина, по которой авторы используют идеи конструктивизма заключается в том, что она, во-первых, оспаривает жесткосиловой детерминизм логики международного поведения / взаимодействия

государств, в частности в формировании им международных институтов. Материальные силы, как пишет известный конструктивист А. Вендт, конституируются акторами в соответствии с определенным для них (акторов) смыслом (Wendt, 1999, р. 24).

Во-вторых, идея интерсубъективности конструктивизма направлена на коммуникацию и кооперацию, она достаточно хорошо описывает содержательные элементы современной культурной дипломатии, обосновывая необходимость диалогичности и понимания других. Сторонники конструктивизма рассматривают осуществление публично-дипломатической деятельности, частью которой является культурная дипломатия, как социальное взаимодействие, в котором важно понимание идентичности и культуры адресатов. Конструктивисты исходят из разнообразия государств, обладающих своим уникальным восприятием мира, отличающимся от других культур и ценностей. В позитивном восприятии этого разнообразия, то есть в понимании «других» без отрицания их права на собственную идентичность, как отмечает Т. Хопф (Hopf, 1998), находится ключ к созданию стабильного мира и отношений.

В-третьих, международные институты при реализации многосторонней культурной дипломатии, декларируя похожие принципы и применяя одинаковый набор инструментов ее реализации, могут на деле «преследовать разные цели: для одних – это продвижение и реализация глобальных универсальных идей и ценностей, для других – формирование, укрепление и защита собственной региональной идентичности (за счет противопоставления “другим”)» (Табаринцева-Романова, 2023). Культурная дипломатия во многом способна гармонизировать разнообразие, формируя систему разделяемых смыслов, которые управляют не только перцепцией

и коммуникацией, но и действиями акторов, способствуя становлению практики как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе (Hudson, 1997).

Для изучения контекста БРИКС, который часто рассматривается как сообщество государств, ставящее под вопрос американский унилатерализм в глобальных делах через продвижение международного порядка, основанного на равноправии государств (Kumar & Thomas, 2022; Кульпина, Морозкина и др., 2015), важным представляется идея конструктивизма о приоритете *установления и управления отношениями друг с другом* над установкой *оказания влияния на мнения и действия других государств и обществ* (Gregory, 2008). Как отмечает М.М. Лебедева, «успешная реализация устремлений БРИКС выстраивать контуры новой политической организации мира возможна лишь при использовании “силы идей”» (Лебедева, 2025). Культурная дипломатия в таком контексте является той функциональной, перспективной, с точки зрения генерации «сильных идей», зоной сотрудничества стран БРИКС, которая может определить траекторию дальнейшего развития и институционализации объединения.

Интересным для теоретического фокуса настоящей статьи представляется идея конструктивистского институционализма, которая является во многом частной теорией. Один из основных сторонников этого теоретического течения Колин Хэй пишет, что в основе желаний, предпочтений и мотиваций акторов не всегда находятся социально-экономические факторы. Важными детерминантами являются *идеациональные (ideational) ориентации*, которые опираются во многом на морально-этические и политические императивы (Hay, 2006). Взаимодействия в сфере культуры на площадке БРИКС в данном случае можно рассматривать

как способ трансляции и артикуляции идеациональной позиции стран объединения, средством выражения их международно-политического позиционирования, что готовит почву для углубления сотрудничества государств БРИКС с вариативными форматами его институционализации. В этом смысле культурная дипломатия может стать фактором «эффекта переливания» (spillover effect) – известной концепции в рамках неофункционалистской теории интеграции. Авторы настоящей статьи считают, что данная концепция может интерпретироваться и с точки зрения институционализма, поскольку на практике для реализации обозначенного эффекта первичным является формирование институтов, без которых сложно представить интеграцию между государствами.

Особенности культурной дипломатии БРИКС

Изначально нацеленное на решение экономических проблем объединение 5 государств (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) в 2014 году впервые поставило перед собой задачу укреплять взаимопонимание между своими обществами через инструменты культурной дипломатии. В Форталезской декларации был закреплен пункт о роли культурной дипломатии как инструмента укрепления взаимопонимания между народами, о связи культуры и устойчивого развития и необходимости разработки многостороннего соглашения о культурном сотрудничестве¹ и все последующие декларации по итогам саммитов стали включать более детализированные положения о значимости культурного взаимодействия

для развития объединения и план действий по его реализации. Подробности о тематике культурного взаимодействия в рамках БРИКС в декларациях по итогам саммитов БРИКС представлены в таблице 1.

Анализируя причины обращения к культурной дипломатии экономического объединения БРИКС ряд российских исследователей делает акцент на том, что взаимопроникновение элементов культуры в рамках БРИКС, было призвано содействовать формированию альтернативных западной системе ценностных ориентиров и созданию справедливого и равноправного мироустройства. (Наумов, 2023; Курумучина, 2020). Однако в значимых последующих документах по итогам саммитов объединения культурное взаимодействие тесно увязывается с общими экономическими задачами по повышению конкурентоспособности и единым подходом к мироустройству, стремлением отстоять идею культурно-цивилизационного многообразия мира. В начале 2010-х между членами БРИКС и странами Запада наметилось сокращение экономического и технологического разрыва, и в то же время резко возросла конкуренция в сфере мягкой силы, борьба за продвижение своих нарративов. Для России это противостояние особенно остро проявилось после воссоединения Крыма и введения первых масштабных антироссийских санкций. В этой связи П. Куке отмечает, что «культура, в отличие от авианосцев или полупроводниковых фабрик, может быть развернута постепенно; а каждый кинофестиваль или спортивное состязание в рамках культурной дипломатии – это небольшой эксперимент по силе повествования» (Cooke, 2016).

¹ Форталезская декларация и Форталезский план действий (принята по итогам шестого саммита БРИКС 15 июля 2014). URL:<http://special.kremlin.ru/events/president/news/46227> (дата обращения: 30.09.2025).

Таблица 1.
Тематика культурного взаимодействия в декларациях саммитов БРИКС
(2014-2025 гг.)

Table 1.

The topic of cultural cooperation in the declarations of BRICS summits
(2014-2025)

Год саммита	Название декларации	Упоминание важности культуры и необходимости сотрудничества в этой сфере	Упоминание предложений по институционализации сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере
2014	Форталезская декларация	Подчеркивается важность культурной дипломатии, культурных обменов	Присутствуют без большой конкретики: предлагается ускорить переговоры по проекту соглашения о культурном сотрудничестве; поддержана инициатива о создании Сетевого университета БРИКС
2015	Уфимская декларация	Вновь подчеркивается значимость сотрудничества стран БРИКС в сфере культуры	Отсутствуют, однако подчеркивается важность подписания Соглашения между правительствами стран БРИКС о сотрудничестве в области культуры
2016	Декларация Гоа	Провозглашение поддержки расширения культурных обменов между народами государств БРИКС	Присутствуют: в документе страны объединения приветствуют проведение первого Кинофестиваля БРИКС в Нью-Дели (2-6.09.2016); отмечается важность инициативы по учреждению спортивного совета БРИКС
2017	Сямэнская декларация	Подчеркивается важность культурного разнообразия, контактов между людьми в интересах обеспечения широкой общественной поддержки сотрудничества в рамках БРИКС	Присутствуют: поддержка создания в рамках БРИКС Альянса библиотек, Альянса музеев, Альянса художественных музеев и национальных галерей, Альянса детских и юношеских театров; выражена готовность продолжить работу по учреждению Совета стран БРИКС по культуре
2018	Йоханнесбургская декларация	Отмечается значимость и роль культуры в контексте ее экономических возможностей	Конкретные упоминания отсутствуют, однако отмечается важность инициативы по созданию Рабочей группы БРИКС по туризму
2019	Декларация Бразилии	Подчеркивается готовность к расширению взаимодействия в сфере культуры, выражено удовлетворение динамикой сотрудничества в сфере спорта, СМИ, кинематографии	Конкретные упоминания отсутствуют, однако подчеркивается важность реализации инициативы стран БРИКС в области кинематографии и совместного кинопроизводства
2020	Московская декларация	В тексте появляется параграф «Культурные и гуманитарные обмены», в котором подчеркивается важность этой сферы в деятельности БРИКС	Конкретные упоминания отсутствуют, страны объединения принимают во внимание инициативу России о создании рабочей группы БРИКС по вопросам культуры
2021	Делийская декларация	Культурные и гуманитарные обмены названы одними из трех направлений сотрудничества в рамках объединения	Отсутствуют, однако высоко оценены итоги встречи Совета экспертовых центров стран БРИКС и Академического форума БРИКС, выражена готовность учитывать рекомендации Гражданского форума БРИКС
2022	Пекинская декларация	Выражена готовность к углублению гуманитарных обменов	Конкретные упоминания отсутствуют, однако содержится призыв к налаживанию партнерских связей в сфере культуры, а также важность институционализации Форума организаций гражданского общества стран БРИКС
2023	Йоханнесбургская декларация - II	Отмечается, что гуманитарные обмены играют важнейшую роль в обогащении обществ БРИКС и развитии экономики стран объединения	Конкретные упоминания отсутствуют, однако страны БРИКС обязываются в срочном порядке приступить к практической реализации Плана действий (2022-2026) в рамках Рабочей группы БРИКС по культуре
2024	Казанская декларация	Появляется параграф о расширении гуманитарных обменов в интересах социального и экономического развития	Присутствует: приветствуется создание Альянса народной танцевальной культуры БРИКС и содержится призыв к созданию Альянса киношкол стран БРИКС; поддерживается расширение Сетевого университета БРИКС и сфер его деятельности

Продолжение таблицы 1.

Год саммита	Название декларации	Упоминание важности культуры и необходимости сотрудничества в этой сфере	Упоминание предложений по институционализации сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере
2025	Декларация Рио-де-Жанейро	Подчеркнута важность партнерства для продвижения человеческого, социального и культурного развития	Присутствует: создание платформы БРИКС по культурным и креативным индустриям и экономике в рамках Рабочей группы БРИКС по культуре; отмечается важность принятия Устава Альянса по сотрудничеству в области технического и профессионального образования и подготовки

Источник: составлено авторами на основе текстов деклараций по итогам саммитов БРИКС (2014-2025 гг.)

Такой формат, как встреча министров культуры стран БРИКС, проводимый на ежегодной основе, очень быстро дал результаты по запуску и практической реализации целого ряда программ культурной дипломатии, которые привели к институционализации культурного взаимодействия, заложившего основы для становления институтов, поддерживающих функционирование всего объединения. Одним из первых направлений для развития было выбрано сотрудничество в кинематографе, поскольку киноиндустрия играет важную роль в распространении так называемой «нормативной силы» Запада. Кино, как отмечают некоторые исследователи, «играет значимую роль в дискуссии о стратегии мягкой силы БРИКС и роли этой организации в мировой политике» (Конкин & Романова, 2021).

Фактическая монополия Запада в большинстве культурных направлений, которая особенно просматривается в организации и присуждении наиболее влиятельный премий (в литературе наиболее престижной премией остается Нобелевская премия по литературе, в кинопроизводстве — это американские «Оскар» и «Золотой глобус», в музыке — американские Grammy и American Music Awards), позволяет использовать культуру для распространения политических ценностей, формирования политической повестки, мобилизации общественного мнения в поддержку или с целью

осуждения политического курса тех или иных стран (Рустамова & Адрианов, 2023; Артамонова & Рустамова, 2023). При этом, в частности, Голливуд массово эксплуатирует культурные достижения членов БРИКС для продвижения своих культурных кодов, осуществляя таким образом «культурную интервенцию», а также распространяя стереотипное восприятие богатых культур Индии, Китая, России, ЮАР и Бразилии, которое не позволяет понять своеобразие менталитета народов объединения, снижает уровень объективной оценки проводимой ими политики.

Несмотря на то, что стереотипы рушатся в основном при личном общении и на площадке БРИКС эта задача решалась в рамках Международного фестиваля театральных школ стран БРИКС+, который проходил в России с 2017 года, и объединял на театральной сцене творческие коллективы и молодежь 5 стран, потенциал кино в этом плане значительно выше, поскольку у него огромная аудитория. В 2016 году БРИКС впервые провело кинофестиваль БРИКС, который должен был заложить основы для совместного производства фильмов, стать альтернативной площадкой кинофестивалей и премий. Эта задача просматривалась в том, что кинофестиваль практически копировал Оскар по своим номинациям, позже о намерении создать в рамках БРИКС Евразийской киноакадемии и присуждать «трансконтинентальный Оскар» заявили

эксперты, привлеченные к организации мероприятия². Анализируя результаты кинофестиваля российский кинокритик Кирилл Разлогов, отметил, что кинофестиваль стал результатом государственной инициативой и для его успешного развития необходимо привлечь к этой работе прежде всего талантливых кинематографистов.

При подготовке Пятого кинофестиваля БРИКС под девизом «Кино стран БРИКС – альтернативы Голливуду» большое внимание уделялось экономической составляющей культурной дипломатии. Помимо необходимости распространения фильмов, отражающие культурное, жанровое и тематическое разнообразие, присущее кинематографиям этих стран, отмечалась задача повысить свои показатели киноиндустрии, мировой оборот которой в 2018 году составил 136 миллиардов долларов³.

В 2018 году в Маропенге состоялась третья встреча министров культуры стран БРИКС, на которой была подписана Маропенгская резолюция о развитии культурного партнерства, которая поставила задачу продвигать межведомственное сотрудничество в культуре и укреплять взаимодействие стран БРИКС в сфере кинематографа и анимации, моды и дизайна, а также стремиться к расширению сотрудничества в новых культурных направлениях⁴.

С этого момента наметился рост взаимодействия по всему спектру направлений культуры, каждое из которых было оформлено в отдельную институциональную структуру. В таблице 1. представлено несколько сфер культурной дипломатии, а также институты, которые были созданы с целью направления и организации их работы.

Институционализация культурной дипломатии БРИКС
Institutionalization of BRICS cultural diplomacy

Таблица 2.

Table 2.

Сфера	Участники	Повестка	Управляющая структура
Театральная дипломатия	Театральные школы	Разрушение стереотипов	Дирекция Фестиваля искусств стран БРИКС (BRICSART)
Кинодипломатия	Киновузы	Альтернативная западная площадка, своя ниша в киноиндустрии	Ассоциация киношкол стран БРИКС
Модная дипломатия	Дизайнеры, бизнесмены, культурные деятели, специалисты в сфере легкой промышленности, блогеры, преподаватели	Зашита идентичности и новые рынки, обмен опытом	Международная модная федерация БРИКС
Гастрономическая дипломатия	Шеф-повара	Популяризация национальных кухней, сотрудничество гастро-компаний	Фонд поддержки деловых коммуникаций БРИКС ПЛЮС

² Разлогов назвал условия для успешного развития кинофестиваля БРИКС // РИА Новости, 07.09.2016.URL: <https://ria.ru/20160907/1476263879.html> (дата обращения: 30.09.2025)

³ Кино стран БРИКС – альтернативы Голливуду. URL: <https://www.moscowfilmfestival.ru/brics/kinoforum/> (дата обращения: 30.09.2025)

⁴ Страны БРИКС будут развивать культурное сотрудничество между городами // РИА Новости, 02.11.2018. URL: <https://ria.ru/20181102/1532025754.html?ysclid=mev6ohl69549275102> (дата обращения: 30.09.2025)

Продолжение таблицы 2.

Сфера	Участники	Повестка	Управляющая структура
Спортивная дипломатия	Спортсмены, тренера, спортивные специалисты, бренды	Организация и проведения спортивных состязаний, фестивалей спорта	Профильные национальные министерства, Спортивный Межконтинентальный комитет Международного Альянса стратегических проектов БРИКС
Парадипломатия	Инвесторы, крупные коммерческие компании, представители федеральной и региональной власти, эксперты	Привлечение инвестиций, обмен опытом в сфере городского управления, обмен технологиями	Международный муниципальный форум стран БРИКС
Музейная дипломатия	Музеи	Распространение знаний об уникальных особенностях культуры	Альянс музеев и художественных галерей БРИКС
Информационная дипломатия	Руководители ведущих медиа-структур БРИКС, руководители СМИ стран объединения	Развитие цифровых медиа, расширение сотрудничества в области освещения новостей, обмен телевизионными методами и временем в эфире	Национальные оргкомитеты медиасаммитов БРИКС

Источник: составлено авторами по материалам открытых источников и СМИ

Устойчивый термин «дипломатия Голливуда», который в данном случае целесообразно заменить на кинодипломатию пока единого управляющего структурно оформленного органа не получил, и участники объединения продолжают вести переговоры о создании фонда совместного кинопроизводства и проката, однако был сделан важный шаг для распространения сведений о культуре и киноиндустрии стран объединения, когда в 2017 году был создан TV BRICS. TV BRICS оказывает коммуникационную и информационную поддержку крупных международных событий в странах БРИКС+, обеспечивает медиасопровождение деятельности органов власти, учреждений культуры и высшего образования, общественных и некоммерческих организаций. Отдельный раздел медиаканала посвящен культуре, при этом в нем практически нет политической повестки. В этом смысле канал БРИКС выполняет задачу по привлечению внимания зарубежной общественности, формированию своего целостного образа и популяризации мягкой силы без обвинений в пропаганде, которых не удалось избежать главным российским

информационным каналам Russia Today, Sputnik.

Акцент на уникальности культур, стремление вывести их за черту текущей политической повестки просматривалось в идейных основах других поднаправлений культурной дипломатии БРИКС: музейной. Ведущие музеи и галереи стран БРИКС объединились в Альянс художественных музеев и галерей, который стал организовывать мероприятия под девизами «Уникальность и взаимодействие».

Аналогичную задачу ставила перед собой модная дипломатия. После начала СВО и запуска культуры отмены в отношении России российский рынок модной индустрии переориентировался на Ближний Восток, Азию и страны БРИКС. Так, был создан проект BRICS Fashion Week, основной целью которого стало продвижение культуры стран BRICS на международной арене, а также создание возможностей для сотрудничества и обмена опытом между дизайнерами, бизнесменами и культурными деятелями. В этой сфере проявилась инициативность общественных кругов: к организации мероприятия, его переходу на высокий

институциональный уровень проявили интерес, прежде всего, представители модной индустрии, бренды и творческие объединения дизайнеров, которые ставят перед собой задачу вывести свои локальные бренды на новые рынки, заявить о себе на фоне доминирующих западных модных домов, обменяться опытом ведения бизнеса и применения новых более устойчивых технологий при производстве одежды.

С 2023 года в Москве стал проводиться международный форум BRICS+ Fashion Summit, на котором поднималась тема уважения к разным культурам, особенно в процессе заимствований ряда традиционных для других народов элементов одежды, осуждалось бездумное копирование образов и символов, имеющих богатую историю и глубинные смыслы для носителей определенного культурного кода⁵, которое имеет место быть в западной модной индустрии. При этом индустрия моды приносит в бюджеты развитых стран не менее 30% дохода, формируя почти 25% ВВП (Малышева, 2018).

Организованный в 2025 BRICS+ Fashion Summit доказал, что модная дипломатия выполняет для объединения гораздо более глубинные задачи в области мягкой силы, она также распространяет знания о странах-участницах и их истории. Он стал ответом на глобализацию и быструю моду, которая эксплуатирует национальные и культурные

коды, нивелируя их первоисточник. Так, организованная Россией выставка «Родные мотивы», посвященная народному костюму и национальному коду народов, населяющих огромную территорию Российского государства, стала воплощением ее гигантских масштабов, богатейшей истории и разнообразия культур. Для выставки были отобраны дизайнеры со всей России, которые активно работают с национальным наследием своих регионов, образцы народного костюма из частных собраний⁶.

Значимость занятия своей ниши на мировом модном рынке для роста экономического веса БРИКС стала очевидной после того, как интерес к мероприятию проявили страны, которые изначально тяготели к другим направлениям культурной дипломатии. За три года мероприятие привлекло около 600 российских и зарубежных дизайнеров, руководителей ведущих компаний, экспертов профильных ассоциаций и журналистов из 109 государств⁷, а также дало старт новому направлению культурного сотрудничества: гастрономическую дипломатию.

Кухня как неотъемлемая часть дипломатического протокола и этикета, – особенно во время переговоров, поскольку через «изысканное угощение лежит путь к консенсусу и достижению цели», а также часть национальной культуры – всегда сопровождала саммиты БРИКС, во время которых знакомство участников саммитов с блюдами и напитками

⁵ Модная сотня. Как прошло самое яркое событие осени 2024 в фэшн-индустрии стран БРИКС // Мослента, 31.10.2024. URL: <https://moslenta.ru/city/proekty/modnaya-sotnya-kak-proshlo-samoe-yarkoe-sobytie-oseni-2024-v-feshn-industrii-stran-briks.htm?ysclid=meyi5yr76916478281> (дата обращения: 30.09.2025)

⁶ Выставка «Родные мотивы» в рамках BRICS+ Fashion Summit. URL: <https://program.fashionsummit.org/program/exhibition-day-1> (дата обращения: 30.09.2025).

⁷ Модный форум БРИКС в Москве объединил 109 стран // РИА Новости, 30.08.2025. URL: <https://ria.ru/20250830/briks-2038537093.html?ysclid=meyyndz7d6199696949> (дата обращения: 30.09.2025).

страны-организатора выступает частью демонстрации не только гостеприимства, но и культурных традиций, национального колорита. Однако модная дипломатия дала толчок, в первую очередь, проявлению коммерческой стороны гастродипломатии, которая позволяет повысить туристические потоки, экспорт продуктов питания и внести вклад в обеспечение продовольственной безопасности. Во время проведения модных саммитов дизайнеры объединились с ресторанными заведениями, представив специальные гастрономические колаборации (например, Masterpeace с рестораном «Зойка» и Daniil Antsiferov и Les Archives с проектом Sangre Fresca)⁸. Казанский саммит БРИКС в 2024 стал кулинарной выставкой, на которой российские продовольственные бренды продемонстрировали гастрономические традиции России и заключили выгодные контракты на поставку своей продукции в несколько стран БРИКС.

Так, петербургский бренд Dessert-Fantasy заключил контракт на поставки более 105 тонн продукции на новые для себя рынки из стран-участниц саммита. На данный момент для координации решений, связанных с развитием экспорта и импорта продовольствия стран БРИКС, назрела необходимость создать Центр продовольственной дипломатии, который в условиях санкционной политики Запада обеспечивал бы бесперебойное снабжение продовольственными ресурсами по приемлемым ценам⁹.

Среди всех поднаправлений культурной дипломатии наибольшего институционального развития достигала парадипломатия, в рамках которой функционирует Международный муниципальный форум стран БРИКС, в котором субнациональные единицы: города и внутригосударственные регионы подключаются к усилиям по стимулированию туризма и межкультурного обмена в целях улучшения социального и экономического благосостояния граждан и эффективного управления территорий. Впервые он был создан в 2019 году и активно встроился в системы торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей стран БРИКС друг с другом.

В рамках форума были достигнуты соглашения о проведении книжных ярмарок, кинофестивалей, выставок фотографий и живописи. Он стал инструментом сближения общественности стран объединения через установление личных контактов между муниципальными властями и населением в рамках сотрудничества породненных городов, дополнительной институциональной структурой, осуществляющей функционирование спортивной дипломатии БРИКС, так как в рамках форума проводятся свои состязания, которые являются этапом к участию в Играх БРИКС. Примером такого состязания выступает Международный муниципальный турнир по регби среди команд из стран БРИКС.

Спортивная дипломатия БРИКС также имеет сильную культурную

⁸ Кулинарное послевкусие саммита БРИКС: российские угощения и гастродипломатия на высшем уровне // Блокнот, 28.10.2024. URL: <https://bloknot.ru/obshhestvo/kulinarnoe-poslevkusie-sammita-briks-rossijskie-ugoshcheniya-i-gastrodiplomatiya-na-vysshem-urovne-1353757.html> (дата обращения: 30.09.2025).

⁹ Russia proposes to create BRICS Centre for Food Diplomacy // TV BRICS. 21.04.2025. URL: <https://tvbrics.com/en/news/russia-proposes-to-create-brics-centre-for-food-diplomacy/?ysclid=me64g2dyvv920137779> (дата обращения: 30.09.2025)

составляющую и повторяет нарративы культурной дипломатии. Параллельно спортивным состязаниям проходят выставки творчества стран-участниц, где представлены традиционная кухня, фильмы, картины, достижения, театральные постановки и музыкальные вечера. Культурная сторона проявляется в церемониях открытия, представляющих симбиоз национальных танцев, символах игр, а также их программах. С 2019 года игры БРИКС включают состязания в национальных видах спорта стран-участниц.

Поскольку национальные виды спорта являются неотъемлемым элементом идентичности народов, они несут в себе ценности и играют важную роль в сохранении самобытности, организация подобных состязаний помогает лучше понять культуры друг друга, а также сформировать идейные основы сплочения для объединения. После распространения санкционного давления на сферу спорта задача спортивной дипломатии России состояла в том, чтобы отстоять такие базовые принципы спортивного движения, как аполитичность, равенство и отсутствие дискриминации по расовому,циальному, религиозному и политическому признакам. Игры БРИКС стали той площадкой, на которой была принята программа развития спортивного сотрудничества в соответствии с этическими стандартами спорта, заложенными в тот период, когда международное спортивное движение еще отстаивало принципы аполитичности. Эти стандарты были инкорпорированы в Меморандум о сотрудничестве стран БРИКС в области физической культуры и спорта, который предусматривал проведение ежегодных Спортивных

игр БРИКС, а также признавал спорт инструментом социальных преобразований, способным стимулировать экономическое развитие в государствах-членах.¹⁰

С учетом растущего влияния информационного фактора в мировой политике, его возможности для популяризации достижений в сфере культуры, значимым направлением деятельности БРИКС представляется информационная дипломатия. Логика связи с культурной дипломатией заключается в том, что в эпоху феномена «отмены культуры» она часто начинается через использование информационных ресурсов. На данный момент ключевым форматом сотрудничества в рамках этого направления в объединении является Медиасаммит БРИКС, который проводится с 2015 года. Данный формат во многом стал ответом на усиление информационного противоборства после Крымских событий 2014 года, которое выявило внутри БРИКС серьезные проблемы с распространением объективной и оперативной информации по международной проблематике (Сибиряков, 2025).

Формат Медиасаммитов рассматривается странами БРИКС важной платформой для выражения их мнений. Последний Медиасаммит, в котором приняли участие руководители и представители более 45 ведущих СМИ стран БРИКС и стран, подавших заявки на вступление в объединение, прошел в сентябре 2024 г. в Москве. Темой саммита была выбрана «Роль медиасообщества БРИКС в укреплении стабильности и сотрудничества в современном мире». Как отметил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров в своем обращении к участникам мероприятия: «Трудно переоценить роль СМИ

¹⁰ Memorandum of Understanding on Cooperation in Physical Culture and Sports. URL: <https://brics.br/en/news/brics-signs-landmark-sports-agreement-to-tackle-inequality-and-advance-social-inclusion> (accessed 25.09.2025).

в развитии межгосударственного общества, упрочении атмосферы дружбы, доверия, взаимопонимания между народами. Отрадно, что в вашем мероприятии принимают участие как руководители ведущих СМИ стран-участниц БРИКС, так и представители других государств Глобального Юга и Востока, Мирового большинства»¹¹.

По итогам мероприятия была принята декларация, согласно которой страны БРИКС единогласно договорились посредством своих информационных ресурсов содействовать построению справедливого и равноправного многополярного мироустройства на основе норм международного права и принципов равенства, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела и неделимой безопасности¹². Активизация работы данного формата способна нивелировать не только негативные информационные кампании в отношении БРИКС и его отдельных государств, но и повысить узнаваемость объединения, усилить его позиции на глобальном информационном пространстве.

Из Таблицы 2 видно, что культурная дипломатия стран БРИКС представляет собой не разрозненные культурные подсферы, а совокупность взаимосвязанных, экономически выгодных направлений, подчеркивающих культурное богатство каждой страны БРИКС. В рамках театральной, модной, музейной, спортивной дипломатии проводятся крупные международные мероприятия, общую организацию и управление которыми осуществляют специально созданные институциональные структуры и Фонд

поддержки деловых коммуникаций БРИКС+. Фонд является звеном взаимодействия и диалога между органами власти, бизнесом, научным сообществом, общественными объединениями и союзами, другими организациями стран БРИКС и дружественных государств во всех сферах взаимодействия государств-участниц, включая культуру и спорт. Таким образом, БРИКС удалось сформировать сложную систему взаимодействий на самых разных уровнях: от межгосударственного до локального (Кузнецов, 2020) и включить все поднаправления культурной дипломатии, что свидетельствует о том, что культура – это самодостаточное и основополагающее направление деятельности БРИКС (Kancharlapalli, 2021).

Культурная дипломатия в контексте расширения БРИКС

Сkeptически оценивая возможности культурной дипломатии преодолеть препятствия на пути эволюции БРИКС в более мощное институционально-оформленное объединение, когда оно состояло только из пяти государств, эксперты приводили в пример тот факт, что культура не может урегулировать приграничные споры между Индией и Китаем, страны имеют разные взгляды на стратегическое развитие БРИКС (Колдунова, 2014). Эксперт по политике памяти А. Понамарева, указывала на то, что даже в таких сугубо культурных вопросах, как сохранение исторической памяти о Второй мировой войне между двумя наиболее сблизившимися партнерами БРИКС Китаем

¹¹ Видеообращение Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова к участникам церемонии открытия Медиа Саммита БРИКС, Москва, 14 сентября 2024 года // Официальный сайт МИД РФ, 14.09.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/posledniye_dobavlnenniye/1969506/#sel=16:26:vex,16:36:ejU

¹² В Москве завершился VII Медиасаммит стран БРИКС // Sputnik, 16.09.2024. URL: <https://ru.sputnik.kz/20240916/v-moskve-zavershilsya-vii-mediasammit-stran-briks-47117329.html>

и Россией не было тотального совпадения интересов, и приводила в пример их разную оценку вклада в общую победу стран коалиции¹³.

В 2024-2025 году объединение включило несколько новых членов, которые серьезно отличались по уровню экономического развития, религиозного состава и интенсивности отношений как со старыми членами БРИКС, так и Западом, и западные и российские аналитические исследования пополнились алармистскими выводами о том, что после расширения объединение потеряет свой изначальный посыл, и останется крайне разрозненным и неоднозначным с точки зрения своей способности переформатировать мировой порядок в соответствии с теми целями, который он объявил, требуя более справедливых правил мировой торговли и глобального управления в целом¹⁴.

После расширения тезис продвижении в рамках культурной дипломатии общих ценностей, использовании их в качестве объединяющего фактора действительно представляется еще менее очевидным, однако по-новому зазвучала задача выработать общую внешнюю культурную политику, «которая должна помочь улучшить отношения внутри объединения, а также укрепить имидж объединения для того, чтобы фиксировать его экономические и политические успехи» (Боголюбова, 2024, с. 97).

Бразильский эксперт Бруно ду Вале Новаис на основе сравнительного анализа культурной деятельности стран БРИКС с 2003 по 2018 годы, отметил, что несмотря на различные географические и культурные контексты, культурную дипломатию стран БРИКС роднят общие проблемы, стоящие перед культурной политикой. Это способствует расширению проектов и программ культурного сотрудничества внутри БРИКС и интеграции в сфере культуры с другими странами и многосторонними институтами в целях защиты своей национальной культуры, выхода на новые рынки, в частности, посредством обращения к финансовым ресурсам Нового банка развития БРИКС (Bruno, 2019, р. 165). Учитывая, что культурная дипломатия БРИКС очень часто связана с экономическими проектами, то перспективным видится использование финансовых возможностей Нового банка развития БРИКС для реализации таких проектов. Отдельные примеры вовлеченности данного финансового института БРИКС в социально-гуманитарные проекты уже имеются (Садыков & Учаев, 2024).

С расширением БРИКС усилила свое влияние, объединив 42% мирового ВВП и более половины населения планеты¹⁵ и, как справедливо отмечает Е.А. Крылова, ресурсный потенциал в целом ряде направлений культурного взаимодействия вырос. Анализируя показатели,

¹³ Понамарева А. 2024. Историческая память на перекрестках культур//BRICS Business Magazine, 30.09.2024. URL: <https://bricsmagazine.com/myagkaya-sila/soczium/istoricheskaya-pamyat-na-perekrestkah-kultur/> (дата обращения: 30.09.2025)

¹⁴ См. например: Bhat A. 2023. No One Knows What BRICS Expansion Means. *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2023/10/no-one-knows-what-brics-expansion-means/> (accessed 30.09.2025); Лавров С. 2023. Не упустить главного: о плюсах и минусах расширения БРИКС. *Россия в глобальной политике*, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-upustit-glavnoe-briks/?ysclid=meapay29ef161464853> (дата обращения: 30.09.2025)

¹⁵ Norton B. 2024. BRICS expands with new partner countries. Now it's half of world population, 41% of global economy. *Geopolitical Economy Report*. URL: <https://geopoliticaeconomy.com/2024/12/25/brics-expands-9-partner-countries-population-economy/> (accessed 30.09.2025).

связанные с цифровой экономикой и обществом, Л. Ганеева и А. Никифорова приходят к выводу, что среди всех членов нынешнего большого БРИКС у таких новых членов, как ОАЭ гораздо больше возможностей и потенциала в цифровизации (Ганеева & Никифорова, 2024). БРИКС в расширенном составе способен развивать новые поднаправления культурной дипломатии: астрономическую дипломатию, гуманитарную дипломатию (Дмитриева, 2023).

Новые партнеры стали входить в те институционально-оформленные подразделения, которые были им наиболее интересны с точки зрения их экономик и таким образом не только продолжили строительство институциональной структуры БРИКС, но и обеспечили себе плавную и выгодную для себя инкорпорацию в объединение. Большинство таких структурных площадок как раз были созданы по линии культурной дипломатии. К примеру, в 2024 году Эфиопия, Египет, Малайзия, Эквадор, Кения подключились к проектам модной дипломатии и совместно со «старыми участниками» создали Международную модную федерацию БРИКС (*BRICS International Fashion Federation*). Для многих новых участников присоединение к этим площадкам в то же время представляет собой возможность получить ценные знания и опыт, дать толчок развитию новых направлений культурной дипломатии у себя дома.

Появились возможности на новом уровне развивать сферу туризма, в которой преуспели такие новые участники объединения, как Египет, ОАЭ, Индонезия. Туризм может стимулировать устойчивое использование совокупного

объема природных и культурных ресурсов объединения, а также способствовать их сохранению и устойчивому развитию (Пивненко, 2025; Игнатов, 2019). В рамках данного направления работы по стиранию пространственных барьеров через упрощение визовых режимов и бюрократических препятствий на пути движения людей будут продвигать объединение к формированию общей зоны БРИКС, свободной от виз, близкой к Шенгенской зоне ЕС. После присоединения ОАЭ, Египта, Ирана, Эфиопии, Индонезии к БРИКС, по-новому зазвучала задача органичного соединения усилий по строительству креативных индустрий благодаря тому, что часть новых членов преуспела в отдельных ее сферах и могла бы подтянуть до нужного уровня пока отстающих участников. Неслучайно пункт 110 декларации по итогам саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро ставит цель создать платформы БРИКС по культурным и креативным индустриям и экономике в рамках Рабочей группы БРИКС по культуре¹⁶.

Активно создаваемые в рамках БРИКС с 2015 года культурные площадки позволили новым участникам получить рычаг противодействия нормативному давлению Запада, не прибегая к открытой конфронтации. В этой связи Б. Ли заявляет о том, что блок защищает их от гегемонии западной «мягкой силы» (Lee, 2025). Благодаря таким ресурсам, как TV BRICS, Информационно-культурному медиацентру БРИКС+ у объединения появилась реальная возможность сплотить население стран общей идеей и единым видением того, как необходимо решать проблемы страны Юга. За несколько лет работы канал БРИКС благодаря своему интересному

¹⁶ Декларация «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления». Рио-де-Жанейро, Бразилия. 6 июля 2025 года. URL: <https://dirco.gov.za/wp-content/uploads/2025/07/2025.07.05.-BRICS-Leaders-Declaration.pdf>

контенту серьезно расширил свою аудиторию, став инструментом поддержания отношений с теми странами, которые не вошли в БРИКС, но симпатизируют объединению. Так программы о культуре пользуются популярностью в целом ряде стран Латинской Америки (Сибиряков, 2024). К началу 2024 г. к сети TV BRICS уже присоединилось более 100 СМИ, при этом информационное присутствие медиасети достигает 80 стран с общим количеством 1,5 млрд пользователей¹⁷.

На последнем саммите 2025 года в Рио-де-Жанейро группа стран БРИКС нашла общий объединительный импульс и впервые стала позиционировать себя в качестве Глобального Юга. Он также органично вписался в российский нарратив о необходимости противостоять односторонним санкциям и иным мерам политico-экономического давления Запада как очередного проявления неоколониализма. Этот тезис стал еще более востребованным после прихода к власти в США Д. Трампа, который стал вводить односторонние тарифные барьеры не только в отношении тех, кто был ранее объявлен противником, но и тех стран БРИКС, которые считались союзниками и вели с США взаимовыгодную торговлю. На фоне продолжающихся споров о первопричинах установившегося экономического неравенства между западом и развивающимися странами, актуальным стало объединение усилий стран объединения по решению такой чувствительной и многосложной задачи культурной дипломатии, как получение компенсации от запада странам Африки и Азии за вывоз природ-

ных ресурсов и культурных ценностей в период колониализма. Ранее в экспертном сообществе не раз высказывалась идея, что возврат культурных ценностей, например, из Британского музея в Китай, будет означать, что «глобальный вес Китая увеличился настолько, что он может «прогибать» свою бывшую метрополию»¹⁸. Требования реституции пока довольно сложно регулируются международным правом и пока не встретили интереса со стороны западных стран, но при объединении усилий расширенного БРИКС на полях ЮНЕСКО можно было бы вывести эту дискуссию на новый уровень.

В декларации Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления» стран-участниц БРИКС потребовали возврата незаконно вывезенных колонизаторами культурных ценностей и наследия в страны их происхождения, необходимых для восстановления международных отношений на неиерархической, совместной основе и культурной и исторической справедливости.

Культурное взаимодействие отныне приобретает особую концептуальную основу: в ней сквозит идея о культурной самодостаточности государств БРИКС, ее экономическом потенциале, необходимости защиты ее уникальности. Это перекликается с идеей о «культурной уверенности» большинства африканских государств, состоящих в числе партнеров БРИКС «которая переосмысливает африканскую идентичность таким образом, чтобы отвергнуть экономическое рабство»¹⁹.

¹⁷ О TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/about/>

¹⁸ Реституция: не все так просто // За Рубежом, 26.07.2024. URL: <https://zarubejom.ru/articles/restitutsiya-ne-vse-tak-prosto/?ysclid=mf1zwvcrve749863854> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁹ Oluwaseun O. 2025. Afro-Realism and the BRICS: Reimagining South-South Solidarity in a Neo-Colonial World. URL: https://www.researchgate.net/publication/394435835_Afro-Realism_and_the_BRICS_Reimagining_South-South_Solidarity_in_a_Neo-Colonial_World (accessed 12.10.2025)

Исследователи, изучающие использование культуры как инструмента интеграции, отметили на примере ЕС, что культура является залогом успешного проведения и завершения процесса интеграции, поскольку культура может помочь справиться с такими проблемами, как интеграция беженцев, преодоление негативной исторической памяти, она также является инструментом для создания значительных социальных и экономических выгод, которые побуждают общественность поддерживать дальнейшее углубление интеграции (Табаринцева-Романова, 2018). Благодаря обеспечению условий для обоюдного взаимопроникновения культур, их высокого экономического потенциала общественность стран объединения стала подключаться к реализации программ экономического и культурного сближения БРИКС и в первую очередь в тех сферах, которые требовали творческого подхода и инновационных идей. Так к популяризации программ культурной дипломатии присоединилась команда блогеров БРИКС. Южноафриканская молодежная ассоциация БРИКС (SABYA) провела первый виртуальный Креативный и культурный форум стран БРИКС+, предложив свои инициативы по укрепления глобального влияния объединения через культурную дипломатию.

В 2015 году в рамках БРИКС был создан Гражданский форум, который стал важным шагом, обеспечивающим институционализацию процесса гражданского общества, а также активное включение стран-участниц в разработку консолидированной позиции по вопросам обеспечения равноправного, устойчивого и справедливого развития. В 2024 году он

прошел под девизом «Право на развитие: Равенство, Равноправие, Справедливость» и впервые включил новых участников из Египта, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ и Эфиопии. Несмотря на то, что он не поднимал вопросы перехода БРИКС из клубного формата в более институционализированную структуру, тем не менее, он создал каналы диалога общественности с государствами, аналогичными тем, что есть в ЕС.

В 2024 году распоряжением Правительства Российской Федерации был создан Экспертный совет по вопросам участия Российской Федерации в объединении БРИКС, перед которым была поставлена задача развивать практическое взаимодействия в сфере реализации молодежной политики, информационной и культурной политики, физической культуры и спорта между общественностью стран БРИКС и подключать к ним молодежь²⁰. Обозначенные тренды свидетельствуют о работе стран БРИКС над запуском инициатив по привлечению общественности к популяризации и реализации повестки объединения, что создает возможности для формирования прочных линий взаимодействия между государством и гражданами в контексте принятия решений по возможному расширению БРИКС как «вширь», так и «вглубь». Представляется, что для практической реализации культурно-дипломатических инициатив требуется изучение существующего состояния / потенциала культурной дипломатии БРИКС, ее сильных и слабых сторон, возможностей и угроз на пути продвижения данного направления деятельности объединения. В приведенной ниже таблице авторы,

²⁰ Об Экспертном совете по вопросам участия Российской Федерации в объединении БРИКС // Экспертный совет БРИКС Россия. URL: <https://bricscouncil.ru/ru/about>

используя – в достаточно симплифицированной форме – методику SWOT-анализа, обобщают характеристики потенциала

культурной дипломатии БРИКС на современном этапе.

SWOT-анализ культурной дипломатии БРИКС
SWOT-analysis of BRICS cultural diplomacy

Таблица 3.

Table 3.

Strengths	<ul style="list-style-type: none"> ❖ Огромное культурное разнообразие, что формирует основу для расширения сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере. ❖ «Восходящий» альтернативный голос в сфере медиа и культуры в мире с доминированием западных нарративов и профильной продукции. ❖ Наличие функционирующих профильных институтов, которые относительно легко создаются, поскольку культура относится к политически менее чувствительной сфере взаимодействия. ❖ Демографический потенциал и экономическая мощь объединения, которые генерируют спрос на культурные продукты и проекты в таких сферах, как литература, кино, музыка, спорт и т.д.
Weaknesses	<ul style="list-style-type: none"> ❖ Языковое разнообразие является ограничением на пути прямых человеческих контактов, быстрой реализации профильных проектов ❖ Предпочтительность двустороннего уровня реализации культурной дипломатии, который востребован по соображениям простоты организации и относительной экономической дешевизны. ❖ Государствоцентричность культурной дипломатии, что сужает пространство для продвижения инициатив «снизу». ❖ Достаточно низкий уровень знания о культуре друг друга. В информационном пространстве друг друга государства БРИКС в контексте культурного и медийного присутствия слабо представлены.
Opportunities	<ul style="list-style-type: none"> ❖ Расширение БРИКС является фактором культурного многообразия объединения, что будет способствовать формированию инициатив, проектов и институтов по выстраиванию межкультурного диалога. ❖ Работа над совместными проектами в сфере креативной индустрии, которая с учетом технического и кадрового потенциала БРИКС может давать уникальные продукты для глобального рынка кино, анимации, музыки и смежных областей. Именно в этой сфере возможен перспективный симбиоз культуры и экономики. ❖ Развитие туризма внутри объединения через упрощение визового режима, предложение совместных туристических продуктов, продвижение культурного наследия стран БРИКС на международной арене формирует широкие возможности для развития культурной дипломатии объединения. ❖ Использование новых медиа для продвижения проектов в культурно-гуманитарной сфере в молодежной среде, включая возможности социальных сетей и совместных онлайн-платформ.
Threats	<ul style="list-style-type: none"> ❖ Геополитические противоречия и существующие конфликты между отдельными странами БРИКС часто является ограничением на пути инициатив в сфере культурной дипломатии. ❖ Культурное и медийное глобальное доминирование Запада снижает конкурентоспособность культурно-дипломатической деятельности БРИКС. ❖ Аксиологические и идеологические различия между странами БРИКС могут стать фактором противоречий в контексте продвижения совместных проектов в сфере культуры. ❖ «Рутинизация» проектов культурной дипломатии, их превращение в инструмент демонстрации «бурной деятельности» без реальной отдачи от такого сотрудничества создают угрозу для профильной деятельности БРИКС в контексте создания новых институтов на его площадке.

Заключение

Культурная дипломатия БРИКС выполняет важную задачу по формированию целостного представления о культуре народов, объединенных в рамках БРИКС на фоне довольно агрессивной массовой культуры Запада, которая использовала

культурные образы богатых цивилизаций Китая, Индии, России, ЮАР и Бразилии в собственных производственных целях, множа стереотипы и клише, которые не дают возможности понять своеобразие менталитета и политического курса БРИКС, причин объединения стран-участниц, что влияло на восприятие БРИКС на международной арене.

В то же самое время культурная дипломатия БРИКС нацелена на привлечение внимания своей общественности к программам углубления экономического взаимодействия. Запуск проектов в сфере гастрономической, модной, спортивной дипломатии с привлечением бизнес-кругов, экспертного сообщества, профессиональных сообществ создает предпосылки для занятия своей ниши в мировом рынке продуктов культуры и таким образом возможность вывода экономики на новый уровень. Именно в этих сферах проявилась большая готовность государств к институционализации и объединению под общим руководством, созданные в подсферах культурной дипломатии. Институциональные площадки позволили

подготовить объединение к расширению, поэтапно интегрируя новых участников к проектам экономического сотрудничества БРИКС в рамках усиления своего экономического веса и обеспечения более равноправных правил мировой торговли.

В культурной дипломатии после расширения БРИКС проявилась готовность этого клуба развивающихся государств к объединению своих потенциалов и дальнейшему углублению, и институционализации сотрудничества. На это, в частности, нацелены созданные с участием уже присоединившихся государств площадки, которые ставят задачу снижать барьеры и преодолевать препятствия, связанные с их территориальной разбросанностью в разных регионах мира.

Received: October 12, 2025

Accepted: November 25, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-25-47

UDC: 327

International Politics / Research article

PROBLEMS AND PROSPECTS OF USING CULTURAL DIPLOMACY INSTRUMENTS IN THE CONTEXT OF THE INSTITUTIONALIZATION OF BRICS

Leili R. Rustamova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor,
World Politics Department, School of Governance and Politics, MGIMO University;
Research Fellow at the Center for Post-Soviet Studies, IMEMO RAS.
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

Bahri Kh. Bahriev, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Department of Jurisprudence,
Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University,
28, Sretenka Street, Moscow, Russia, 107045;
Associate Professor, World Politics Department,
School of Governance and Politics, MGIMO University.
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

Abstract: Cultural cooperation is becoming a key domain of BRICS activity. The less politicized nature of such interaction is leading to the active development of cultural diplomacy mechanisms within the grouping. This trend creates opportunities for the broader institutionalization of BRICS interaction formats. The authors of this article hypothesize that cultural diplomacy within

BRICS has become a distinct area of activity, facilitating further economic rapprochement, institutional strengthening of economic relations among the association's member states, ideological justification for the need to delegate some state sovereignty, and the development of public support for BRICS. Theoretically, the study draws on the ideas of neoinstitutionalism and constructivism, which emphasize the normative, ideological, and symbolic aspects of the emergence of formal institutions. In the context of BRICS enlargement and the increasing diversity of the group's membership, cultural diplomacy appears not only as a tool for harmonizing this diversity through the formation of a system of shared meanings, but also as a mechanism for the gradual institutionalization of BRICS. The authors' analysis of BRICS cultural diplomacy demonstrates that the group's countries view it not only as a tool for strengthening mutual understanding between their nations but also take a pragmatic approach to harnessing its potential. Cultural interaction is closely linked to shared economic objectives of enhancing BRICS competitiveness, a unified approach to global order, and a desire to uphold the idea of cultural and civilizational diversity. The authors found that the various areas of cultural diplomacy (cinema diplomacy, fashion diplomacy, museum diplomacy, and gastrodiplomacy) are not disparate cultural sub-spheres, but rather a set of interconnected, economically beneficial areas that highlight the cultural richness of each BRICS country. Major events organized through cultural diplomacy, in addition to promoting traditional agendas, help attract investment and strengthen business ties within the BRICS space. It appears that this symbiosis of culture and economics serves the interests of the BRICS countries. The development of cultural diplomacy institutions in this context creates a platform for the institutionalization of communication formats within BRICS in new areas.

Keywords: BRICS, integration, institutionalization, global south, cultural diplomacy, creative industries

Conflicts of interest: The authors have no conflicts of interest to declare.

Acknowledgements: The article was published as part of the research project «Problems and Prospects of Cultural and Educational Cooperation between the BRICS countries» supported by MGIMO University grant for the performance of scientific works by young researchers under the supervision of doctors or candidates of sciences KMU-15 «Expanding the Horizons of BRICS Cooperation».

Список литературы / References:

- Bruno, N. (2019). Políticas Culturais dos Países do BRICS no período de 2003 a 2018: uma análise comparativa [Cultural Policies of the BRICS Countries from 2003 to 2018: a comparative analysis]. *Políticas Culturais em Revista - Cultural Policies in Review*, 12(1), 157–186. (In Portuguese)
- Cooke, P. (2016). Soft Power, Film Culture and the BRICS. *New Cinemas*, 14 (1), 3–15. DOI: https://doi.org/10.1386/ncin.14.1.3_2
- Ganeeva, L., Nikiforova, A. (2024). BRICS+ Digital Diplomacy for Russia's Olympic Movement Development. *BRICS Journal of Economics*, 55–71. DOI: 10.3897/brics-econ.5.e132092
- Gregory, B. (2008). Public Diplomacy: Sunrise of an Academic Field. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 616(1), 274–290. DOI: 10.1177/0002716207311723
- Hay, C. (2006). *Constructivist institutionalism*. Oxford: Oxford University Press, 56–74.
- Hopf, T. (1998). The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*, 171–200.
- Hudson, V. (Ed). 1997. *Culture & Foreign Policy*. Boulder: Lynn Rienner Publishers, 1997, 28–29.
- Kumar, R. & Thomas, B. (2022). BRICS in Global Governance: A Gradual but Steady Expansion. *Governance and Politics*, 1(1), 100–113. DOI: 10.24833/2782-7062-2022-1-1-100-113
- Kurumchina, A. (2020). The Challenges of Assessment: The Projects of BRICS Cultural Diplomacy. *KnE Social Sciences*. DOI: 10.18502/kss.v4i11.7537

- Lee, B.T., Kornphetchcharat, K. & Sims, J. P. (2025). Soft power: BRICS cultural diplomacy and the rebalancing of global narratives. *International Review of Humanities Studies*. DOI: 10.7454/irhs.v10i2.1418
- March, J. & Olsen, J. (1989). *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*, New York, Free Press, 227 p.
- Mercuro, N. & Medema, S. (2006). *Institutional Law and Economics. Economics and the Law: From Posner to Postmodernism and Beyond*. The 2-nd edition. Princeton: Princeton University Press, 208–240.
- Sreechandra, K. (2021). Cultural Diplomacy: Connecting BRICS Nations through Art, Heritage, and Exchange. *International Journal of Early Childhood Special Education*, 13, 1030-1033. DOI: 10.48047/INT-JECSE/V13I1.211253
- Wendt, A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 429 p.
- Artamonova, U. & Rustamova, L. (2023). "Otmena" Rossii: posledstvija dlja kul'turnoj diplomati [Canceling" Russia: Implications for Cultural Diplomacy]. *World Economy and International Relations*, 67 (4), 123–131. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-123-131. (In Russian)
- Bogatyreva, O.N., Kovba D.M. & Tabarinceva-Romanova K.M. (2022). Mezhcivilizacionnyj dialog kak instrument gumanitarnoj diplomati stran BRIKS [Intercivilizational dialogue as a tool of humanitarian diplomacy in the BRICS countries]. *Diskurs-Pi*, 3, 101–121. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_101. (In Russian)
- Dmitrieva, V.A. (2023). Perspektivy gumanitarnoj diplomati stran BRIKS v Latinskoj Amerike posle rasshireniya gruppy [Prospects for BRICS humanitarian diplomacy in Latin America after the group's expansion]. *Governance and Politics*, 2(4), 24–36. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-24-36. (In Russian)
- Guruleva, T.L. & Bedareva N.I. (2019). Sotrudnichestvo Rossii i Kitaja v oblasti sozdaniya setevyh universitetov i sovmestnyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij [Cooperation between Russia and China in the Creation of Network Universities and Joint Educational Institutions]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 28 (4). P. 108–123. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-108-123 (In Russian)
- Ignatov, A.A. 2019. Sammit BRIKS v Iokhannesburge: bol'she novykh mekhanizmov i men'she konkretnykh reshenii [BRICS Summit in Johannesburg: More Instruments and Fewer Decisions]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 89–99. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99 (In Russian)
- Jabbari Nasir, H. (2017). Otnoshenie islamskih institutov k bor'be s mezhdunarodnym terorizmom [The attitude of Islamic institutions towards the fight against international terrorism]. *Comparative Politics Russia*, 8(4), 42–59. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-42-59. (In Russian)
- Koldunova, E.V. (2014). Rol' stran BRIKS v global'nom upravlenii [The role of BRICS countries in global governance]. *Comparative Politics Russia*, 5 (1), 14, 60–64. DOI: 10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-60-64. (In Russian)
- Konkin, A.A. & Romanova I.V. (2021). Kinematograf kak perspektivnaja sfera razvitiya politicheskogo i kul'turnogo dialoga stran BRIKS [Cinema as a promising area for the development of the political and cultural dialogue of the BRICS countries]. *Transbaikal State University Journal*, 5, 68–78. (In Russian)
- Kul'pina, V. P., Morozkina, A.K., Pavlyushina, V.A. & Shubaeva D.V. (2015). Rol' Rossii v BRIKS v ramkah vzaimodejstviya v social'noj sfere [Russia's role in BRICS in the framework of interaction in the social sphere]. *International Organisations Research Journal*, 10 (4), 49–71. (In Russian)
- Kuznetsov, D. (2020). Setevaya tekstura mirovoj politiki: transregionalizm BRIKS [The Network Texture of World Politics: BRICS Transregionalism]. *World Economy and International Relations*, 64 (11), 124–131. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-124-131. (In Russian)
- Lebedeva, M.M. (2025). BRIKS v transformiruyushchejsya politicheskoj organizacii mira [BRICS in the Transforming Political Organization of the World]. *MGIMO Review of International Relations*, 18(4), 66–84. DOI: 10.24833/2071-8160-2025-4-103-66-84. (In Russian)

- Malysheva, E.V. (2018). Vliyanie protsessov tsifrovizatsii i globalizatsii na razvitiye mirovogo i rossiiskogo rynka mody [The impact of digitalization and globalization on the development of world and Russian fashion market]. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 1 (97), 167–173. (In Russian)
- Naumov, A.O., Naumova A.Yu., Belousova M.V. (2023). Kul'turnaya diplomatiya gruppy BRIKS [Cultural diplomacy of the BRICS group]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, 100, 7–18. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-7-18. (In Russian)
- Nikolaeva, Yu.V. & Bogolyubova, N.M. (2024). BRIKS: Ot kul'turnogo sotrudnichestva k formirovaniyu obshchej vnesnej kul'turnoj politiki [BRICS: From cultural cooperation to the formation of a common foreign cultural policy]. *Latinskaya Amerika*, 1, 96–110. (In Russian)
- Pivnenko, V.Yu. (2025). Razvitie turizma stranami BRIKS na period 2024–2035 gody voz-dushnym transportom [Development of tourism by BRICS countries for the period 2024–2035 by air]. *Vestnik nauki*, 2(2), 83, 540–549. (In Russian)
- Revenko, N. S. (2018). Gumanizacija sotrudnichestva v ramkah BRIKS: obrazovanie, zdra-voohranenie, kul'tura [Humanization of cooperation within BRICS: education, healthcare, cul-ture]. *Gorizonty ekonomiki*, 4(44), 69–75. (In Russian)
- Rustamova, L.R. & Adrianov, A.K. (2023). "Kul'tura otmeny": konceptualizacija ponjatija i ego ispol'zovanie vo vnesnej politike [Cancel culture: conceptualization of the term and its use in foreign policy]. *Polis. Political Studies*. 4, 46–55. DOI: 10.17976/jpps/2023.04.04. (In Russian)
- Sadykov, R.R. & Uchayev, Ye.I. (2024). Pomoshch' shkol'nomu obrazovaniyu v povedstke Novogo banka razvitiya [Assistance to School Education in the Agenda of the New Develop-ment Bank]. *MGIMO Review of International Relations*. 17(6), 175–204. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-175-204. (In Russian)
- Sibiryakov, I. V. (2025). Mediasammyt BRIKS: istoriya formirovaniya novogo informaciono-go prostranstva [BRICS Media Summits: The History of the Formation of a New Information Space]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki*, 25(3), 32–37. DOI: 10.14529/ssh250304. (In Russian)
- Sibiryakov, I.V. (2024). Mezhdunarodnaya set' TV BRICS: pervyj opyt mediakommunikacii [International network TV BRICS: first experience in media communications.]. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (106), 83–88. (In Russian)
- Tabarinceva-Romanova, K.M. (2023). Mnogostoronnaya kul'turnaya diplomatiya: tradicii i innovacii [Multilateral cultural diplomacy: traditions and innovations]. *Governance and Politics*, 2(3), 46–57. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-46-57. (In Russian)
- Yagya, V.S., Chukov, R.S. & Parfenenok N.L. (2016). BRIKS: evolyutsiya i konvergentsiya sil [BRICS: Evolution and Convergence of Powers]. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (1), 7–16. (In Russian)

Литература на русском языке:

- Артамонова У., Рустамова Л. (2023). "Отмена" России: последствия для культурной дипломатии. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. №4. С. 123–131. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-123-131
- Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. (2022). Межцивилизацион-ный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии стран БРИКС. *Дискурс-Пи*. № 3. С. 101–121. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_101
- Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И. (2019). Сотрудничество России и Китая в области созда-ния сетевых университетов и совместных образовательных учреждений. *Высшее образо-вание в России*. Т. 28. № 4. С. 108–123. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-108-123
- Джаббари Насир Х. (2017). Отношение исламских институтов к борьбе с международ-ным терроризмом. *Сравнительная политика*. Т. 8. № 4. С. 42–59. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-42-59
- Дмитриева В.А. (2023). Перспективы гуманитарной дипломатии стран БРИКС в Латин-ской Америке после расширения группы. *Управление и политика*. Т. 2. № 4. С. 24–36. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-4-24-36

- Игнатов А.А. (2019). Саммит БРИКС в Йоханнесбурге: больше новых механизмов и меньше конкретных решений. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 19. № 1. С. 89–99. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99.
- Колдунова Е.В. (2014). Роль стран БРИКС в глобальном управлении. *Сравнительная политика*. Т. 5(1). №14. С. 60–64. DOI: 10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-60-64
- Конкин А.А., Романова И.В. (2021). Кинематограф как перспективная сфера развития политического и культурного диалога стран БРИКС. *Вестник Забайкальского государственного университета*. № 5. С. 68–78.
- Кузнецов Д.А. 2020. Сетевая текстура мировой политики: трансрегионализм БРИКС. *Мировая экономика и международные отношения*. 64 (11). С. 124–131. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-124-131
- Кульпина В. П., Морозкина А.К., Павлюшина В.А., Шуваева Д.В. 2015. Роль России в БРИКС в рамках взаимодействия в социальной сфере. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 10(4). С. 49–71.
- Лебедева М.М. (2025). БРИКС в трансформирующемся политической организации мира. *Вестник МГИМО-Университета*. Т.18. № 4. С. 66–84. DOI: 10.24833/2071-8160-2025-4-103-66-84
- Малышева Е.В. (2018). Влияние процессов цифровизации и глобализации на развитие мирового и российского рынка моды. *Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова*. №1 (97). С. 167–173.
- Наумов А.О., Наумова А.Ю., Белоусова М.В. (2023). Культурная дипломатия группы БРИКС. Государственное управление. *Электронный вестник*. №100. С. 7–18. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-7-18
- Николаева Ю.В., Боголюбова Н.М. (2024). БРИКС: От культурного сотрудничества к формированию общей внешней культурной политики. *Латинская Америка*. №1. С. 96–110.
- Пивненко В.Ю. (2025). Развитие туризма странами БРИКС на период 2024-2035 годы воздушным транспортом. *Вестник науки*, Т. 2(2). № 83. С. 540–549.
- Ревенко Н.С. (2018). Гуманизация сотрудничества в рамках БРИКС: образование, здравоохранение, культура. *Горизонты экономики*. № 4 (44). С. 69–75.
- Рустамова Л.Р., Адрианов А.К. (2023). "Культура отмены": концептуализация понятия и его использование во внешней политике. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 37–53. DOI: 10.17976/jpps/2023.04.04
- Садыков Р.Р., Учаев Е.И. (2024). Помощь школьному образованию в повестке Нового банка развития. *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 17. № 6. С.175-204. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-175-204
- Сибиряков И.В. 2025. Медиасаммиты БРИКС: история формирования нового информационного пространства. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки*. №25(3). С. 32–37. DOI: 10.14529/ssh250304
- Сибиряков И.В. (2024). Международная сеть TV BRICS: первый опыт медиакоммуникации. *Политическая лингвистика*. № 4 (106). С. 83–88.
- Табаринцева-Романова К.М. (2023). Многосторонняя культурная дипломатия: традиции и инновации. *Управление и политика*. № 2(3). С. 46–57. DOI: 10.24833/2782-7062-2023-2-3-46-57
- Ягья В.С., Чуков Р.С., Парфененок Н.Л. (2016). БРИКС: эволюция и конвергенция сил. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 16. № 1. С. 7–16.

Культурная безопасность в официальном дискурсе БРИКС

К.М. ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА*

Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина (Россия)

Аннотация

Изначально экономически ориентированное объединение БРИКС постепенно интегрирует в свою повестку, в том числе, и вопросы культурного взаимодействия. В текущий период исследователи отмечают недостаточную институционализацию и концептуализацию данной сферы, указывая на ее фрагментарный характер. При исследовании официальных документов можно выявить «зарождающийся» концепт культурной безопасности, присутствующий как многоаспектная дефиниция, связанная с защитой культурного наследия и культурной идентичности. Проведенный контент-анализ деклараций и соглашений демонстрирует, что ключевыми структурными элементами культурной безопасности в рамках БРИКС являются противодействие нелегальному обороту культурных ценностей, охрана и защита объектов наследия. Наблюдается эволюция политической риторики от акцента на цивилизационных различиях к исторической памяти и справедливости, что может свидетельствовать о зарождающейся секьюритизации культурной повестки, где дезинформация и язык ненависти идентифицируются с внешними угрозами.

Ключевые слова

культурная дипломатия, культурная безопасность, культурные права, международные отношения, БРИКС

Для цитирования

Табаринцева-Романова К.М. (2025). Культурная безопасность в официальном дискурсе БРИКС. *Управление и политика*. 4(4). С. 48–54. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-48-54

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

* Табаринцева-Романова Ксения Михайловна – к.ф.н., доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. 20083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
E-mail: kseniaromanova@urfu.ru

Первоначально БРИКС, как неформальное объединение,ставил перед собой экономические цели развития сотрудничества. Однако постепенно, начиная с принятого в 2015 г. Соглашения между правительствами государств-членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры, в ежегодно принимаемых декларациях отражаются вопросы, связанные с культурой и защитой культурного наследия.

Изучение внешней культурной политики и дипломатии рассматриваемой институции нашли отражение в исследованиях российских и зарубежных исследователей. Как отмечают Н.М. Боголюбова и Ю.В. Николаева, «практическая реализация общей внешней культурной политики... нуждается как в концептуализации, так и в поиске эффективных практических проектов» (Боголюбова, Николаева, 2024, с. 106). К.М. Табаринцева-Романова подчеркивает, что культурная дипломатия БРИКС не является структурированной, институционально оформленной, «все инициативы в области культуры и творчества являются, по сути, инициативами отдельных стран-членов» (Табаринцева-Романова, 2024, с. 244). А.О. Наумов, А.Ю. Наумова и М.В. Белоусова обращают внимание на тот факт, что в официальных документах и практиках БРИКС «подчеркивается ценность цивилизационного многообразия культур участников данного международного формата» (Наумов и др., 2023, с. 15). Таким образом, авторы единодушно пишут о значимости и необходимости единой культурной матрицы для БРИКС, основанной на культурном и религиозном разнообразии, однако подчеркивают, что в настоящий момент внешняя культурная политика и дипломатия не институционализированы в полной мере, и необходимо выработать общую

концепцию продвижения культуры стран БРИКС. Зарубежные исследования в данной области также не многочисленны. Основные результаты исследований обосновывают значимость культурной дипломатии как инструмента укрепления взаимопонимания и продвижения много极ности (Van Noort, 2017; Delovarova, 2024).

Исследовательский интерес настоящей статьи связан с рассмотрением функционирования концепта «культурная безопасность» в политических документах стран БРИКС. Предлагаемые концепты являются малоизученными в научных работах в области международных отношений и политологии. Анализ имеющихся работ (Рябченко, 2013; Филимонов, 2017; Романова, 2019 и др.) позволяет сделать вывод о том, что культурная безопасность рассматривается как междисциплинарная дефиниция. С одной стороны, она связана с сохранением и защитой культурного наследия; с другой стороны, она характеризует роль и значимость культуры в системе безопасности на национальном, региональном и международном уровнях. Таким образом, культурная безопасность может быть определена как отсутствие угрозы культуре (сохранение идентичности) или как создание благоприятных условий для развития культуры (такое понимание напрямую связано с защитой и реализацией культурных прав). Под культурной безопасностью в международных отношениях понимается защита и продвижение национальной культурной самобытности и ценностей на мировой арене. Это подчеркивает важность культурных факторов в формировании национальных интересов и принятии внешнеполитических решений.

Как демонстрирует проведенный анализ источников базы, в подсписанных соглашениях и принятых декларациях внешняя культурная политика

и дипломатия БРИКС связана со следующими направлениями сотрудничества: подготовка и повышение квалификации деятелей культуры и искусства; обмен работниками научно-исследовательской сферы, университетскими исследователями, экспертами и студентами; предотвращение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности; расширение сотрудничества в таких областях, как охрана, сохранение, реставрация, возврат и использование объектов материального и нематериального культурного наследия. Базовыми ценностями культурного сотрудничества стали открытость, инклюзивность, равенство, уважение культурного многообразия, взаимное уважение и взаимопознание¹.

Контент-анализ официальных документов позволил выделить основные структурные элементы культурной безопасности. Рассмотрим их «появление» в хронологическом порядке. Изначально в ранее упомянутом Соглашении 2015 г. были сформулированы следующие компоненты, имплицитно формирующие повестку культурной безопасности: предотвращение незаконного ввоза и вывоза культурных ценностей; охрана, сохранение, реставрация, возврат и использование объектов культурного наследия. Однако не встречается прямых упоминаний о культурной безопасности, культурных прав, самобытности народов.

В Плане действий по реализации Соглашения между правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры на 2022–2026 гг. зафиксировано углубление взаимодействия в сфере сохранения и популяризации культурного наследия, а также создание общего реестра культурных, архитектурных и ландшафтных памятников стран-членов БРИКС.

В Декларации Бразилии по итогам XI саммита государств-участников БРИКС (2019 г.) отмечено сотрудничество в области культуры в повышении взаимопонимания между народами². В Московской декларации XII саммита БРИКС (2020 г.) участники одобрили инициативу России о создании рабочей группы БРИКС по вопросам культуры³. Нью-Делийская декларация XIII саммита БРИКС (2021 г.) была сформулирована в ковидный период, соответственно основные задачи стран-участниц были направлены на преодоление пандемии и ее последствий. Несмотря на то, что не было отдельных пунктов по культурному сотрудничеству, в рамках взаимодействия защиты прав и свобод человека появилась формулировка о соблюдении прав «человека неизбирательным, неполитизированным и конструктивным образом, без двойных стандартов»⁴.

В Пекинской декларации XIV саммита БРИКС (2022 г.) был сделан акцент

¹ Соглашение между правительствами государств - членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102375364&page=1&rdk=0&intelsearch=%EA%F3%EB%FC%F2%F3%F0%E0++&link_id=3#l0 (дата обращения: 16.10.2025г.).

² Декларация Бразилии по итогам XI саммита государств – участников БРИКС. URL: <https://infobrics.org/ru/document/96/> (дата обращения: 16.10.2025г.).

³ Московская декларация XII саммита БРИКС. URL: <https://infobrics.org/ru/document/97/> (дата обращения: 16.10.2025г.).

⁴ Нью-Делийская декларация. URL: <https://infobrics.org/ru/document/102/> (дата обращения: 16.10.2025г.).

на углубление сотрудничества в таких областях, как, в частности, искусство и культура, культурное наследие⁵. Йоханнесбургская декларация-II (2023 г.) затрагивала необходимость сотрудничества всех стран в области поощрения и защиты прав человека и основных свобод в соответствии с принципами равенства и взаимного уважения; отмечала значимость мер по борьбе с незаконным оборотом и сохранению культурного наследия⁶. Те же аспекты были отражены в Казанской декларации (2024 г.)⁷.

Наиболее значимой стала Декларация Рио-де-Жанейро (2025 г.), в которой впервые прописаны такие значимые для защиты в том числе и культурных прав составляющие, как активизация деятельности, направленной против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, а также против «дискриминации по признаку религии, веры или убеждений и всех их современных форм во всем мире, включая тревожные тенденции роста языка ненависти, дезинформации и недостоверной информации»⁸. В сфере культуры ключевым пунктом стал возврат культурных ценностей и наследия в страны их происхождения как инструмент «содействия социальной сплоченности, культурной и исторической

справедливости, примирению и коллективной памяти»⁹. Таким образом, культурная безопасность в официальных документах не закреплена, к ее основным структурным единицам относятся предотвращение и борьба с незаконным вывозом культурных ценностей; защита и сохранение объектов культурного наследия; вопросы реституции культурных объектов, которые соотносятся с культурным кодом стран и их исторической памятью. Иными словами, культурная безопасность в данном контексте может скорее рассматриваться сквозь призму охраны культурного наследия, а не сохранения культурной идентичности отдельных стран¹⁰. Не стоит забывать, что вопросы реституции сами по себе являются достаточно «болезненными и эмоциональными» для стран. Как отмечается экспертами по реституции, наличие взаимосвязи между возвращением культурного наследия и насилием: возвращение культурного объекта может представлять собой форму возмещения ущерба для нации или сообщества, пострадавшего от насильственного уничтожения следов своего прошлого, и сам процесс реституции может скрыть — или подтвердить — процессы символического (если не физического) насилия, происходящие в этих же сообществах¹¹. С этой точки зрения

⁵ Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. URL: <https://infobrics.org/ru/document/99/> (дата обращения: 16.10.2025г.).

⁶ Йоханнесбургская декларация-II. URL: <https://infobrics.org/ru/document/101/> (дата обращения: 16.10.2025г.).

⁷ Казанская декларация БРИКС 23 октября 2024 г. URL: <https://infobrics.org/ru/document/100/> (дата обращения: 16.10.2025г.).

⁸ Декларация Рио-де-Жанейро. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTAkWauqwuryk9xzL3Huul7EBmqrC.pdf> (accessed: 18.10.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Стоит обратить внимание, что в документах не идет речи о продвижении культурной и/или региональной идентичности стран БРИКС.

¹¹ About Cultural Restitution - Returning Heritage. URL: <https://www.returningheritage.com/about-cultural-restitution> (accessed: 18.10.2025).

задачи культурной дипломатии связаны в том числе и с участием в переговорном процессе по проблемам возвращения культурных объектов.

Изучив основные итоги встреч министров культуры стран БРИКС, можно сделать вывод о том, что они отражают общую канву саммитов и затрагивают такие темы, как климатическая и цифровая повестка. В Декларации первой встречи министров культуры государств-членов БРИКС (2015 г.) упомянуто о том, что государства принадлежат к разным цивилизациям и являются носителями разных культурных традиций, при этом содержится призыв сохранять и развивать культурные традиции и наследие народов государств-членов БРИКС¹². Таким образом, акцентируется внимание скорее на различия, а не объединяющие факторы культурного пространства БРИКС, что затрудняет реализацию и институционализацию культурной дипломатии. Постепенно риторика различий смягчается, на первый план выходит защита культурного наследия. Так во время второй встречи министров культуры стран БРИКС (2017 г.) было принято решение о создании Ассоциации музеев БРИКС, в функционал которой также входила борьба с незаконной торговлей и перемещением культурных ценностей,

в частности через усиление контроля за их импортом и экспортом.

Третье совещание министров культуры стран БРИКС состоялось в ноябре 2018 г., и были затронуты вопросы взаимодействия в кинематографе, мультипликации, культурном наследии, моде¹³. На четвертой встрече (2019 г.) министры культуры стран БРИКС подчеркнули важность сохранения культурного наследия, включая археологические объекты и архивы, а также обмена знаниями, опытом, навыками и технологиями в этой сфере¹⁴. В 2020 г. в формате видеоконференции состоялась пятая встреча министров культуры стран БРИКС, где была создана рабочая группа по культуре стран БРИКС, которая должна была бы ежегодно проводить анализ достижений, актуализацию планов и консультации о дальнейшем векторе взаимодействия в области культуры¹⁵. В 2023 г. обсуждались перспективы обмена опытом в сфере использования цифровых технологий в вопросах сохранения культурного наследия. Южноафриканская сторона отметила важность развития культурного сотрудничества в сфере сохранения наследия¹⁶. На последней встрече в 2024 г. обсуждались вопросы защиты культурного наследия от климатических воздействий; сообщалось, что работа БРИКС направлена на усиление

¹² Декларация Первой Встречи министров культуры государств-членов БРИКС. URL: <https://culture.gov.ru/documents/deklaratsiya-pervoy-vstrechi-ministrov-kultury-gosudarstv-chlenov-briks/> (дата обращения: 20.10.2025).

¹³ В ЮАР состоялось третье совещание министров культуры стран БРИКС. URL: https://russian.news.cn/2018-11/02/c_137577136.htm (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁴ 4th BRICS culture ministers meeting 2019. URL: <https://in4u.org/4th-brics-culture-ministers-meeting-2019-october-11-curitiba-brazil/> (accessed: 20.10.2025).

¹⁵ Состоялась пятая встреча министров культуры стран БРИКС. URL: https://culture.gov.ru/press/news/sostoyalas_pyataya_vstrecha_ministrov_kultury_stran_chlenov_briks/ (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁶ В ЮАР состоялась VIII Встреча министров культуры стран БРИКС. URL: https://culture.gov.ru/press/news/v_yuar_sostoyalas_viii_vstrecha_ministrov_kultury_stran_briks/ (дата обращения: 20.10.2025).

позиций национальных культур¹⁷. Подводя итог, можно резюмировать, что работа на министерском уровне сосредоточена на формировании конкретных проектов по реализации сотрудничества в области культуры и защиты культурного наследия. Однако на данный момент наиболее структурированными и оформленными являются инициативы в области киноиндустрии, моды.

Общее заключение по проведенному исследованию позволяет зафиксировать начало секьюритизации культурной

повестки в БРИКС: в качестве первого этапа – идентификация угрозы – мы наблюдаем риторику, связанную с дезинформацией и языком ненависти. Эта тенденция позволяет говорить об укреплении концепта «культурная безопасность» в официальных документах, состоящего из таких структурных элементов, как защита культурного наследия, борьба с незаконным оборотом культурных ценностей; защита исторической справедливости и коллективной памяти.

Received: November 10, 2025

Accepted: December 8, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-48-54

UDC: 327

International Politics / Research article

CULTURAL SECURITY IN THE OFFICIAL DISCOURSE OF BRICS

*Ksenia M. Tabarintseva-Romanova, PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.
51 Lenin Ave., Yekaterinburg, 20083, Russia.
E-mail: kseniaromanova@urfu.ru*

Abstract: Initially economically oriented, the BRICS group is gradually integrating cultural interaction into its agenda. Currently, researchers note the insufficient institutionalization and conceptualization of this area, pointing to its fragmented nature. An examination of official documents reveals an emerging concept of cultural security, interpreted as a multifaceted definition related to the protection of cultural heritage and cultural identity. A content analysis of declarations and agreements demonstrates that the key structural elements of cultural security within BRICS include combating the illegal trafficking of cultural property and the protection and safeguarding of heritage sites. Political rhetoric is evolving from an emphasis on civilizational differences to historical memory and justice, which may indicate an emerging securitization of the cultural agenda, where disinformation and hate speech are identified with external threats.

Keywords: cultural diplomacy, cultural security, cultural rights, international relations, BRICS

Conflicts of interest: The author has no conflicts of interest to declare

¹⁷ В Петербурге прошла Встреча министров культуры стран БРИКС. URL: https://culture.gov.ru/actual/v_peterburge_proshla_vstrecha_ministrov_kultury_stran_briks/ (дата обращения: 20.10.2025).

Список литературы / References:

- Delovarova, L. & Turarbekova, D. (2024). Cultural Diplomacy Frames in BRICS: formation of foundations, challenges and prospects. *Farabi Journal of Social Sciences*, 10(2), 56–65. DOI: 10.26577/FJSS2024.v10.i2.5
- Noort, C. (2018). BRICS Issue-narrative on Culture: Strategic or Trivial? *International Journal of Cultural Policy*, 6, 786–797.
- Bogolyubova, N.M. & Nikolayeva, Yu.V. (2024). BRICS: formirovaniye obshchey vneshej kul'turnoy politiki [BRICS: Formation of a Common Foreign Cultural Policy]. *Latinskaya Amerika*, 1, 96–110. DOI: 10.31857/S0044748X0029115-5 (in Russian)
- Filimonov, G.Yu. (2017). Strategiya natsional'noy kul'turnoy bezopasnosti i «myagkaya sila» sovremennoy Rossii [The Strategy of National Cultural Security and the «Soft Power» of Modern Russia]. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 3, 61–72. (in Russian)
- Naumov, A.O., Naumova, A.Yu. & Belousova, M.V. (2023). Kul'turnaya diplomatiya gruppy BRIKS [Cultural Diplomacy of the BRICS Group]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 100, 7–18. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-7-18 (in Russian)
- Romanova, A.P. (2019). Kul'turnaya bezopasnost' kak predmet filosofskikh diskussiy [Cultural Security as a Subject of Philosophical Discussions]. *Gumanitarnyye issledovaniya*, 4, 255–259. (in Russian)
- Ryabchenko, N.P. (2013). Problema kul'turnoy bezopasnosti Rossii [The Problem of Russia's Cultural Security]. *Rossiya i ATR*, 2, 159–173. (in Russian)
- Tabarintseva-Romanova, K.M. (2024). Kul'turnaya diplomatiya BRIKS [BRICS Cultural Diplomacy]. In: *Strany BRIKS: strategii razvitiya i mekhanizmy sotrudnichestva v izmenayayushchem-sya mire. Materialy Vtoroy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2-kh chastyakh* [BRICS Countries: Development Strategies and Cooperation Mechanisms in a Changing World. Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference. In 2 Parts]. Moscow, 241–245. (in Russian)

Литература на русском языке:

- Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. (2024). BRICS: формирование общей внешней культурной политики. *Латинская Америка*. № 1. С. 96–110. DOI: 10.31857/S0044748X0029115-5
- Наумов А.О., Наумова А.Ю., Белоусова М.В. (2023). Культурная дипломатия группы БРИКС. *Государственное управление. Электронный вестник*. № 100. С. 7–18. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-7-18
- Романова А.П. (2019). Культурная безопасность как предмет философских дискуссий. *Гуманитарные исследования*. № 4. С. 255–259.
- Рябченко Н.П. (2013). Проблема культурной безопасности России. *Россия и АТР*. № 2. С. 159–173.
- Табаринцева-Романова К.М. (2024). Культурная дипломатия БРИКС. В сборнике: *Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире. Материалы Второй международной научно-практической конференции*. В 2-х частях. Москва. С. 241–245.
- Филимонов Г.Ю. (2017). Стратегия национальной культурной безопасности и «мягкая сила» современной России. *Вестник РУДН. Сер. Международные отношения*. № 3. С. 61–72.

Спортивная дипломатия на повестке БРИКС: возможности для спортивного суверенитета России

Д.А. КУЗНЕЦОВ*

МГИМО МИД России (Россия)

В.М. АПОНАСЕНКО**

МГИМО МИД России (Россия)

Аннотация

В условиях консолидации полицентричности и политизации международного спорта для России, столкнувшейся с беспрецедентным внешним давлением, актуальным становится поиск стратегических возможностей для укрепления суверенитета в этой сфере. В статье исследуется роль формата БРИКС как ключевого актора в формировании трансрегиональной спортивной экосистемы. Авторы предлагают многоуровневую модель спортивного суверенитета, охватывающую инфраструктурные, нормативные, популяризационные и внешнеполитические аспекты. Через призму этой модели анализируется эволюция Игр БРИКС и специфика спортивной дипломатии стран-участниц. Особое внимание уделяется интересам и действиям России, для которой данный формат становится инструментом противодействия санкциям, продвижения национальных видов спорта и укрепления мягкой силы. Игры рассматриваются как платформа для совместного развития традиционных и инновационных (фиджитал) дисциплин, культурного брендинга и формирования альтернативных международных норм. В заключении обосновывается необходимость дальнейшей институционализации спортивного сотрудничества в БРИКС для укрепления суверенных возможностей России и ее партнеров.

Ключевые слова

БРИКС, спортивная дипломатия, спортивный суверенитет, культурная дипломатия, политизация спорта, трансрегионализм, Игры БРИКС, внешняя политика России

* Кузнецов Денис Андреевич – к.полит.н., доцент, доцент кафедры мировых политических процессов Факультета управления и политики; научный руководитель Международной молодежной проектной лаборатории стран БРИКС «BRICS Project Lab» НСО, МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

E-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

** Апонасенко Вasilisa Maximovna – студентка Факультета управления и политики, МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

E-mail: vasilisaaponasenko@mail.ru

Для цитирования

Кузнецов Д.А., Апонасенко В.М. (2025). Спортивная дипломатия на повестке БРИКС: возможности для спортивного суверенитета России. *Управление и политика*. 4(4). С. 55–70. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-55-70

Конфликт интересов

авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

В эпоху усиления полицентричности трансформацию переживают самые разные сферы международного взаимодействия. Не остается в стороне и сфера спорта, о чем свидетельствует рост ее политизации в последние годы. Для России, столкнувшейся с беспрецедентным внешним давлением, в том числе и в сфере спорта, эти трансформации приобретают особую значимость и открывают стратегическое окно возможностей. В настоящей статье исследуется, как формат БРИКС, давно вышедший далеко за рамки экономики, становится одним из важнейших акторов-звеньев по созданию альтернативной спортивной экосистемы. Через призму предложенной авторами многоуровневой модели спортивного суверенитета – от базовой инфраструктуры до возможности устанавливать международные нормы – анализируется эволюция Игр БРИКС и роль России в этом процессе.

Спортивная дипломатия и спортивный суверенитет

Спортивная дипломатия широко используется современными государствами с целью более уверенного позиционирования страны и ее мягкосилового потенциала на международной арене. В последние десятилетия особенно активно включаются в организацию и проведение международных спортивных

соревнований и развивающиеся страны, в том числе страны БРИКС+ (Пономарева, Гадалин, 2023). Многие из этих стран в прошлом находились под колониальным гнетом, а спорт стал одной из важных составляющих борьбы народов этих стран против «угнетателей». Государства-участники БРИКС+ посредством спортивной дипломатии также стремятся обеспечить спортивный суверенитет, видя в спорте «орудие» для усиления своего влияния в мировой политике.

В последнее время развивается дискурс о спортивном суверенитете, который предполагает наличие критериев, которым государство должно соответствовать. Первый из них – наличие в стране федераций, ассоциаций и союзов, которые могут носить негосударственный характер, но при этом должны быть аккредитованы государством. Наличие национальных федераций и Национального олимпийского комитета (НОК) является необходимым условием для членства в Международном олимпийском комитете (МОК) и международных спортивных федерациях (Сагандыков, 2023). Несмотря на политизированность МОК, возможность для страны оставаться частью олимпийской «семьи» – важное условие для сохранения спортивного «бренда» страны.

Следующий критерий предполагает способность государства проводить независимую политику в сфере спорта, оказывая противодействие вмешательству других стран в эту сферу, а также снижение

издержек от деятельности спортивных транснациональных корпораций (Jackson & Dawson, 2021) и санкций.

Следует также выделить и стабильную организацию соревновательного процесса внутри страны, соответствующего мировым стандартам, обеспечение высокого престижа национальных соревнований, укрепление тренерской базы, развитие и популяризация традиционных, национальных видов спорта. К этому пункту относится, в том числе, развитие спорта в учебных заведениях. Еще одним важным критерием является обеспечение спортсменов с ограниченными возможностями необходимым оборудованием отечественного производства, а также разработка многофункциональных спортивных тренажеров в соответствии с мировыми стандартами¹. Взаимодействие с букмекерским сектором может быть необходимым для поддержания общественного внимания к соревнованиям², а коопeração с производителями спортивной одежды и спортивного инвентаря предполагает создание собственного узнаваемого бренда посредством спортивной экипировки.

Координация с медиально-развлекательным комплексом – один из главных критериев для обеспечения спортивного суверенитета в современном мире. Сюда относится активная работа в социальных сетях, средствах массовой информации в сфере спорта, телетрансляции ключевых турниров, грантовая поддержка кинематографа, а именно производство фильмов про спорт и развитие спортивной тематики в искусстве.

Организация мультиспортивных соревнований и участие в них совместно со странами-партнерами, которые также разделяют ценности государственного суверенитета в сфере спорта, продвижение справедливых антидопинговых правил, популяризацию национальных видов спорта – еще один важнейший критерий, который особенно пристально освещается в данной статье.

Таким образом, под спортивным суверенитетом понимается способность государства проводить независимую политику в сфере спорта с опорой на общегосударственные спортивные объединения, при поддержке медиально-развлекательного комплекса и производителей спортивного оборудования и экипировки, при тесном взаимодействии с дружественными странами в сфере антидопингового регулирования и организации мультиспортивных соревнований.

Критерии спортивного суверенитета могут быть систематизированы в иерархию уровней: **опорные – базовый инфраструктурный** (формирующий технические, физические условия для развития спорта – развитие спортивной инфраструктуры в широком смысле) и **базовый нормативный** (система регулирования сферы развития спорта – государственные программы, нормативные акты, поддержка спорта, спортивные федерации, комитеты и общества, и проч.), **«надстроенный»** (способствующий популяризации и развитию – независимая спортивная политика, популяризация национальных видов спорта, образование в сфере спорта и система подготовки спортсменов,

¹ Инфраструктура для побед: Челябинская область представила лучшие спортивные проекты на международном форуме в Самаре. Комсомольская правда. 11.11.2025. URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/27741/5168641/> (дата обращения 18.11.2025).

² Суверенитет в спорте. Петербургский экономический форум. URL: https://forumspb.com/news/news/suverenitet-v-sporte/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения 19.11.2025).

медиаресурсы и проч.) и «высший» (связанный с внешнеполитическим влиянием в сфере спорта, участием в формирова-

нии международных норм в сфере спорта, проведением международных соревнований) (см. Рис. 1).

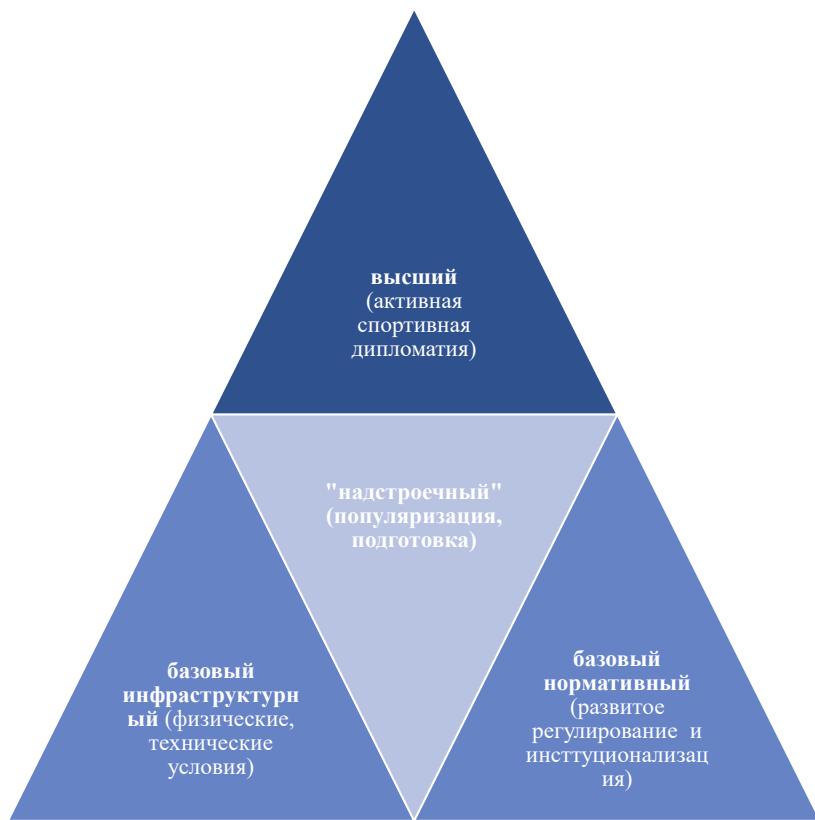

Рисунок 1. Составляющие (уровни) спортивного суверенитета
Figure 1. Components (levels) of sports sovereignty

Источник: составлено авторами

Предложенная модель спортивного суверенитета соотносится с концепцией суверенитета Стивена Краснера, который рассматривал суверенитет как набор взаимосвязанных компонентов (Krasner, 1999). «Базовые» уровни модели (инфраструктурный и нормативный) соответствуют внутреннему суверенитету Краснера – способности государства эффективно контролировать и организовывать развитие спортивной сферы на своей территории. «Надстроечный» и «высший» уровни связаны с международно-правовым и вестфальским суверенитетом – это способность действовать как независимый и равноправный актор в глобальном спортивном пространстве, продвигать свои правила и ценности.

Спортивная дипломатия и спортивный суверенитет неразрывно связаны с феноменом национального брендинга: спортивные соревнования предоставляют собой канал презентации бренда страны для мировой аудитории. Как организация состязаний, так и участие в них являются неотъемлемой частью этого процесса (Великая, Семедов, 2022).

Эволюция спортивной дипломатии в формате БРИКС

Начало спортивному движению стран БРИКС было положено в 2016 году. В индийском штате ГОА прошли футбольные состязания между странами объединения BRICS U-17, сильнейшей в которых

оказалась Бразилия³. Годом позже первые официальные Игры БРИКС прошли в Гуанчжоу: в программу Игр вошли соревнования по ушу, волейболу и баскетболу. В 2018 году – в год председательства Южно-Африканской Республики – спортсмены сразились в турнирах по футболу, нетболу и волейболу. В 2022 году Китай из-за пандемии COVID-19 провел Игры онлайн – соревнования прошли в таких дисциплинах как шахматы, ушу и брейк-данс. Игры в ЮАР также прошли в 2023 году и имели особую важность ввиду участия в них паралимпийских сборных и расширения перечня дисциплин.

В 2020 году впервые прошла встреча министров спорта стран БРИКС и были заложены нормативные основы для мультиспортивных соревнований, принят меморандум о сотрудничестве в сфере спорта. Самые масштабные Игры на сегодняшний день прошли в России в 2024 году⁴. Предполагалось, что в 2025 году Бразилия продолжит этот тренд: находясь на Играх БРИКС в Казани,

министр спорта Бразилии Андре Фуфука заявил о намерении страны уделить особое внимание участию бразильских спортсменов в Играх, так как, по его мнению, именно эта соревновательная площадка способна дать Бразилии возможность заявить о себе как о спортивной державе⁵.

Тем не менее, в год своего председательства Бразилия иначе расставила акценты: Бразилия вывела на повестку дня сотрудничество в сфере здравоохранения, финансов, особое внимание было уделено борьбе с изменением климата, затронута тема управления искусственным интеллектом, развитие многосторонней архитектуры и безопасности и сплочение взаимодействия стран БРИКС⁶. Несмотря на то, что спортивные Игры стран БРИКС не состоялись в Бразилии, в этот год министрами спорта государств был подписан ключевой меморандум, в котором ведущая роль в обеспечении социальной трансформации, развития в сфере экономик и борьбе с неравенством отводилась именно спорту⁷.

³ Brazil Wins Inaugural Brics U – 17 Football Tournament. Press Information Bureau Government of India Ministry of Youth Affairs and Sports. 16.10.2016. URL: <https://www.pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=151691#:~:text=Brazil%20has%20lifted%20the%201st,the%20match%20in%2024th%20Minute> (дата обращения 18.11.2025).

⁴ История Игр. БРИКС Игры 2024. URL: <https://brickskazan2024.games/ru/game-history> (дата обращения 09.10.2025); Сотрудничество стран БРИКС в области спорта. TV BRICS. 08.11.2024. URL: <https://tvbrics.com/bricslife/sotrudnichestvo-stran-brics-v-oblasti-sporta/> (дата обращения 08.10.2025).

⁵ В Бразилии заявили, что игры БРИКС станут движущей силой для желающих расти спортсменов. ТАСС. 27.06.2024. URL: <https://tass.ru/sport/21220081> (дата обращения 17.11.2025)

⁶ BRICS Brazil. Brazilian Presidency// BRICS Brazil 2025. URL: <https://brics.br/en/about-the-brics/brazilian-presidency> (дата обращения 16.11.2025); Toloraya, G. What to Expect From the BRICS Summit in Brazil. РСМД. 03.07.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/en/amp/analytics-and-comments/analytics/what-to-expect-from-the-brics-summit-in-brazil/> (дата обращения 18.11.2025).

⁷ Memorandum of understanding from the BRICS sports group. BRICS Brazil 2025. URL: https://brics.br/pt-br/noticias/memorando-do-brics-une-esporte-e-politicas-publicas-para-reduzir-desigualdades-e-promover-inclusao-social/2506_brics-memorandum-of-understanding-from-the-brics-sports-group.pdf/@@download/file (дата обращения 20.11.2025); BRICS Signs Landmark Sports Agreement to Tackle Inequality and Advance Social Inclusion. BRICS Brazil 2025. 05.06.2025. URL: <https://brics.br/en/news/brics-signs-landmark-sports-agreement-to-tackle-inequality-and-advance-social-inclusion> (дата обращения 08.10.2025).

Представляется, что каждая страна БРИКС вносит в развитие Игр собственные смыслы.

Индия видит в Играх возможность для укрепления дружественных связей с государствами и приветствует появление более инклюзивной и справедливой спортивной площадки в формате Игр БРИКС⁸. Нью-Дели удалось реализовать идею о включении в состав соревнований национальных видов спорта, и выступить с предложением объединить ежегодные молодежные игры Кхело и Игры БРИКС с целью конвергенции аутентичных спортивных традиций стран объединения⁹. Вслед за Китаем, который первым ввел национальный вид спорта в программу Игр – ушу (который до сих пор не признан олимпийским), Индия выступила за включение в программу традиционных видов спорта – игру кабадди, родившуюся из Древней Индии, в которую, согласно индийским преданиям, играли Будда и Кришна¹⁰ и крикет. На сегодняшний день крикет в два раза превзошел футбол по охвату аудитории: она составляет примерно 612 миллионов человек в год или 90% от общего числа телезрителей. Большая часть населения Индии играет

в крикет, игра стремительно набирает популярность¹¹. Парадоксально и то, что спорт который в Индию привезли колонизаторы-англичане, стал основой индийского спортивного суверенитета и одним из столпов ее спортивной дипломатии. Матчи по этому виду спорта между странами БРИКС уже прошли апробацию: в Казани прошел матч между студентами из России и Индии под эгидой форума «TIME: Россия – Индия»¹². В 2026 году в Казани запланирован международный фестиваль национальных видов спорта, куда войдут и кабадди, и крикет. Для Игр БРИКС введение традиционных видов спорта – это возможность развития межкультурного диалога, так как такой формат придает мероприятию особую культурную значимость.

Начиная с 2017 года, на съездах Коммунистической партии Китая регулярно подчеркивается стремление усилить гуманитарную составляющую внешней политики страны: на повестке дня стоит обретение статуса мировой спортивной державы уже к 2035 году. Страна уверено движется по намеченному курсу, учитывая успешное проведение крупнейших международных соревнований, включая

⁸ Indian Athletes Head to Russia for BRICS Games 2024 Starting Today. Sputnik India. 12.06.2024. URL: <https://sputniknews.in/amp/20240612/indian-athletes-head-to-russia-for-brics-games-2024-starting-today-7601890.html> (дата обращения 19.11.2025).

⁹ Khelo India to be held alongside BRICS Games in 2021. Olympic Games. 26.08.2020. URL: <https://www.olympics.com/en/news/indian-sports-minister-kiren-rijiju-2021-khelo-india-youth-games-brics> (дата обращения 08.10.2025).

¹⁰ Чрезвычайно популярному в Индии крикету стала наступать на пятки национальная игра кабадди, которой, согласно преданиям, увлекался Будда. Московские новости. 25.09.2024. URL: <https://www.mn.ru/smart/chrezvychajno-populyarnomu-v-indii-kriketu-stala-nastupat-na-pyatki-nacional-naya-igra-kabaddi-kotoroj-soglasno-predaniyam-uvleksya-budda> (дата обращения 09.10.2025).

¹¹ It is is a religion here': India united by shared love of cricket. The Guardian. 29.06.202. URL: <https://www.theguardian.com/sport/article/2024/jun/29/india-cricket-photo-essay-world-cup> (дата обращения 20.11.2025).

¹² Студенческий матч по крикету в столице РТ укрепит связи России и Индии. Казанские ведомости. 08.10.2025. URL: <https://kazved.ru/news/studenceskii-matc-po-kriketu-v-stolice-rt-ukrepit-svyazi-rossii-i-indii-5883826> (дата обращения 09.10.2025).

летнюю и зимнюю Олимпиады и Азиаду¹³. Главная роль в реализации курса отводится Главному управлению по делам спорта Китая (GAS)¹⁴. В 2017 году Китай провел в Гуанчжоу первые Игры стран БРИКС¹⁵. Настрой КНР на укрепление отношений со странами-участницами объединения был очевиден: символическим политическим шагом стало открытие Игр номером индийских йогов. Введение ушу в список дисциплин этих международных Игр позволило спортивной дипломатии Китая получить дополнительные ресурсы¹⁶. Выступление спортсменов онлайн в 2020 году стало победой не только для спортивной, но и для цифровой дипломатии Китайской Народной Республики: проведение мультиспортивных состязаний в онлайн-пространстве – новшество, имеющее потенциал в эпоху стремительного развития международного киберспорта и фиджитал-форматов. Если говорить о столпах спортивной дипломатии Китая, представляется актуальным упомянуть спортивную экипировку этой страны. На сегодняшних день бренд Li-Ning прочно закрепился в индустрии наравне с Nike и Adidas. При этом важнейшим отличием китайской спортивной

дипломатии Китая от индийской модели является ее упор на государственные программы, а не на частный сектор.

Южно-Африканская Республика рассматривает спорт в качестве символа политики памяти об апартеиде¹⁷. ЮАР видит в спорте основной инструмент содействия развитию. С этим также можно связать участие паралимпийцев в Играх именно при председательстве ЮАР в 2023 году. Южно-Африканская Республика претендует на проведение Олимпиады 2036 на своей территории и стремится играть более ощущимую роль в развитии спортивного и олимпийского движения в Африке южнее Сахары. Игры БРИКС для ЮАР – это возможность для обмена опытом и укрепления трансрегиональных связей¹⁸.

Интересы России

Для России обеспечение спортивного суверенитета посредством активной спортивной дипломатии, организации и участия в международных соревнованиях, таких как Игры БРИКС, имеет несомненное политическое значение в свете давления, осуществляемого,

¹³ Commitment to excellence: Xi's footsteps in sports present a genuine way to promote global people-to-people bonds, create a stronger, healthier China. Global Times. 26.09.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1298977.shtml> (дата обращения 09.10.2025).

¹⁴ Олимпийское движение как символ национального успеха: Китай. РСМД. Блог Андрея Волкова. 11.11.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/a-volkov/olimpiyskoe-dvizhenie-kak-simvol-natsionalnogo-uspekha-kitay/> (дата обращения 10.10.2025).

¹⁵ Commentary: 2017 BRICS Games to showcase the power of sports to improve people's lives. XINHUANET. 17.06.2017. URL: http://www.xinhuanet.com//english/2017-06/17/c_136373221.htm (дата обращения 20.11.2025).

¹⁶ 2017 BRICS Games opens in Guangzhou. The State Council Information Office The People's Republic of China. 18.06.2017. URL: http://english.scio.gov.cn/m/chinavoices/2017-06/18/content_41051959.htm (дата обращения 10.10.2025).

¹⁷ Mthombeni,S., Coopoo, Y., Noorbhai, H. Factors promoting and hindering sporting success among South African former Olympians from historically disadvantaged areas. National Library of Medicine. 13.04.2023. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10798609/> (дата обращения 10.10.2025).

¹⁸ Олимпийское движение как символ национального успеха Африки. РСМД. Блог Андрея Волкова. 09.01.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/amp/blogs/a-volkov/olimpiyskoe-dvizhenie-kak-simvol-natsionalnogo-uspekha-afriki/> (дата обращения 19.11.2025).

помимо прочего, и в сфере спорта. В Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом спорту уделяется особое внимание: в частности задачи предусматривают популяризацию отечественных достижений в области спорта, развитие международного сотрудничества и поощрение международного молодежного сотрудничества, в том числе в спортивной области¹⁹.

Игры БРИКС представляют России возможность преодолеть негативные последствия западных «санкций» (Сагандыков, 2023). Россия пережила два витка политически мотивированных внешних ограничений в сфере спорта. Первый был связан с деятельностью Всемирного антидопингового агентства (ВАДА)²⁰. Второй начался после начала Специальной военной операции России на Украине. Вслед за обвинениями в нарушении олимпийского перемирия²¹, выступление атлетов из России на международных соревнованиях было ограничено. В большинстве индивидуальных видов спорта спортсмены могли выступать без флага и гимна, но командные виды спорта оказались полностью закрытыми. Эта ситуация создала

опасный прецедент. Кроме того, это привело и к тому, что ряд стран стремились заполучить под свой «флаг» спортсменов в так называемых «русских видах спорта» – фигурном катании и художественной гимнастике²².

Развитие альтернативных спортивных соревнований позволяет нивелировать ущерб от приостановки участия атлетов в международных состязаниях. Так, предполагается, что в 2026 году, что Российской Федерацией будет принимать Летние игры Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)²³. Члены ШОС единодушно поддержали кандидатуру России в качестве страны-организатора. Игры будут включать 21 вид спорта и пройдут в Москве и Санкт-Петербурге; учитывая масштаб предстоящих мероприятий, также рассматриваются и другие города. Россия, кроме прочего, стала инициатором проведения спортивных состязаний под эгидой другого интеграционного объединения – Игр Стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Впервые эта идея была высказана в 2018 году, с тех пор было проведено несколько Игр, которые служат для

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». Президент России. Банк документов. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения 20.11.2025).

²⁰ Влияние политических санкций на участие спортсменов и команд в международных соревнованиях: история и современность. Блог Андрея Волкова. РСМД. 22.09.2023. – URL <https://russiancouncil.ru/amp/blogs/a-volkov/vliyanie-politicheskikh-sanktsiy-na-uchastie-sportsmenov-i-komand-v-me/> (дата обращения 20.11.2025); Дело о «русском допинге». За что наш спорт унижают шесть лет?. Спорт экспресс. 08.04.2021. URL: <https://m.sport-express.ru/olympics/reviews/polinaya-hronologiya-rossiyskogo-dopingovogo-skandala-za-cto-nas-lishili-flaga-1776006/amp/> (дата обращения 20.11.2025).

²¹ В преддверии Олимпиады глава ООН призвал все стороны конфликтов соблюдать олимпийское перемирие. Новости ООН. 28.01.2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/01/1417422> (20.11.2025).

²² Тренд года: российские атлеты меняют спортивное гражданство ради топ-турниров. Ведомости. 29.12.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/around/articles/2023/12/29/1012519-rossiiskie-atleti-menyaют-sportivnoe-grazhdanstvo> (дата обращения 15.11.2025).

²³ Дегтярев: летние Игры ШОС в 2026 году пройдут в нескольких городах России. Ведомости. 23.01.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/01/23/1087909-degtyarev-letnie-igri> (дата обращения 16.11.2025).

поддержания добрососедских связей между странами, объединенными общей историей²⁴.

В сентябре 2025 года в Санкт-Петербурге прошли Международные игры благоверного князя Александра Невского. Эти игры объединили более двух тысяч спортсменов из разных стран. В игры были включены как традиционные виды спорта – такие как баскетбол и настольный теннис, так и соревнования по скейтбордингу и шахматам-онлайн. Помимо спортивных состязаний участникам предлагалась программа посещения знаковых исторических мест города на Неве, предлагалось восемь маршрутов по «Северной Столице», бесплатный вход в 18 музеев, а также участие в Крестном ходе, который был приурочен к 301-ой годовщине со дня перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского. Сочетание высокой культуры, духовно-нравственных ценностей и соревновательного духа – уникальный формат спортивных соревнований, который способствует позитивному восприятию принимающей страны, демонстрирует ее самобытность и приверженность традиционным ценностям²⁵.

До начала СВО Россия успешно использовала глобальные спортивные мероприятия в качестве инструмента спортивной дипломатии: самыми значимыми событиями стали Олимпиада в Сочи 2014 года

и Чемпионат мира по футболу 2018 года. Олимпиада, несмотря на прицельную попытку западных СМИ организовать кампанию по дискредитации «российской» Олимпиады, стала первой значимой победой для спортивной дипломатии России. Чемпионат мира 2018 года закрепил эту тенденцию, побив рекорды по телеаудитории²⁶, а ФИФА признала его лучшим за всю историю (Martynenko & Parkhitko, 2020).

В рамках быстро развивающегося трансрегионального объединения БРИКС+ Российской Федерации представляется возможность заявить о себе как о локомотиве альтернативного спортивного движения, способствовать развитию традиционных видов спорта, продемонстрировать широкий круг партнеров и свой глобальный статус²⁷, разработать на базе Игр БРИКС совместно с партнерами более оптимальную систему антидопингового регулирования и гармонизировать законодательство в сфере спорта со всеми заинтересованными сторонами.

В 2024 году Российская Федерация использовала свой опыт в организации международных мультиспортивных соревнований для проведения Игр БРИКС в Казани. В Россию приехали атлеты из 50 стран мира, которые испытали свои силы в 29 дисциплинах. В России спортсмены смогли посоревноваться сразу в двух традиционных для России

²⁴ Игры стран СНГ – новый этап в развитии сотрудничества государств – участников СНГ в области физической культуры и спорта. Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3879/107434/> (дата обращения 20.11.2025).

²⁵ Международные спортивные игры святого благоверного князя Александра Невского открылись в Санкт-Петербурге. Министерство спорта России. URL: <https://www.minsport.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnye-sportivnye-igry-svyatogo-blagovernogo-knyazya-aleksandra-nevskogo-otkrylis-v-sankt-peterburge/> (дата обращения 20.11.2025); <https://an-games.ru>

²⁶ McDonnell, L. Russia's World Cup and Its Legacy. Valdai papers. URL: <https://valdaiclub.com/files/22807/> (дата обращения 20.11.2025).

²⁷ Russia, largely excluded from international sports, hosts athletes at BRICS Games. The Associated Press. 12.06.2024. URL: <https://apnews.com/article/brics-games-russia-sports-8aaaccc10ec454604d2499b20dcf8672> (дата обращения 10.10.2025).

дисциплинах – самбо и корэш²⁸. Самбо традиционно ассоциируется с Россией, это единственный вид спорта, который признан олимпийским и чьим официальным языком является русский. Самбо представляет собой часть российской культуры и истории (Осипов, 2020), а на международной арене, по словам Президента России В.В. Путина, этот вид спорта стал «визитной карточкой» страны. Корэш имеет особое значение для Татарстана – этот вид борьбы связан с историей тюркских народов России.

В начале 2024 года Казань принимала «Игры Будущего», и это мероприятие позволило отработать фиджитал-формат²⁹. Вдохновившись успехом «Игр Будущего», организаторы Игр БРИКС в Казани решили позаимствовать из программы фиджитал-состязаний футбольное двоеборье – гибрид реального и виртуального футбола. Кроме того, Россия решила стать новатором и ввести дисциплины на стыке искусства и спорта – акробатический рок-н-ролл и брейкинг.

Российской спортивной дипломатии свойственно стремление совместить спорт и культуру. Например, фильм «Под двумя небесами» (2024), соединяет в себе историю о триумфах российских

синхронисток с элементами балета и использованием шедевров живописи при подводных съемках³⁰. Одним из инструментов российской спортивной дипломатии являются фильмы про спорт. Спортивные байопики из России традиционно бьют рекорды как в отечественном, так и в зарубежном прокате³¹. Фильмы про спорт играют важную роль в становлении особой идентичности в спорте³².

В 2024 году в Третьяковской галерее прошла выставка «Век спорта. К 100-летию московского спорта». Изобразить спортсменов и спортивные состязания стремились художники и скульпторы и до нашей эры, во времена Минойской цивилизации и Древнего Египта, которые изображали боксерские поединки и игру в мяч; и в античной Греции – прославленный Мирон, бросающий диск, одна из самых знаменитых скульптур, посвященная спорту; и в эпоху Возрождения – Микеланджело написал грандиозное полотно «Лучники стреляют в герму». Возрождение Олимпийских игр в 19 веке придало новый импульс спортивной тематике в искусстве³³. В 20 веке в СССР появились культовые картины А.А. Дайнеки, В.А. Мыльниковой, С.А. Шерстюка, прославляющие атлетов. Страны БРИКС+

²⁸ Истории борьбы корэш. International belt wrestling koresh federation. URL: <https://koresh-wrestling.org/historyru> (дата обращения 07.10.2025).

²⁹ Как я съездил на Игры будущего в Казани — крупнейший турнир по фиджитал-спорту. Т-Журнал. 29.03.2024. URL: https://t-j.ru/games-of-future-2024-review/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения 07.10.2025).

³⁰ Премьера фильма «Под двумя небесами»: там, где спорт становится искусством. Федерация синхронного плаванья России. URL: <https://synchrorussia.ru/novosti/pod-dvumya-nebesami> (дата обращения 08.10.2025).

³¹ «Движение вверх» ушло на Восток. Коммерсант. 09.07.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4025375> (дата обращения 09.10.2025).

³² В России и мире снимают все больше фильмов о спорте – почему тема так популярна. Ведомости. 15.04.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/sport/around/articles/2024/04/12/1031629-v-rossii-i-mire-snimat-bolshe-filmov-o-sporte> (дата обращения 10.10.2025).

³³ It's the art Olympics! The 20 greatest ever sporting artworks. The Guardian. 24.07.2024. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/article/2024/jul/24/art-olympics-20-greatest-sporting-artworks-games-paris> (дата обращения 23.11.2025).

на данный момент уже проводят совместные художественные выставки³⁴. Релевантным представляется проведение тематических художественных выставок по примеру выставки «Век спорта», учитывая древнейшие спортивные традиции стран объединения и разнообразие художественных школ и интерпретаций. Данный шаг позволит добавить необходимую визуальную презентацию и сформировать особый колорит БРИКС+, а также создаст новое поле для сотрудничества, позволит усилить взаимопроникновение культур и углубить межкультурный диалог.

Российская Федерация на саммите в Казани решила сделать упор на символы – дата открытия, закрытия и даже талисман – все было наделено особым смыслом, для усиления эффекта от Игр. Талисман Леопард Бриксик – отсылка к первым официальным играм БРИКС, которые прошли в Азии³⁵. Открытие произошло 12 июня – в День независимости России. Закрытие ознаменовалось празднованием татарского праздника «Сабантуй». Для иностранных зрителей такой подход позволил познакомиться с многонациональной культурой России (Гамбарян, 2025). Выбор Казани также был глубоко символичен: помимо солидного опыта города в проведении международных состязаний, расположение столицы Татарстана на стыке культур позволило

представить страну-хозяйку соревнований в наиболее выгодном свете, способствовать расширению инструментария применения ресурсов мягкой силы.

Информационное агентство Рейтерс отметило, что Игры БРИКС – это репетиция перед Олимпиадой в Париже³⁶, в то время как остальные СМИ предпочли хранить молчание, хотя некоторые все-таки отметили растущую роль БРИКС и ведущую роль России в объединении и ее способность использовать сотрудничество в гуманитарной сфере в качестве инструмента противодействия санкционному давлению³⁷.

Что касается потенциального углубления сотрудничества в рамках спортивного движения БРИКС, необходимо сделать акцент на студенческом спорте. В 2024 году в МГИМО МИД России была организована конференция под названием «Студенческие игры БРИКС: шаг на пути к студенческой интеграции», посвященная вопросам повышения статуса Игр БРИКС для студентов. Участники пришли к выводу о необходимости повышения привлекательности спортивного формата, так как студенческий спорт в России на данный момент только начинает восстанавливать свою популярность, при том что именно университетский спорт является одним из ключевых критериев в обеспечении спортивного суверенитета. Было отмечено, что следует выработать

³⁴ В Русском доме в Италии проходит художественная выставка стран БРИКС. Национальный комитет по исследованию БРИКС. Россия. 11.10.2024. URL: <https://www.nkibrics.ru/posts/show/6708ffce62726906a4010000>

³⁵ Леопард Бриксик будет талисманом Игр БРИКС в Казани. РБК. 11.04.2024. URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/sport/11/04/2024/6617ece59a7947c7c063b529> (дата обращения 10.10.2025)

³⁶ Russia, sidelined from world events, plans pre-Olympics 'BRICS Games'. Reuters. 27.07.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russia-sidelined-world-events-plans-pre-olympics-brics-games-2023-07-27/> (дата обращения 08.10.2025).

³⁷ In the Run-Up to the BRICS+ Summit: Russia's BRICS+ Soft Power Offensive in Fashion and Sport. PRIF blog. 10.10.2024. URL: <https://blog.prif.org/2024/10/10/in-the-run-up-to-the-brics-summit-russias-brics-soft-power-offensive-in-fashion-and-sport/> (дата обращения 10.10.2025).

систему поощрения для призеров Игр, аналогичную системе премирования призеров Олимпиады. Студенты уже сейчас активно участвуют и побеждают в Играх БРИКС (Ибрагимов, Скиба, Югин, 2024).

Кроме Игр БРИКС, студенты из стран объединения участвуют в других форматах под эгидой организации. Так, в июне 2024 года в Нижнем Новгороде состоялся «Кубок дружбы народов стран БРИКС», в котором приняли участие спортсмены из Китая, Индии, Латинской Америки, Африки и студенты из лучших высших учебных заведений региона³⁸. Увеличение числа таких форматов даст возможность привлекать студентов из стран объединения к получению образования в России. Это, в свою очередь, позволит поднять спорт в учебных заведениях на качественно новый уровень, даст толчок к развитию полноценной соревновательной среды в российских университетах.

С точки зрения усиления российской спортивной дипломатии и суверенитета в этой сфере с учетом ресурсов БРИКС, представляется, что России необходимо: 1) стремиться к уточнению правового статуса Игр БРИКС (в том числе в вопросе регулярности проведения и председательства формирования фондов и рабочих

групп, организационных комитетов); 2) способствовать закреплению за Играми БРИКС ниши в развитии и популяризации национальных видов спорта; 3) использовать ресурсы стран-партнеров для преодоления существующих вызовов для спортивного суверенитета России (зависимость от иностранного спортивного инвентаря в отдельных видах спорта, необходимость модернизации и технического содержания спортивной инфраструктуры, кадровый голод и проч.); опираться на опыт разноуровневых и многопрофильных спортивных соревнований (БРИКС, ШОС, СНГ) для поддержания имиджа «спортивной державы».

При соотнесении уровней спортивного суверенитета, выделенных выше, со спортивной дипломатией в формате БРИКС, оказывается, что для России БРИКС представляет важнейший ресурс для укрепления собственного спортивного суверенитета. Результаты сопоставления представлены в Таблице 1. Таким образом, трансрегиональные объединения позволяют государствам не только реализовывать свои интересы и глобальные амбиции (Кузнецов, 2022), но и обеспечивать независимую политику в отдельных областях.

Спортивный суверенитет и спортивная дипломатия БРИКС: возможности для России

BRICS Sports Sovereignty and Sports Diplomacy: Opportunities for Russia

Таблица 1.

Table 1.

«Уровень» спортивного суверенитета		Характеристика критерии уровня	Ресурсы и инструменты спортивного сотрудничества БРИКС для России
Опорный	Базовый инфраструктурный	Стадионы, спорткомплексы, отечественное оборудование и инвентарь, тренажеры, доступная среда	Сотрудничество для снижения зависимости от импорта инвентаря (партнерство с производителями из БРИКС, диверсификация поставок), заимствование и адаптация опыта стран БРИКС в создании современной инфраструктуры, в том числе доступной среды для паралимпийцев

³⁸ Кубок дружбы народов стран БРИКС по футболу прошел в Нижнем Новгороде. Правительство Нижегородской области. 09.06.2024. URL: <https://nobr.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya/kubok-druzhby-narodov-stran-briks-po-futbolu-proshel-v-nizhnem-novgorode> (дата обращения 19.11.2025).

Продолжение таблицы 1.

«Уровень» спортивного суверенитета		Характеристика критерии уровня	Ресурсы и инструменты спортивного сотрудничества БРИКС для России
Опорный	Базовый нормативный	Система государственного управления в сфере спорта, госпрограммы, аккредитация федераций, НОК, нормативная база	Подготовка меморандумов на уровне министров спорта БРИКС, работа над уточнением правового статуса Игр БРИКС, адаптация успешного опыта стран-партнеров, сотрудничество НОК и федераций, их взаимодействие при подготовке международных мероприятий
Надстроечный		Независимая спортивная политика, медийное продвижение и популяризация спорта, национальный брендинг, образовательные и культурные программы, профессиональная подготовка спортсменов и спортивных менеджеров	Соединение спорта и культуры, совместные кинопроекты, фестивали и выставки, продвижение цифровых форматов, онлайн-форматов, студенческие обмены, организация научных форумов и дискуссионных площадок
Высший		Формирование международных норм, создание альтернативных спортивных режимов (антидопинг, этика и др.), влияние на международную спортивную повестку, организация международных спортивных мероприятий	Уникальная площадка по популяризации национальных видов спорта, потенциально – формирование коллективной инициативы по альтернативной системе антидопингового контроля, гармонизация спортивного законодательства, проведение регулярных международных соревнований (соединение их с Играми ШОС, СНГ и проч.) и привлечением стран-партнеров, Игры БРИКС как инструмент повышения мягкой силы и национального брендинга

Источник: составлено авторами

* * *

Международные мультиспортивные состязания «Игры стран БРИКС+» – важный результат трансрегионального сотрудничества. Как инструмент спортивной дипломатии это мероприятие открывает окно возможностей для стран участниц БРИКС, которые используют соревнования для углубления сотрудничества и расширения сфер взаимодействия. Кроме того, страны БРИКС рассматривают Игры как площадку для развития собственного потенциала, подготовки спортсменов к международным соревнованиям и обеспечения международного культурного диалога. Спорт из сферы «низкой» политики переходит в ранг факторов, которые оказывают

непосредственное влияние на мировую политику (Ramazan, Salikzhanov, et al., 2025), в то время как говорить о деполитизированном характере спорта («спорт вне политики») в современном мире не приходится³⁹.

Важно, что Игры БРИКС привлекают не только стран-участниц объединения, но и партнеров по формату БРИКС+ благодаря «духу» БРИКС. Потенциал Игр БРИКС и возможности их использования как инструмента спортивной дипломатии не исчерпан. Вопросы, которые нуждаются в более тщательной проработке, включают в себя правовое обеспечение Игр и требуют ограниченной институционализации и углубления интеграции и гармонизации в этой сфере. В этом случае необходимо сохранять гибкую структуру

³⁹ Влияние политических санкций на участие спортсменов и команд в международных соревнованиях: история и современность. Блог Андрея Волкова. РСМД. 22.09.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/amp/blogs/a-volkov/vliyanie-politicheskikh-sanktsiy-na-uchastie-sportsmenov-i-komand-v-me/> (дата обращения 19.11.2025).

объединения, одновременно внедряя понятные правовые рамки. Представляется актуальным задействование потенциала новых членов БРИКС с целью проведения Игр. Необходимо и дальше развивать суверенные спортивные форматы в рамках БРИКС с включением все

новых элементов и слияния потенциалов со спортивными инициативами под эгидой других организаций многостороннего сотрудничества. Узнаваемость спортивного бренда БРИКС – важный компонент в обеспечении спортивного суверенитета стран объединения.

Received: October 17, 2025

Accepted: December 3, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-55-70

UDC: 327

International Politics / Research article

SPORTS DIPLOMACY IN BRICS: OPPORTUNITIES FOR RUSSIA'S SPORTS SOVEREIGNTY

*Denis A. Kuznetsov, PhD (Political Science),
Associate Professor of the Department for World Politics,
the School of Governance and Politics;
Academic Director of the International Youth Project Laboratory
of the BRICS Countries "BRICS Project Lab",
MGIMO University. 76 Vernadskogo Pr., Moscow, Russia, 119454.*

E-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

*Vasilisa M. Aponasenko, Student at the School of Governance and Politics, MGIMO University.
76 Vernadskogo Pr., Moscow, Russia, 119454.
E-mail: vasilisaaponasenko@mail.ru*

Abstract: Amid the consolidation of polycentricity and the politicization of international sports, Russia, faced with unprecedented external pressure, is urgently seeking strategic opportunities to strengthen its sovereignty in this area. The article examines the role of the BRICS as a key actor in the formation of a transregional sports ecosystem. The authors propose a multi-layered model of sports sovereignty encompassing infrastructural, regulatory, promotional, and foreign policy aspects. Through the prism of this model, the evolution of the BRICS Games and the specifics of the participating countries' sports diplomacy are analyzed. Particular attention is paid to the interests and actions of Russia, for which this format is becoming a tool for countering sanctions, promoting national sports, and strengthening soft power. The Games are viewed as a platform for the joint development of traditional and innovative disciplines, cultural branding, and the formation of alternative international norms. The conclusion substantiates the need for further institutionalization of sports cooperation within BRICS to strengthen the sovereign capabilities of Russia and its partners.

Keywords: BRICS, sports diplomacy, sports sovereignty, cultural diplomacy, politicization of sports, transregionalism, BRICS Games, Russian foreign policy

Conflicts of interest: The authors has no conflicts of interest to declare.

Список литературы / References:

- Jackson, S.J. & Dawson, M.C. (2021). The Global Business of Sport in a Brave New World: Conceptualising a Framework for Alternative Futures. *Frontiers in sport and active living. Global Sport and Alternative Futures*, 3, 1–11.
- Krasner S.D. (1999). Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton University Press.
- Martynenko, S.E. & Parkhitko, N.P. (2020). Image-making phenomenon of sport on the example of 2018 soccer World Cup in Russia. *Инновации и инвестиции*, 3, 225–229.
- Mthombeni, S., Coopoo, Y. & Noorbhai, H. (2023). Factors promoting and hindering sporting success among South African former Olympians from historically disadvantaged areas. *South African Sports Medicine Association*, 35(1), 1–9.
- Ramazan, A., Salikzhanov, R., Aktayev, S., Baitassov, Y. & Shoqparov, A. (2025). The role of sports diplomacy in the sociology of international relations: A case study of the BRICS countries Ainur Ramazan. *International Journal of Innovative Research and Scientific Studies*, 8(3), 2017–2026.
- Gambaryan, E.G. (2025). Vliyaniye krupnykh sportivnykh meropriyatiy na imidzh gorodov stran BRICS [The Impact of Major Sporting Events on the Image of Cities in the BRICS Countries]. *Nauchnyye zapiski molodykh issledovatelej*, 13(2), 63–70. (in Russian)
- Ibragimov, I.F., Skiba, I.A. & Yugin, A.I. (2024). Studencheskiye komandy na Igrakh BRICS: katalizator razvitiya sportivnoy diplomatiyi i studencheskogo sporta v Rossii [Student Teams at the BRICS Games: A Catalyst for the Development of Sports Diplomacy and University Sports in Russia]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya*, 6, 92–98. (in Russian)
- Kuznetsov, D.A. (2022). Teoriya i praktika mezhdunarodnogo transregionalizma [Theory and Practice of International Transregionalism]. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt-Press». 160 p.
- Osipov, D.V. (2020). Sambo kak neot'yeml'maya chast' natsional'noy kul'tury sovremennoy Rossii [Sambo as an Integral Part of the National Culture of Modern Russia]. *Nauka-2020*, 4 (40), 137–140. (in Russian)
- Ponomareva Ye.G. & Gadalin D.Yu. (2023). Sportivnaya diplomatiya stran – chlenov BRIKS: resursy i vozmozhnosti [Sports Diplomacy of the BRICS Member States: Resources and Opportunities]. *Obozrevatel' – Observer*, 4(399), 75–87. (in Russian)
- Sagandykov, M.S. (2023). Mezhdunarodnyye sanktsii protiv rossiyskogo sporta: pravovye aspekty [International Sanctions Against Russian Sports: Legal Aspects]. *Chelovek. Sport. Meditsina*, 1, 148–154. (in Russian)
- Wang Chenghui. (2024). Sportivnaya diplomatiya: istoriya stanovleniya i teoreticheskiye podkhody [Sports Diplomacy: History of Formation and Theoretical Approaches]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 7, 61–68. (in Russian)
- Velikaya, A. & Semedov, S. (2022). Rossiyskaya sportivnaya diplomatiya [Russian Sports Diplomacy]. *Obozrevatel'*, 2, 84–93. (in Russian)

Литература на русском языке:

- Ван Чэнхуэй. (2024). Спортивная дипломатия: история становления и теоретические подходы. *Общество: политика, экономика, право*. № 7. С. 61–68.
- Великая А., Семедов С. (2022). Российская спортивная дипломатия. *Обозреватель*. № 2. С. 84–93.
- Гамбарян Э.Г. (2025). Влияние крупных спортивных мероприятий на имидж городов стран БРИКС. *Научные записки молодых исследователей*. № 13(2). С. 63–70.
- Ибрагимов И.Ф., Скиба И.А., Югин А.И. (2024). Студенческие команды на Играх БРИКС: катализатор развития спортивной дипломатии и студенческого спорта в России. *Экономика и управление: проблемы, решения*. № 6. С. 92–98.
- Кузнецов Д.А. (2022). Теория и практика международного трансрегионализма. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2022. 160 с.

- Осипов Д.В. (2020). Самбо как неотъемлемая часть национальной культуры современной России. *Наука-2020*. № 4 (40). С. 137–140.
- Пономарева Е.Г., Гадалин Д.Ю. (2023). Спортивная дипломатия стран – членов БРИКС: ресурсы и возможности. *Обозреватель – Observer*. № 4(399). С. 75-87.
- Сагандыков М.С. (2023). Международные санкции против российского спорта: правовые аспекты. *Человек. Спорт. Медицина*. № 1. С. 148–154.

Научная дипломатия в рамках международного объединения БРИКС: проблемы и перспективы развития (по материалам экспертных интервью)

А.А. ХАТКЕВИЧ*

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (Россия)

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования, нацеленного на выявление проблем и перспектив развития научной дипломатии в рамках международного объединения БРИКС и проведенного методом экспернского интервью. Выборку ($n = 15$) составили эксперты, которые занимаются, во-первых, проблемными исследованиями международных отношений, во-вторых, регионоведческими и страноведческими исследованиями, в-третьих, исследованиями науки, технологий и инноваций. Результаты анализа данных экспертизных интервью показали, что ключевыми вызовами для реализации научной дипломатии в формате БРИКС являются отсутствие общей повестки научных взаимодействий, содержательно размытые представления ученых друг о друге, нехватка финансовых ресурсов. При этом потенциал объединения может позволить преодолеть эти проблемы. В пространстве БРИКС существуют политico-правовая рамка для осуществления научной дипломатии, площадки научного общения, институт финансирования инфраструктурных проектов. Соответственно, для развития научной дипломатии в рамках объединения, согласно данным экспертизных интервью, возможно найти и утвердить направления общего интереса, распространить среди ученых больше знания о национальных научных культурах друг друга, активизировать роль Нового банка развития в финансировании совместных научно-исследовательских инициатив. Научная дипломатия основывается на диалектике сотрудничества и конкуренции, и конкретизация вопросов общего интереса может обеспечить согласование между ними практике научной дипломатии в формате объединения, а укрепление неформальных связей между учеными, в свою очередь, может способствовать улучшению взаимопонимания в целом между странами БРИКС на социетальном уровне.

Ключевые слова

научная дипломатия, БРИКС, международное объединение, проблемы, перспективы развития, экспертные интервью

* Хаткевич Александра Анатольевна – младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. Россия, 117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.
E-mail: alexandra.a.khatkevich@gmail.com

Для цитирования

Хаткевич А.А. (2025). Научная дипломатия в рамках международного объединения БРИКС: проблемы и перспективы развития (по материалам экспертных интервью). *Управление и политика*. 4(4). С. 71–85. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-71-85

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

Научная дипломатия (НД) закрепляется во внешнеполитическом инструментарии многих государств в настоящее время. От ее реализации ожидаются, как правило, и политические, и научные результаты. Процесс достижения поставленных целей НД, очевидно, сопряжен с целым рядом вызовов, а более или менее устоявшаяся практика НД требует понимания, в каких направлениях она может дальше развиваться. Статья содержит результаты анализа данных экспертных интервью, посвященных НД в рамках международного объединения БРИКС, ее проблемам и перспективам.

Кейс БРИКС сегодня актуален для исследования НД, поскольку с 2015 г., когда с подписанием профильного меморандума о взаимопонимании (Kubota, 2020) наука, технологии и инновации (НТИ) оформились в отдельное направление взаимодействий в формате БРИКС, прошло уже достаточное количество вре-

мени для того, чтобы выявлять проблемы и перспективы развития объединения как пространства для реализации НД входящими в него странами. Меморандум обеспечил политico-правовую рамку для организации и проведения краткосрочных обменов между исследователями, программ обучения поддержки развития человеческого капитала в науке, семинаров и конференций по тематике, представляющей взаимный интерес, для поддержки и реализации совместных исследовательских проектов, сотрудничества национальных академий наук и научно-исследовательских организаций (Kubota, 2020). Понятие НД присутствует в официальных дискурсах многих стран БРИКС и самого объединения.

Механизмами НД в рамках объединения выступают Меморандум о сотрудничестве в сфере НТИ¹ (2015 г.), Рамочная программа в сфере НТИ² (2015 г.), Меморандум о взаимопонимании о создании Сетевого университета³ (2015 г.), Новая архитектура НТИ⁴ (2019 г.).

¹ Memorandum of Understanding on Cooperation in Science, Technology and Innovation between the Governments of the Federative Republic of Brazil, the Russian Federation, the Republic of India, the People's Republic of China and the Republic of South Africa / BRICS Information Centre. URL: <http://brics.utoronto.ca/docs/BRICS%20STI%20MoU%20ENGLISH.pdf> (accessed 17.07.2025).

² BRICS STI Framework Programme. URL: <http://brics-sti.org/> (accessed 17.07.2025).

³ Меморандум о взаимопонимании о создании Сетевого университета БРИКС / Высшая школа экономики. URL: https://www.hse.ru/data/2015/11/25/1080435539/MoU_SU_BRICS_RUS.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

⁴ Развитие Новой архитектуры в сфере науки, технологий и инноваций в БРИКС / НКИ БРИКС. URL: <https://www.nkibrics.ru/posts/show/56a1ad262726974ca1c0000> (дата обращения: 17.07.2025).

Институты НД в рамках БРИКС – Сетевой университет⁵, Молодежное экспертное сообщество⁶, Молодежное энергетическое агентство⁷, рабочие группы⁸, платформа *GRAIN*⁹, Исследовательская сеть по туберкулезу¹⁰, Платформа сельскохозяйственных исследований¹¹, Платформа энергетических исследований¹²,

Сетевой центр¹³, Сеть научно-исследовательских институтов труда¹⁴, Центр по исследованию и разработке вакцин¹⁵, Управляющий комитет по НТИ¹⁶.

Формы подразделяются на три категории: встречи (министров НТИ¹⁷, образования¹⁸, глав академий наук¹⁹), форумы (Академический²⁰, Гражданский²¹,

⁵ Сетевой университет БРИКС / Высшая школа экономики. URL: <https://mspo.hse.ru/nubrics/> (дата обращения: 17.07.2025).

⁶ О МЭС / НКИ БРИКС. URL: <https://www.nkibricks.ru/pages/about-yes> (дата обращения: 17.07.2025).

⁷ МЭА БРИКС. URL: <https://yeabrics.org/> (дата обращения: 17.07.2025).

⁸ 13 BRICS STI Working Groups / Science and Technology Daily. URL: https://digitalpaper.stdaily.com/http_www.kjrb.com/ywtk/html/2024-10/19/content_579098.htm?div=-1 (accessed 17.07.2025).

⁹ BRICS GRAIN. URL: <https://brics-grain.org/> (accessed 17.07.2025).

¹⁰ XV встреча Исследовательской сети БРИКС по туберкулезу прошла в России / Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: https://minzdrav.gov.ru/regional_news/21317-xv-vstrecha-issledovatelskoy-seti-briks-po-tuberkulezu-proshla-v-rossii (дата обращения: 17.07.2025).

¹¹ Страны БРИКС ввели в действие Платформу сельскохозяйственных исследований / ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12243225> (дата обращения: 17.07.2025).

¹² Публикации Платформы энергетических исследований БРИКС / Российское энергетическое агентство. URL: <https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/obzor-energetiki-stran-briks/> (дата обращения: 17.07.2025).

¹³ Россия и Индия сотрудничают по проектам БРИКС и обмениваются научными кадрами / Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnistvo/49909/> (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁴ В Москве состоялось первое заседание Сети научно-исследовательских институтов труда стран БРИКС / БРИКС Россия 2024. URL: <https://brics-russia2024.ru/news/v-moskve-sostoyalos-pervoe-zasedanie-seti-nauchno-issledovatelskikh-institutov-truda-stran-briks/> (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁵ Заседание по вопросу функционирования Центра вакцин БРИКС прошло в онлайн режиме / БРИКС Россия 2024. URL: <https://brics-russia2024.ru/news/zasedanie-po-voprosu-funktsionirovaniya-tsentravaktsin-briks-proshlo-v-onlayn-rezhime/> (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁶ Страны БРИКС: развитие научно-технологического сотрудничества / Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21654/> (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁷ Впервые министры науки, технологий и инноваций стран БРИКС встретились на одной площадке в новом расширенном составе и обозначили приоритеты дальнейшей работы / Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/89475/> (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁸ Впервые Министры образования стран БРИКС встретились на одной площадке в новом расширенном составе и обозначили приоритеты дальнейшей работы / Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/84272/> (дата обращения: 17.07.2025).

¹⁹ Встреча глав академий наук стран БРИКС открылась в Российской академии наук / Российская академия наук. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=a5787ee3-d54d-40dc-9163-a8ec4bf50678> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁰ Академический форум БРИКС 2024. URL: <https://bricsacademforum.ru/> (дата обращения: 17.07.2025).

²¹ Гражданский Форум БРИКС 2024. URL: <https://bricscivilforum.ru/> (дата обращения: 17.07.2025).

Водный²², Форум партнерства по новой промышленной революции²³, Форум академий наук²⁴, Форум молодых ученых²⁵, конкурсы (Конкурс на лучшие многосторонние исследовательские проекты²⁶, Конкурс молодых инноваторов²⁷).

БРИКС предоставляет странам пространство для реализации НД, в котором функционируют измерение, где индивидуальными субъектами выступают лица, принимающие решения, и опытные ученые, и молодежное измерение. Его составляют такие институты НД, как Молодежное экспертное сообщество и Молодежное энергетическое агентство и такие ее формы, как Форум молодых ученых и Конкурс молодых инноваторов.

Теоретическая рамка исследования

НД является собой инструмент внешней политики (Doğan, Uygun, Akçomak, 2021), способный выполнять в ее контексте различные функции за счет того, что данный феномен балансирует между сотрудничеством и конкуренцией (Ruffini, 2020a).

Существование практик НД обусловлено тем, что наука сама по себе обладает международным характером (Russell, 1917), однако научные достижения отдельных стран выступают аспектом их собственных престижа и влияния (Russell, 1927). НД – многогранный феномен, имеющий три измерения (наука в дипломатии, дипломатия для науки, наука для дипломатии)²⁸ и три модальности (вдохновляющая, прагматичная, транзакционная), различающиеся по цели их использования (Turekian & Gluckman, 2025).

Проблематика НД постепенно развивается. Проводятся теоретические (Kaltfren & Acuto, 2018; Legrand & Stone, 2018; Ruffini, 2020b) и эмпирические (Su & Mayer, 2018; Kharitonova & Prokhorenko, 2020; Гутенев & Сергунин, 2022) исследования НД. Представляется возможным выделить несколько подходов к определению этого понятия, существующих в современной исследовательской литературе. Во-первых, парадигмальные – реалистский (неореалистский), либеральный (неолиберальный), конструктивистский. Во-вторых,

²² Водный форум БРИКС / Высшая школа экономики. URL: <https://issek.hse.ru/announcements/185560795.html> (дата обращения: 17.07.2025).

²³ Форум партнерства БРИКС по новой промышленной революции прошел в Китае / Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/10/18/forum-partnerstva-briks-po-novoj-promyshlennoj-revoliucii-proshel-v-kitae.html> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁴ Российская делегация приняла участие в Форуме академий наук стран БРИКС в Бразилии / Российская академия наук. URL: <https://new.ras.ru/activities/news/rossiyskaya-delegatsiya-prinyala-uchastie-v-forume-akademiy-nauk-stran-briks-v-brazilii/> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁵ IX Форум молодых ученых БРИКС прошел в Сириусе / Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. URL: <http://youngscience.gov.ru/news/news/2892/> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁶ Конкурс на лучшие многосторонние исследовательские проекты по приоритетным направлениям БРИКС, проводимый организациями – участниками Рамочной программы БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций / НКИ БРИКС. URL: <https://nkibrics.ru/posts/show/644bc02e62726945fa8c0200> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁷ Объявлены победители VII Конкурса молодых инноваторов стран БРИКС / Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию. URL: <http://youngscience.gov.ru/news/news/2887/> (дата обращения: 17.07.2025).

²⁸ New Frontiers in Science Diplomacy (2010). Royal Society, AAAS. 44 р.

внепарадигмальные – рассматривающие НД как часть публичной дипломатии и как «зонтичное» понятие.

Придерживаясь «зонтичного» подхода, НД можно определить как систему взаимодействий, осуществляющихся через разнообразные механизмы, институты, формы на различных уровнях в двустороннем и многостороннем форматах, задачами которой выступают использование научного подхода при выстраивании внешней политики государств, решении региональных и глобальных проблем, установление международных научных связей для развития совместной деятельности мирового научного сообщества, направленной приращение знаний, и содействие сохранению в кризисные периоды пространства для конструктивного международного диалога.

Материалы и методический инструментарий исследования

Метод экспертных интервью отвечает цели определить проблемы и перспективы развития НД в рамках БРИКС. Он держит равновесие между практическим и дискурсивным сознанием (Meuser, Nagel, 2009), позволяет, с одной стороны, дополнить результаты проведенного эмпирического исследования какого-либо явления или процесса, соотнести их с экспертными мнениями, с другой – обнаружить не затронутые ранее вопросы для теоретического осмысления. Экспертные интервью предоставляют возможность не ограничиваться собственными выводами о вызовах и потенциале развития НД и положениями, которые представлены в исследовательской литературе, а вводить в научный оборот эмпирические данные, полученные в ходе общения с учеными из разных предметных областей, благодаря чему изучаемая проблематика рассматривается с различных ракурсов.

Данные экспертных интервью были собраны в 2023–2025 гг. В выборке ($n = 15$) пропорционально представлены эксперты, которые занимаются, во-первых, проблемными исследованиями международных отношений (МО), во-вторых, регионоведческими и страноведческими исследованиями, в-третьих, исследованиями НТИ. Экспертами выступили авторитетные представители ведущих научно-образовательных организаций.

Инструментом экспертного интервью стал составленный нами гайд из 7 вопросов, охватывающих не только практические, но и теоретические аспекты рассматриваемой проблематики. Полученные результаты в связи с этим структурированы тематически и представлены в четырех разделах – о понятии и феномене НД, препятствиях для ее реализации и потенциале развития в рамках объединения, а также возможном влиянии на НД расширения БРИКС.

Понятие и феномен научной дипломатии

Эксперты, определяя понятие НД, отсылают, в том числе, к устоявшемуся рассмотрению данного феномена в трех измерениях. Подчеркивается, что НД – это «*концепт, который аналитически объединяет три вида деятельности*» (доктор наук, иссл. НТИ). В этом есть смысл, поскольку объединяется «*то, что в другом случае не объединено, <...> когда вы объединяете, вы находитите любопытные пересечения, как взаимно влияют действия в этих трех направлениях*» (доктор наук, иссл. НТИ). Важно и то, что в рефлексии этих направлений «*используются вроде бы разные термины, но они могут друг друга дополнять*» (доктор наук, иссл. НТИ).

В нескольких интерпретациях обращается внимание на системность НД,

что соотносятся с нашим определением, где НД обозначается как система взаимодействий. Эксперты понимают под НД, например, «*систематические связи между научными и академическими сообществами, которые поддерживаются государством, осуществляются в актуальных направлениях научной политики и нацелены на развитие сотрудничества между государствами*» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.), «*систему формальной научной коммуникации между учеными, научными коллективами и научными организациями, призванной расширить пространство научного диалога между ними, решить сопутствующие задачи, в том числе ненаучного характера, и обеспечить постоянную систему связи внутри научного сообщества, которая ценна сама по себе*» (кандидат наук, иссл. НТИ).

Более того, НД трактуется как саморегулирующаяся система. Ее задача – «*устанавливать пространство диалога, которое в дальнейшем будет само по себе функционировать*» (кандидат наук, иссл. НТИ). Ученые зачастую думают, какое влияние их деятельность оказывает на общество, на международные отношения, но приоритет отдают получению научного результата, «*в этом смысле научная дипломатия осуществляется сама собой, здесь есть эффект личного взаимодействия*» (доктор наук, регион. и стран. иссл.).

Характеризуя НД, многие эксперты делают акцент на человеческих отношениях. Одна из главных функций этой саморегулирующейся системы – «*поддержание теплых рабочих отношений*» (кандидат наук, иссл. МО). НД предполагает «*установление социальных связей между научными сообществами для большего взаимопонимания*» (доктор наук, регион. и стран. иссл.). НД способствует разрушению взаимных стереотипов, поскольку

это происходит «*всегда, когда люди общаются друг с другом*» (доктор наук, регион. и стран. иссл.), она обеспечивает «*возможность узнать друг о друге больше*» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.).

Примерно в этих же категориях НД рассматривается экспертами в качестве части публичной дипломатии, что совпадает с одним из выделенных нами подходов к определению НД: «*с помощью контактов между учеными разных стран происходит усиление личных связей, знакомство друг с другом, с идеями, концепциями и так далее. Соответственно, такие личные связи в личной сфере повышают лояльность к стране*» (кандидат наук, иссл. НТИ). Такой результат достигается благодаря тому, что ученые какой-либо страны знают о продуктивности и ответственности своих конкретных зарубежных коллег.

Вопрос индикаторов результативности НД – сложный и все еще открытый, однако в поисках ответа на него можно отталкиваться от следующего положения: если диалог между учеными представляет собой «*важный политический актив, от которого государство на политическом уровне не готово отказываться и на который ориентируется при принятии решений, научную дипломатию можно признать эффективной*» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.).

НД основывается на диалектике сотрудничества и конкуренции, поэтому экспертами отмечается возможность формирования «*неких асимметричных отношений, когда одна сторона ведет научную дипломатию, чтобы повлиять на другую*» (кандидат наук, иссл. МО).

Наука сама по себе интернациональна, и следствие этого ее качества – зарождение в политически разграниченном мире феномена НД. Как подчеркивают эксперты, он «*возник не в тот момент, когда было придумано это*

понятие» (кандидат наук, иссл. МО), а гораздо раньше. Во время Второй мировой войны, например, функционирование НД было «подчинено интересам большой политики, никто не говорил о том, чтобы специально пустить ученых в дипломатию» (кандидат наук, иссл. НТИ). Эксперты называют колеей развития путь тех научных контактов, которые были установлены после Второй мировой войны, но «сохранились уже и в текущей архитектуре международного научного сотрудничества» (кандидат наук, иссл. МО).

Результаты, касающиеся теоретических аспектов НД, созвучны указанным выше положениям – о «зонтичности» понятия, системности и инструментальности феномена, его двойственной природе, которая основывается на диалектике сотрудничества и конкуренции, интернациональности науки, обуславливающей долговременность истории НД.

Препятствия для реализации научной дипломатии в рамках БРИКС

Наиболее общее препятствие для НД, согласно данным экспертных интервью, – слабая скоординированность субъектов в процессе целеполагания и исполнения решений. Она коренится в отсутствии «более или менее единого понимания у всех целей и задач научной дипломатии и того, что она собой представляет» (кандидат наук, иссл. МО).

Еще одно препятствие общего характера – рассмотрение в качестве двигателя принятия решений в сфере НД политического интереса, а не объективной потребности. В существующей реальности «есть политическое решение и политический интерес – понятный, обоснованный, и под это как будто бы подтягивается научная коммуникация, создаются площадки» (кандидат наук,

регион. и стран. иссл.). В идеальном же мире объективный интерес к взаимодействию между научно-исследовательскими организациями должен обрасти «функциональными связями, которые затем конвертируются в практический политический результат» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.).

Основная проблема реализации НД, собственно, в рамках БРИКС состоит в отсутствии у объединения четкой повестки для научного сообщества – тех вопросов, вокруг которых оно должно собираться. Без общей повестки научное сообщество БРИКС не может существовать, а значит, не может реализовываться и многосторонняя НД. Обращается внимание на несколько лозунговый формат дискурса объединения, на эпизодичность и формальность контактов разных лиц, которых принято считать субъектами НД. Сегодня БРИКС предлагает ученым «формальные встречи, которые тяготеют к коллективным диалоговым форматам и не переходят в систему неформальной коммуникации, являющейся базовой для того, чтобы реализовывать научную дипломатию. Формальное – это надстройка над системой внутренних связей научного сообщества» (кандидат наук, иссл. НТИ).

НД служит поддержанию человеческих отношений и разрушению стереотипов, и кейс БРИКС показывает, что в этом есть объективная потребность. По данным экспертных интервью, научные сообщества стран объединения плохо знакомы между собой «чисто на человеческом уровне» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.), в то время как «у нас совершенно разные научные культуры» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.).

Также имеет место ресурсная проблема. Чтобы НД была действительно системой, она должна функционировать на регулярной основе, а для этого

требуется финансирование. В соответствии с одной из экспертных позиций главная слабость БРИКС заключается в том, что этот формат «слабо институционализирован как на формальном, так и на неформальном уровне и недофинансируется по всем направлениям» (кандидат наук, иссл. НТИ).

Стоит обратить внимание и на препятствия, с которыми сталкиваются страны БРИКС при реализации собственной НД не только в рамках этого объединения, но и по отдельности. Сфокусируем внимание на пяти из них: Бразилии, России, Индии, Китае и Южно-Африканской Республике.

В случае Бразилии, по данным экспертных интервью, наблюдается разрыв между наукой и политикой – непонятно, как они сопрягаются между собой, что представляет проблему для НД страны.

В России все еще не сформирована концепция НД. Она является инструментом российской внешней политики, но не очень значительным, что обусловлено внешнеполитической традицией. Есть попытки сформировать целостную концепцию российской НД, «некоторые из них вполне могут быть успешными, но это не позволяет раскрыть весь потенциал» (кандидат наук, иссл. НТИ). Эксперты видят в этом перспективное направление для исследований. В числе препятствий экспертами называется и фактор политики других стран в отношении России. Например, «Бразилия после 2022 года вышла из значительного количества грантовых научных проектов с Российской Федерацией. То есть дружба дружбой, а влияние американского фактора на Бразилию мы наблюдаем. Санкции в целом очень осложняют развитие научного сотрудничества с Россией. И других стран БРИКС это коснулось, в частности ЮАР» (кандидат наук, иссл. МО).

В случае Индии сложный состав коллективных субъектов НД, относящихся к категории аналитических центров, может выступать фактором как успехов, так и трудностей в процессе ее реализации. Институционализированной НД в рамках БРИКС, одобренной сверху, занимается «Observer Research Foundation», однако в этом поле работают и другие индийские аналитические центры, каждый из них «так или иначе пытается отрезать свой кусок бриксовского пирога» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.).

Для Китая препятствия для реализации НД начинаются в основном за пределами того, что сегодня принято называть Глобальным Югом. Эксперты упоминают в контексте сложившегося положения веющей «политику Трампа в вузах, его отношение к китайской диаспоре» (доктор наук, регион. и стран. иссл.). Благоприятным фактором для страновой практики НД выступает гармоничность китайской науки в том смысле, что там нет уклона в какие-либо дисциплины. Конечно, ставка сделана на научно-технологический прорыв, но если Китай «начинает разворачивать модель технологического развития, то в ней участвуют и гуманитарии в том числе» (доктор наук, регион. и стран. иссл.).

В случае ЮАР отмечаются два фактора, которые влияют в том числе на реализацию НД. Первый – долговременное, до падения апартеида, нахождение южноафриканской науки в изоляции. В настоящее время «есть немало ученых, которые это помнят. И они очень ценят сам факт, что они могут участвовать в международной научной жизни» (доктор наук, регион. и стран. иссл.). Второй фактор сопряжен с восприятием ЮАР другими странами как на континенте, так и за его пределами. Дело в том, что ЮАР «служит центром притяжения для ученых со всей субсахарской Африки – тех, кто хочет

уехать из своих стран, но по каким-то причинам не уезжает в Европу, Северную Америку, Австралию. Поэтому претензии на то, чтобы представлять континент в сфере научной дипломатии, более обоснованы, чем в случаях с какими-то другими сферами» (доктор наук, регион. и стран. иссл.). Для многих африканских исследователей ЮАР – альтернатива Западу, но представители североамериканских и западноевропейских научных сообществ склонны воспринимать ее, как и Австралию, в качестве западной периферии научного мира, поскольку «там все организовано по-западному, на английском языке это все функционирует» (доктор наук, регион. и стран. иссл.).

В процессе реализации НД в рамках БРИКС страны сталкиваются с проблемами отсутствия общей повестки, содержательно размытых представлений ученых друг о друге и нехватки ресурсов. В качестве препятствий в отдельных страновых случаях могут выступать разрывы между наукой и политикой, несформированность национальной концепции НД, конкуренция ее коллективных субъектов, воздействие со стороны других акторов мировой политики, специфичные представления о стране как акторе науки и НД, характерные для части мирового научного сообщества, т.е. эти препятствия могут быть внутренними и внешними.

Хотя за годы своего функционирования объединение БРИКС прошло путь от экономического клуба до объединения с более чем 30 сферами повестки дня (Киртон, Ларионова, 2022), вопрос общих тем для научного сотрудничества во многом остается открытым.

Содержательная размытость представлений друг о друге наблюдается не только на уровне научных сообществ, но и на общегражданском уровне. Например, представления россиян о Бразилии и Индии, «современной жизни этих стран, их месте в мировой политике крайне размыты и ограничены сферой массовой медиа-культуры» (Белоконев, Евгеньева, Титов, Усманова, 2019, с. 125), а образ ЮАР в сознании респондентов характеризуется наибольшей абстрактностью, образ же Китая является наиболее насыщенным и многогранным (Белоконев, Евгеньева, Титов, Усманова, 2019).

Поддержку победителям Конкурса на лучшие многосторонние исследовательские проекты БРИКС оказывают национальные финансирующие организации²⁹. Вероятно, поставленная проблема нехватки ресурсов для осуществления научного сотрудничества ставит вопрос о необходимости расширения источников его финансирования.

Потенциал развития научной дипломатии в рамках БРИКС

В качестве своего рода эпиграфа к этому разделу статьи вынесем мысль о том, что при обсуждении потенциала развития НД в рамках рассматриваемого объединения «мы упираемся в проблему БРИКС-оптимистов и БРИКС-пессимистов» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.).

В пользу БРИКС-оптимизма говорят конкретные успехи в совместной публикационной активности ученых из стран объединения и в отдельных

²⁹ Новый многосторонний конкурс проектов в рамках программы БРИКС по научно-технологическому и инновационному сотрудничеству / RTTN. URL: <https://rttn.ru/zh/home/18-novosti-rttn/1726-novyj-mnogostoronnij-konkurs-proektov-v-ramkakh-programmy-briks-po-nauchno-tehnologicheskemu-i-innovacionnomu-sotrudnistvju> (дата обращения: 22.08.2025).

направлениях их взаимодействий в области НТИ. Относительно публикаций может возникнуть закономерный и весьма дискуссионный вопрос, является ли это заслугой БРИКС. Тем не менее в любом случае показатель роста – по некоторым свидетельствам, в 2,5 раза – «свидетельствует о том, что само увеличение интереса друг к другу способствовало контактам, которые приводили к совместным публикациям» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.). Такой институт НД в рамках БРИКС, как Исследовательская сеть по туберкулезу, называется самими специалистами в данной области «реально работающей и полезной структурой» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.).

Эксперты отмечают значение БРИКС как объединяющей категории: «Когда в развивающихся странах, топ которых объединен в БРИКС, происходят прорывы, связанные с наукой и технологиями, отдельное внимание на этом фиксируется» (доктор наук, иссл. НТИ). Это может позитивно сказаться на имидже страны гораздо более заметно, чем в случаях развитых стран. Отдельно подчеркивается, что в последние десять лет «Индия и Китай здорово продвинулись в этом направлении» (кандидат наук, иссл. МО).

Реализация Россией НД в рамках БРИКС оказалась полезной для ее внешней политики в текущий период международной напряженности. Эксперты подчеркивают, что она помогла российским исследователям «остаться в глобальной научной повестке» (кандидат наук, иссл. МО). Многие приезжающие в Россию ученые из стран БРИКС, в частности из Индии, даже «после завершения грантового финансирования на хороших должностях в научных лабораториях и показывают довольно хорошие результаты. И через них получаются очень хорошие связи с той страной, откуда они приехали, разветвленная сеть

международных коллокваций» (кандидат наук, иссл. МО).

В пользу БРИКС-пессимизма говорит в чем-то имитационный характер функционирования институтов и форм НД в рамках БРИКС, который отмечается экспертами. Он обусловлен теми тремя проблемами, которые были обозначены в предыдущем разделе: «сотрудничество между научными сообществами государств не возникает, потому что нет межличностных связей. И оно и не возникнет, потому что нет цели, повестки и нет ресурсного обеспечения» (кандидат наук, иссл. НТИ). Эти вызовы требуют выработки ответов на них и, следовательно, открывают определенные перспективы.

Решить проблему отсутствия общей повестки можно только через работу в направлениях, в которых заинтересованы все страны БРИКС. Это могут быть, например, «борьба с голодом, нищетой, болезнями, энергетика, экология, транспорт, логистика» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.), «техническое сотрудничество, которое совершенно нейтральное в данном случае, <...> поиски общей теории теории международных отношений, которую пока никто по-человечески предложить не может, <...> так или иначе теория должна включать объяснение действий западных стран тоже» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.). От наличия или отсутствия вопросов общего интереса зависит мотивация стран реализовывать многостороннюю НД: «ничего не будет двигаться, пока она не будет сформулирована как нечто большее, чем просто еще один трек сотрудничества» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.), ведь «каждая страна в поле совместных научных разработок определяет точки своего интереса» (кандидат наук, иссл. НТИ).

Ввиду наличия проблемы содержательно размытых представлений ученых

стран объединения друг о друге площадки для научного общения, созданные в БРИКС, значимы сами по себе. Экспертами подчеркивается, что «*знакомство даже без научного и политического выхлопа – это уже какой-то результат и показатель роста органичного интереса между научными сообществами*» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.)

Попытаться разрешить проблему нехватки ресурсов предлагается за счет привлечения возможностей Нового банка развития. По данным экспертных интервью, он «*мог бы часть финансирования выделять именно под значимые регулярные научные проекты, но это от государства зависит. Это ведь тоже про развитие*» (кандидат наук, регион. и стран. иссл.).

Перспективы развития НД в рамках БРИКС – нахождение и утверждение направлений общего интереса, дальнейшее узнавание учеными больше о национальных научных культурах друг друга на площадках научного общения, активизация роли Нового банка развития в финансировании совместных научно-исследовательских инициатив стран объединения.

Вклад в решение проблемы общей повестки вносят исследователи. Например, были систематизированы приоритеты международного научно-технического сотрудничества стран объединения, среди тематических приоритетов были выделены транспортные и космические системы, энергетика, биотехнологии (Соколов, Шашнов, Коцемир, Гребенюк, 2017). Тематическое структурирование деклараций саммитов само по себе говорит о попытках объединения сформулировать

список общезначимых вопросов – не только для научных взаимодействий, в целом. Согласно актуальной структуре, представленной в Декларации Рио-де-Жанейро³⁰ 2025 г., такими вопросами являются многосторонность и реформирование системы глобального управления; мир, безопасность и международная стабильность; экономика, торговля и финансы; борьба с изменением климата и устойчивое развитие; человеческое, социальное и культурное развитие. Обозначенные приоритеты и разделы частично совпадают с тематикой форм НД, рассмотренных при анализе ее результатов.

НД нацелена, помимо всего прочего, на то, чтобы именно с учетом отличительных черт различных национальных научных культур результативно конструировать новые и развивать существующие международные научные связи. Чтобы познакомиться с этими отличительными чертами, коллективные диалоговые форматы, уже функционирующие в структуре объединения, необходимы, но не менее важно, чтобы кратковременная формальная научная коммуникация в их рамках трансформировалась затем в долговременную неформальную.

Новый банк развития работает с такими практическими направлениями, как «зеленая» энергетика, энергоэффективность, водные ресурсы, защита окружающей среды, транспортная, социальная и цифровая инфраструктура³¹. Они во многом совпадают с вопросами, которые могут быть отнесены к общей повестке для научных сообществ. Возможно, было бы целесообразно рутинизировать финансирование и научно-исследовательских

³⁰ Декларация Рио-де-Жанейро / Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 17.07.2025).

³¹ Focus Areas / New Development Bank. URL: <https://www.ndb.int/about-ndb/focus-areas/> (accessed 22.08.2025).

инициатив для постоянного научного обеспечения проектов в этих направлениях.

Научная дипломатия в контексте расширения БРИКС

Новые страны БРИКС будут, возможно, склонны использовать НД в пространстве объединения именно как часть своей публичной дипломатии. Как утверждают эксперты, «*страны приходят в БРИКС, чтобы показать, что они политические субъекты, и получить гарантии, <...> реализовывать собственные интересы, а не конфронтировать*» (кандидат наук, иссл. НТИ). В связи с этим отмечается, что БРИКС – «*наиболее честное объединение в настоящий момент в мире: оно не претендует на принятие никаких нормативно-правовых актов и носит чисто прикладной характер*» (кандидат наук, иссл. НТИ).

На современном этапе активности в сфере НД можно ожидать от Египта и Эфиопии, новых стран-членов, а также от Нигерии, страны-партнера. У Южно-Африканской Республики на континенте есть «*масса возможностей для позиционирования*» (доктор наук, регион. и стран. иссл.) себя в качестве, образно говоря, «*главной африканской страны*» (доктор наук, регион. и стран. иссл.), на статус которой она претендует. Важно, что это не безусловный статус, его оспаривает Нигерия, а «*когда-то считалось, что таких стран три – третью считалась Эфиопия. Но она все-таки очень пострадала и в период правления Менгисту Хайле Мариам, и при падении его режима, и тем более в последующий период*» (доктор наук, регион. и стран. иссл.). Египет в последние годы проявляет гораздо больший интерес, чем ранее, к общеафриканской повестке: «*Он старается сейчас – например, в Африканском союзе –*

позиционировать себя как африканская страна, влиять на общеафриканские дела» (доктор наук, регион. и стран. иссл.).

Что касается самого расширения БРИКС, то, действительно, страны Юго-Восточной Азии, например, аргументируют «желание присоединиться к БРИКС экономическими интересами» (Рогожина, 2025: 85), но при этом руководствуются и стремлением «адаптироваться к меняющейся геополитической системе, чтобы не упустить время и не оказаться на ее обочине» (Рогожина, 2025: 85), поскольку объединение отражает «интересы стран Глобального Юга по трансформации мирового порядка, в котором их роль как субъектов международных отношений возрастает» (Рогожина, 2025: 85).

Исследователи отмечают, что Южно-Африканская Республика долгое время «являлась единственным представителем Африки в БРИКС, что давало ей определенные рычаги влияния в условиях, когда континент стал ареной геополитической конкуренции между великими державами. Поэтому, хотя она номинально поддерживает идею расширения, но, чтобы избежать ослабления своего влияния и оставаться ключевым голосом Африки, более заинтересована в том, чтобы БРИКС оставалась небольшой по численности группой» (Леонова, 2024: 60). Однако с учетом того, что Южно-Африканская Республика рассматривает НД в том числе как инструмент социально-экономического развития континента, увеличение роли других африканских стран в международных научных взаимодействиях должно – хотя бы декларативно – восприниматься ЮАР как позитивный процесс.

Выводы

Ключевые вызовы для реализации НД в рамках международного объединения БРИКС – отсутствие общей повестки

научных взаимодействий, содержательно размытые представления ученых друг о друге, нехватка ресурсов.

Объединение имеет потенциал: политico-правовое оформление НД, площадки научного общения, институт финансирования инфраструктурных проектов – для выработки ответов на эти вызовы. Этому в перспективе может способствовать наращивание обозначенного потенциала при фокусировке внимания на научных взаимодействиях по вопросам общего интереса. Именно интересы обуславливают процесс расширения БРИКС. Соотнесение интересов в разных сферах, в том числе науке, следует рассматривать

как неотъемлемую часть функционирования объединения.

Решение проблемы содержательно размытых представлений ученых стран БРИКС друг о друге может внести вклад в улучшение взаимопонимания на социальном уровне, что является важной составляющей сокращения дефицита доверия между странами (Stuenkel, 2013). Конкретизация вопросов общего интереса позволит НД в рамках объединения БРИКС действительно балансировать между исследованиями для общего блага и инновациями для собственного лидерства (Flink, Rüffin, 2019), т.е. между сотрудничеством и конкуренцией.

Received: November 5, 2025

Accepted: December 8, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-71-85

UDC: 327

International Politics / Research article

SCIENCE DIPLOMACY WITHIN BRICS: CHALLENGES AND PROSPECTS (RESULTS FROM EXPERT INTERVIEWS)

*Alexandra A. Khatkevich, Junior Research Fellow,
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences.
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia.
E-mail: alexandra.a.khatkevich@gmail.com*

Abstract: This article presents the results of an empirical study conducted through expert interviews which purpose was to identify the challenges and prospects of science diplomacy within BRICS. The sample ($n = 15$) included experts engaged in international relations studies, regional and country studies, science, diplomacy and innovation studies. An analysis of the empirical data revealed that the key challenges to implementing science diplomacy within BRICS are a lack of common agenda for scientific interactions, vague social representations of scientists about each other, a lack of resources. At the same time, the association has certain potential to respond to these challenges. BRICS has science diplomacy political and legal framework, scientific communication platforms, development finance institution. According to expert interviews, prospects for developing science diplomacy within the association include identifying and establishing areas of common interest, furthering scientists' understanding of each other's national scientific cultures, enhancing the New Development Bank's role in funding joint research initiatives. Science diplomacy is based on cooperation and competition dialectics. Specifying issues of common interest can ensure a balance between them in the practice of science diplomacy within the association.

Strengthening informal ties between scientists can contribute to mutual understanding among BRICS countries at the societal level.

Keywords: science diplomacy, BRICS, international association, challenges, prospects, expert interviews

Conflicts of interest: The author has no conflicts of interest to declare.

Список литературы / References:

- Doğan, E.Ö., Uygun, Z., Akçomak, İ.S. (2021). Can Science Diplomacy Address the Global Climate Change Challenge? *Environmental Policy and Governance*, 1(31), 31–45. DOI: 10.1002/eet.1911
- Flink, T., Rüffin, N. (2019). The Current State of the Art of Science Diplomacy. *Canzler, W., Kuhlmann, S., Simon, D. (Eds.) Handbook on Science and Public Policy*. Cheltenham: Edward Elgar, 104–121. DOI: 10.4337/9781784715946
- Kaltofen, C., Acuto, M. (2018). Science Diplomacy: Introduction to a Boundary Problem. *Global Policy*, 9, 8–14. DOI: 10.1111/1758-5899.12621
- Kharitonova, E., Prokhorenko, I. (2020). Russian Science Diplomacy. *Velikaya, A., Simons, G. (Eds.) Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. Palgrave Macmillan, 133–146. DOI: 10.1007/978-3-030-12874-6_8
- Kubota, L.C. (2020). BRICS Cooperation in Science, Technology and Innovation: Progress to Be Shown. *Revista Tempo do Mundo*, 22, 95–109. DOI: 10.38116/rtm22art5
- Legrand, T., Stone, D. (2018). Science Diplomacy and Transnational Governance Impact. *British Politics*, 3(13), 392–408. DOI: 10.1057/s41293-018-0082-z
- Meuser, M., Nagel, U. (2009). The Expert Interview and Changes in Knowledge Production. *Bogner, A., Littig, B., Menz, W. (Eds.) Interviewing Experts*. London: Palgrave Macmillan, 17–42. DOI: 10.1057/9780230244276_2
- Ruffini, P.B. (2020a). Collaboration and Competition: The Twofold Logic of Science Diplomacy. *The Hague Journal of Diplomacy*, 3(15), 371–382. DOI: 10.1163/1871191X-bja10028
- Ruffini, P.B. (2020b). Conceptualizing Science Diplomacy in the Practitioner-Driven Literature: A Critical Review. *Humanities and Social Sciences Communications*, 1(7), 1–9. DOI: 10.1057/s41599-020-00609-5
- Russell, B. (1917). **Political Ideals**. New York: The Century Co. 188 p.
- Russell, B. (1927). *Selected Papers of Bertrand Russell*. New York: Modern Library. 412 p.
- Stuenkel, O. (2013). The Financial Crisis, Contested Legitimacy, and the Genesis of Intra-BRICS Cooperation. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, 19, 611–630. DOI: 10.1163/19426720-01904008
- Su, P., Mayer, M. (2018). Science Diplomacy and Trust Building: 'Science China' in the Arctic. *Global Policy*, 9, 23–28. DOI: 10.1111/1758-5899.12576
- Turekian, V.C., Gluckman, P. (2025). Rewiring Science Diplomacy. *Science*, 389(6762), 761. DOI: 10.1126/science.aeb4815
- Belokonev, S.Yu., Evgenieva, T.V., Titov, V.V., Usmanova, Z.R. (2019). Analiz predstavleniy o stranakh-partnerakh Rossii po BRIKS v politicheskem soznanii rossiyskikh grazhdan [BRICS Countries in Political Consciousness of Russian Citizens]. *MGIMO Review of International Relations*, 3(66), 111–130. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-111-130 (In Russian)
- Gutenev, M.Yu., Sergunin, A.A. (2022). Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya Rossii: teoriya i praktika [Russia's Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice]. *International Organisations Research Journal*, 3(17), 155–174. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-06
- Kirton, J., Larionova, M.V. (2022). BRICS. Pervyye 15 let sotrudnichestva [The First Fifteen Years of the BRICS]. *International Organisations Research Journal*, 2(17), 7–30. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-01 (In Russian)

Leonova, O.G. (2024). Rasshireniye BRIKS i yego geopoliticheskiye posledstviya [BRICS Expansion and Its Geopolitical Consequences]. *Russia and the World in the 21st Century*, 2(123), 55–71. DOI: 10.31249/rsm/2024.02.04 (In Russian)

Rogozhina, N.G. (2025). Osobennosti rasshireniya BRIKS v Yugo-Vostochnoy Azii [Specifics of BRICS Expansion into Southeast Asia]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2025, 1(18), 72–89. DOI: 10.31249/kgt/2025.01.05. (In Russian)

Sokolov, A.V., Shashnov, S.A., Kotsemir, M.N., Grebenyuk, A.Yu. (2017). Opredeleniye prioritetov nauchno-tehnologicheskogo sotrudничества stran BRICS [Identification of Priorities for S&T Cooperation of BRICS Countries]. *International Organisations Research Journal*, 4(12), 32–67. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-04-32 (In Russian)

Литература на русском языке:

Белоконев, С.Ю., Евгеньева, Т.В., Титов, В.В., Усманова, З.Р. (2019). Анализ представлений о странах-партнерах России по БРИКС в политическом сознании российских граждан. *Вестник МГИМО-Университета*, 3(66), 111–130. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-111-130

Гутенев, М.Ю., Сергунин, А.А. (2022). Арктическая научная дипломатия России: теория и практика. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 3(17), 155–174. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-06

Киртон, Дж., Ларионова, М.В. (2022). БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 2(17), 7–30. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-02-01

Леонова, О.Г. (2024). Расширение БРИКС и его геополитические последствия. *Россия и современный мир*, 2(123), 55–71. DOI: 10.31249/rsm/2024.02.04

Рогожина, Н.Г. (2025). Особенности расширения БРИКС в Юго-Восточной Азии. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 1(18), 72–89. DOI: 10.31249/kgt/2025.01.05

Соколов, А.В., Шашнов, С.А., Коцемир, М.Н., Гребенюк, А.Ю. (2017). Определение приоритетов научно-технологического сотрудничества стран БРИКС. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 4(12), 32–67. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-04-32

Трансформация образовательных направлений сотрудничества в БРИКС

Н.Е. РЯЗАНОВА*

МГИМО МИД России (Россия)

Е.В. ВЕРХОВСКАЯ**

ООО «МБС» (Россия)

Аннотация

Статья анализирует современное состояние и перспективы образовательного сотрудничества в рамках БРИКС. Авторы подчеркивают, что такое взаимодействие основано на признании образования ключевым правом и фактором устойчивого развития, а также инструментом противодействия дезинформации. Ключевым трендом выступает ориентация профессионального образования на потребности рынка труда. Вместе с тем в статье отмечаются существенные вызовы: доминирование подходов «Глобального Севера», языковые и логистические барьеры, санкционные ограничения и асимметричный доступ к технологиям. Цифровизация и ИИ, смягчая некоторые барьеры, порождают новые вызовы в области этики и цифровых компетенций. В качестве приоритетных направлений сотрудничества выделяются: развитие многоязычия и образовательных ресурсов на национальных языках, академическая мобильность, взаимное признание квалификаций, совместные научные исследования и создание единой цифровой образовательной среды. Делается вывод, что углубление образовательной и научно-технической интеграции в БРИКС способствует укреплению гуманитарного суверенитета стран-участниц, формирует кадровый резерв и закладывает основу для устойчивого развития в много极ном мире.

Ключевые слова

БРИКС, трансформация образования, научная дипломатия, образовательная политика, академическая дипломатия

Для цитирования

Рязанова Н.Е., Верховская Е.В. (2025). Трансформация образовательных направлений сотрудничества в БРИКС. *Управление и политика*. 4(4). С. 86–95.
DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-86-95

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов

* Рязанова Наталья Евгеньевна – к.геогр.н., доцент, Кафедра международных комплексных проблем природопользования и экологии, МГИМО МИД России. 119454, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, 76.

E-mail: n.riazanova@inno.mgimo.ru

** Верховская Елена Викторовна – эксперт по устойчивому развитию, бизнес-тренер в области экологии. Россия.

E-mail: elenav@mb-solutions.ru

Современное сотрудничество стран БРИКС в области образования основывается на признании образования как фундаментального права каждого человека и ключевого фактора устойчивого развития. В свою очередь актуализация подходов и форм обучения, модернизация системы образования существует интеграции современных требований рынка труда, что позволяет решить задачу эффективного трудоустройства молодых специалистов (Машкина, 2017). Одновременно с этим образование рассматривается как инструмент защиты от дезинформации, способствующий формированию критического мышления и укреплению солидарности. Однако в существующей образовательной повестке до недавнего времени доминировали подходы Глобального Севера, которые часто не учитывают социально-экономические, культурные и языковые особенности стран БРИКС. В парадигме новых формирующихся и укрепляющихся альянсов стран сотрудничество в формате Юг–Юг усиливает контуры контрзависимости, формируя гибкость, адаптивность и трансформацию взаимодействия в сфере образования (Muhr & Azevedo, 2018). В этой связи крайне важно инициировать и поддерживать программы, направленные на развитие многоязычия и расширения доступа к образованию и научной продукции на национальных языках, ориентируясь на сохранение гуманитарного суверенитета.

Основные вызовы, которые оказывают влияние на систему образования, способствуют прохождению стресс-теста системы. Так, например, пандемии COVID-19, которая с одной стороны оказала негативный эффект на здоровье человека, в том числе психическое, в то же время способствовала ускорению перестройки системы образования

с традиционной на смешанный формат, ускорив внедрение инноваций и усилив запрос на формирование цифровой грамотности. На сегодняшний день влияние на систему образования оказывает рост санкционных барьеров, коммерциализация образования и асимметричный доступ к технологиям, а сдерживающими факторами для взаимодействия между странами-участницами БРИК являются языковые барьеры, логистические аспекты (удаленность участников друг от друга и транспортные расходы), процедуры (визовый режим), недостаточная координация сотрудничества по перспективным направлениям, а также разрыв в уровне развития между странами (Максакова & Ткаченко, 2024). Учитывая то, что важнейшую роль сегодня играют цифровые технологии и искусственный интеллект (ИИ), они отчасти слаживают негативный эффект от ряда барьеров (например, логистические и процедурные), однако имеют свои вторичные вызовы (требования к развитию цифровых навыков, этические, технические и методологические аспекты использования ИИ в образовании). В этой связи необходимо проводить системную политику по внедрению цифровых инструментов на уровне государственного управления, развивая сотрудничество в сфере цифровой трансформации, одновременно с этим решая и вопросы кибербезопасности (Барандова, 2025; Селиверстова & Ливенец, 2025)

Согласно повестке Альянса стран БРИКС в сфере профессионального образования (ПО) приоритетами для России в рамках сотрудничества с другими странами является устойчивое развитие. Сегодня ключевой тренд систем ПО стран БРИКС – ориентация на потребности рынка труда и обеспечение гарантий трудоустройства выпускников. Ответом России на данный запрос стал запуск федерального проекта «Профессионалитет»,

ориентированного на подготовку квалифицированных специалистов для 24 приоритетных отраслей экономики. По состоянию на 2025 год проектом охвачены 86 субъектов Российской Федерации, создано 506 кластеров, объединяющих свыше 1 400 колледжей и более 2 400 работодателей. В планах к 2030 году создание около 940 кластеров в 89 субъектах с вовлечением более 3 000 образовательных организаций и более 4 000 работодателей¹.

Особую роль в этом процессе играет цифровая трансформация образования и интеграция инноваций с поддержкой

инклюзии и развития языковой политики. В этой связи возникает необходимость создания новых и развитие существующих совместных образовательных платформ, поддержка академической мобильности, развитие обучающих программ по национальным языкам, а также разработка механизмов взаимного признания дипломов и степеней. При этом реализацию совместных программ необходимо проводить с учетом культурных, исторических и социальных особенностей стран БРИКС и активного участия гражданского общества и образовательных сообществ в формировании политики.

Международное развитие образовательных инициатив по линии сотрудничества России со странами БРИКС

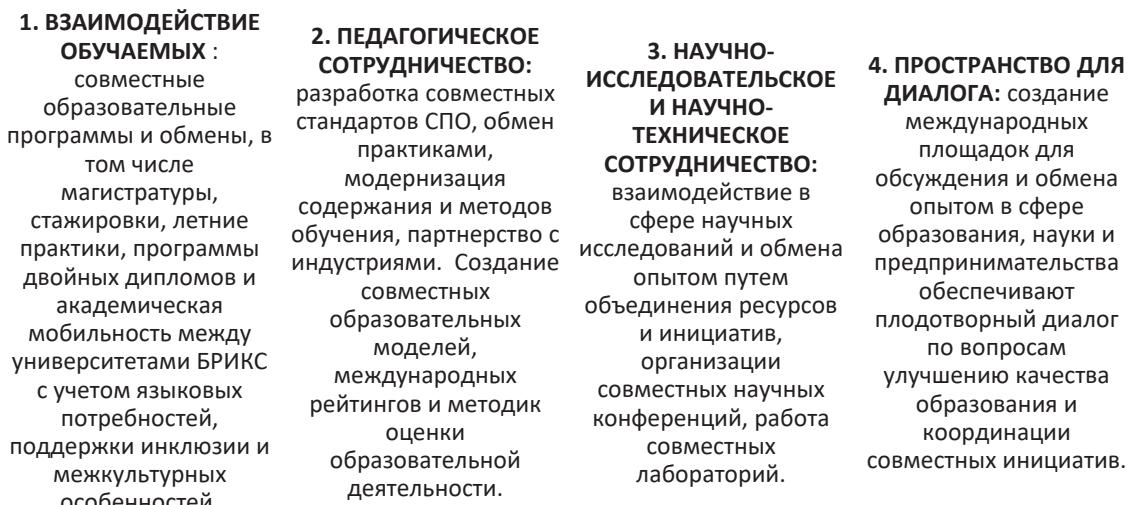

Рис. 1. Направления международного сотрудничества России со странами БРИКС по образовательному треку

Fig. 1. Areas of international cooperation between Russia and the BRICS countries in the educational track

Источник: составлено авторами.

¹ Минпросвещения России. За 4 года в странах БРИКС число студентов, получающих профессиональное образование, увеличилось на 20%. 2025. URL: <https://edu.gov.ru/press/10157/za-4-goda-v-stranah-briks-chislo-studentov-poluchayushchih-professionalnoe-obrazovanie-uvelichilos-na-20/> (дата обращения: 01.10.2025)

Университеты, исследовательские институты и общественные инициативы в странах БРИКС имеют огромный потенциал для разработки и внедрения эффективных образовательных решений, которые могут стать ресурсом и для других стран (Kovalev & Shcherbakova, 2019). Необходимость демократизации и гуманизации образования видится как путь преодоления меритократических и рыночно ориентированных моделей, навязываемых внешними международными организациями. Задачи платформизации образования, контроля и мониторинга, стандартизации требуют развития инфраструктуры, методологии и подготовки кадров.

На сегодняшний день можно структурировать приоритетные направления для международного развития образовательных инициатив по линии сотрудничества России со странами БРИКС на 4 ключевых блока (Рис. 1).

Системы образования стран БРИКС занимают около трети глобального образовательного пространства, что подчеркивает масштаб и значимость сотрудничества². За четыре года (с 2020 по 2024) в странах БРИКС на 20% увеличилось число студентов, получающих профессиональное образование³. Сотрудничество

между странами БРИКС ведется очень активно, с момента образования альянса был реализован ряд совместных проектов России с другими странами. Например, сетевой университет БРИКС (СУ БРИКС) представляет собой объединение образовательных организаций высшего образования стран БРИКС, в который входят 56 вузов: 9 университетов из Бразилии, 12 из России, 12 из Индии, 11 из Китая и 12 из ЮАР⁴. Сетевой формат взаимодействия университетов способствует повышению международной и региональной конкурентоспособности, создавая предпосылки для усиления качества и актуализации подготовки высококвалифицированных специалистов, отвечающих запросу рынка (Черников, 2021).

Важно отметить программу «Классная страна» АСИ, которая в 2024-2025 гг. получила международный статус, объединив участников из семи стран БРИКС⁵. А также международная школа БРИКС «Новое поколение» на базе НИУ ВШЭ для молодых лидеров, которая нацелена на развитие кадрового резерва для стран БРИКС⁶. Экспертами положительно оценивается успешный обмен опытом и регулярные совместные мероприятия в рамках Альянса по ТПОП⁷. В процессе подготовки находится концепция

² Transformation of general education in BRICS countries. URL: <https://bricscouncil.ru/ru/analytics/obrazovanie-v-stranakh-briks> (дата обращения: 01.10.2025)

³ Минпросвещения России. За 4 года в странах БРИКС число студентов, получающих профессиональное образование, увеличилось на 20%. 2025. URL: <https://edu.gov.ru/press/10157/za-4-goda-v-stranah-briks-chislo-studentov-poluchayuschih-professionalnoe-obrazovanie-uvelichilos-na-20/> (дата обращения: 01.10.2025)

⁴ Сетевой университет БРИКС. 2024. URL: <https://mspo.hse.ru/subrics> (дата обращения: 01.10.2025)

⁵ Министерство просвещения Российской Федерации. Объявлены победители международной программы «Классная страна». 2023. URL: <https://edu.gov.ru/press/9861/obyavleny-pobediteli-mezhdunarodnoy-programmy-klassnaya-strana/> (дата обращения: 01.10.2025)

⁶ НИУ ВШЭ. В Вышке пройдет Международная школа БРИКС: Новое поколение. 2025. URL: <https://www.hse.ru/news/development/1070710893.html> (дата обращения: 01.10.2025)

⁷ Минпросвещения России. Российская делегация приняла участие в заседании Альянса БРИКС по сотрудничеству в области технического и профессионального образования и подготовки кадров (ТПОП). 2024. URL: https://vestnikpedagoga.ru/novosti_minobrnauki/novost?nomer=https://edu.gov.ru/press/9955/rossiyskaya-delegaciya-prinyala-uchastie-v-zasedanii-alyansa-briks-v-sfere-tprop/ (дата обращения: 01.10.2025)

Международной олимпиады стран БРИКС, которая позволит победителям и призерам бесплатно учиться в вузах России по программам магистратуры⁸.

Для реализации задачи повышения языковой доступности организованы возможности для изучения русского языка для зарубежных участников из стран БРИКС. Так, например, по линии Россотрудничества и Министерства культуры РФ осуществляется целый спектр мероприятий для укрепления международных связей в сфере образования, а также в организации гуманитарных, научных и культурных инициатив. Россия запускает в странах БРИКС+ специальный телепроект по изучению русского языка для иностранцев с мотивирующим слоганом «Русский язык сближает культуры»⁹.

Критически важно укрепление взаимодействия в научно-исследовательской и научно-технической сферах. Среди наиболее приоритетных направлений для сотрудничества выделяются продовольственная безопасность и устойчивое сельское хозяйство, изменение климата и минимизация последствий природных катастроф, новые и возобновляемые источники энергии, сохранение энергии, космос, аэронавтика, астрономия и наблюдение Земли, медицина и биотехнологии, высокотехнологичные зоны, научные парки и инкубаторы, передача технологий¹⁰.

В 2022 г. состоялся конкурс «Молодые инноваторы стран БРИКС» в рамках седьмого Форума молодых ученых стран БРИКС, в отборе участвовало 90 заявок. Страны сотрудничают в рамках единой научной инфраструктуры, включающей лаборатории и научно-исследовательские центры в рамках Глобальной сети передовых исследовательских инфраструктур *BRICS GRAIN* – платформы, созданной по инициативе России, которая предоставляет доступ ученым из стран БРИКС к проектам класса «мегасайенс». Академический форум БРИКС проводится на регулярной основе с целью расширения контактов между академическими и научными центрами, исследовательскими и высшими учебными заведениями. Совместные публикации исследователей из стран БРИКС демонстрируют рост числа контактов ученых и положительные результаты их взаимодействия.

Основными профессиональными инструментами реализации взаимодействия со странами БРИКС в области образования являются: совместные международные научно-исследовательские проекты, совместные лаборатории и стажировки, публикации научных статей по узкоспециализированным темам и глобальным вызовам (устойчивое развитие, экология, цифровизация и др.), а также проведение конкурсов для талантливых молодых ученых и студентов. Россия

⁸ Минобрнауки России. Победители Международной олимпиады БРИКС смогут бесплатно учиться в вузах РФ. Москва, 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22210079> (дата обращения: 01.10.2025)

⁹ TV BRICS. Россия запускает в странах БРИКС+ специальный телепроект по изучению русского языка для иностранцев. 2025. URL: <https://tvbrics.com/news/rossiya-zapuskaet-v-stranakh-briks-spetsialnyy-teleproekt-po-izucheniyu-russkogo-yazyka-dlya-inostra/> (дата обращения: 01.10.2025)

¹⁰ Краснова Г. (2023). Состояние и перспективы многостороннего научного сотрудничества в рамках БРИКС. РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/Analytics-and-Comments/Analytics/sostoyanie-i-perspektivy-mnogostoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva-v-ramkakh-briks/?phrase_id=104311258

активно участвует в многостороннем инновационном сотрудничестве внутри БРИКС: за последние годы страны БРИКС поддержали 93 совместных проекта в 11 научных областях, из них 59 – с участием России, включая цифровые технологии и ИИ. Министерство науки России выделяет гранты для совместных научных исследований с партнерами БРИКС, что свидетельствует о приоритетности наращивания инновационного взаимодействия для обеспечения устойчивого роста и реализации стратегии Индустрии 5.0¹¹. Такая научно-образовательная коллаборация будет способствовать повышению конкурентоспособности российских вузов на мировой арене. Актуальной при этом видится необходимость усиления взаимодействия между наукой и бизнесом путем создания кластеров, развития инкубаторов, акселераторов и других форм стимулирования предпринимательской активности (Лукашенко и др., 2025). Не менее важной задачей видится проработка аспектов правового регулирования с учетом различия в подходах и законодательных процедурах разных стран (Astakhova, 2020).

Поскольку приоритетной задачей для многих стран является реализация повестки устойчивого развития и решение ряда экологических проблем, важно отметить сотрудничество России с другими странами в этом направлении. Учитывая глобальный и локальный запрос на решение задач в области экологии и климата, у российских вузов довольно

устойчивые позиции на международной арене экологического образования – так, например, в 2024 году в рейтинг UI GreenMetric World University Ranking вошли 50 российских вузов, некоторые из которых занимают достаточно высокие позиции (РУДН на 22 месте, Сибирский федеральный университет на 69 месте) (Verkhovskaya & Riazanova, 2021).

Внедрение и адаптация подобных инициатив может осуществляться в российских вузах через создание совместных образовательных траекторий, открытие международных отделений в университетах, интеграцию дистанционных и очных модулей, создание учебных программ с учетом профессиональных и культурных запросов стран БРИКС. В свою очередь экспорт российского образования в страны БРИКС будет активно способствовать не только реализации повестки устойчивого развития, но и укреплению геоэкономических и geopolитических позиций России в мире (Шилова, 2024).

При разработке и создании учебных материалов для создания доступности и равных возможностей обучения иностранных студентов важно учитывать проблему языковых барьеров. Например, при создании в Москве экоцентра «Язу», посвященного экологическим профессиям будущего, презентационные и учебно-методические материалы были разработаны на английском и китайском языках с целью облегчения процесса обмена опытом и взаимодействия международного профессионального сообщества¹².

¹¹ Краснова Г. (2023). *Состояние и перспективы многостороннего научного сотрудничества в рамках БРИКС*. РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sostoyanie-i-perspektivy-mnogostoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva-v-ramkakh-briks/?phrase_id=104311258

¹² UI GreenMetric World University Ranking 2024. URL: <https://greenmetric.ui.ac.id/rankings/overall-rankings-2024> (дата обращения: 01.10.2025); 作者：韦尔霍弗丝卡娅Е.В., 梁赞诺娃N.E 未来的生态职业教学参考书 ISBN 978-5-6046896-6-0 莫斯科 2021.

Поскольку основные операционные вызовы в первую очередь связаны с языковыми и технологическими барьерами, а также с различием в социальном и культурном наследии и установках, активное внедрение ИИ и цифровизация образования, а также совместное использование онлайн-ресурсов (платформ, курсов, образовательных ресурсов) не только способствует повышению доступности знаний, предоставляя возможности получения смешанного и дистанционного обучения, развивая цифровые компетенции, но существенным образом упрощает процесс взаимодействия и интеграции. Если сравнивать уровень развития инноваций в цифровизации, позиции России несколько уступают лидирующим в этой сфере Китаю и Индии, однако в этом направлении видится потенциал развития, в связи с чем приоритетом становится наращивание инновационного взаимодействия со странами БРИКС по вопросам обеспечения устойчивого роста в условиях реализации стратегии Индустрии 5.0 с фокусом на цифровые технологии и ИИ (Плясова, Бондарева, Гриднев, 2023).

* * *

Образование должно оставаться бесплатным, всеохватывающим и демократическим правом, обеспечивающим развитие критического и солидарного мышления. Предложенные рекомендации направлены на создание справедливой, устойчивой и инклюзивной системы образования в странах БРИКС с учетом особенностей каждого государства и общего вызова глобализации:

- реализация проектов по представлению и расширению доступа к образовательным ресурсам на национальных языках, развитию многоязычия и укреплению культурных связей.
- усиление продвижения межкультурного и научного сотрудничества как

основы эффективного партнерства стран БРИКС. Для стимулирования развития научно-исследовательского потенциала важно создание и поддержка деятельности фондов и механизмов укрепления академической мобильности, включая стипендии, краткосрочные стажировки, обмен преподавателями и студентами.

- разработка общих стандартов оценки качества образования, ориентированных на ценности и реалии Глобального Юга, а также поддержка новых индикаторов и альтернативных систем оценки будет способствовать новому переосмыслению идеи равноправной глобализации.
- усиление роли педагогов и признание статуса учителя как одного из важнейших кадровых ресурсов с необходимостью улучшения условий труда, что будет содействовать повышению общественного престижа профессии.
- создание единой образовательной цифровой среды БРИКС, включающей виртуальные центры коммуникации, электронные библиотеки и энциклопедии.
- поддержка экологического образования как важного направления для устойчивого развития.

- мероприятия по стимулированию инноваций и предпринимательства, цифровых решений, экспорта ИКТ товаров путем организации выставок с участием институтов поддержки экспорта, развития интернет торговли и создания виртуальных площадок, направленных на стимулирование цифровой трансформации.

В качестве примера мер по расширению горизонтов сотрудничества России со странами БРИКС, в части трансформации образования, можно рекомендовать следующие инициативы, которые возможно осуществить на платформе МГИМО МИД России:

1. разработать варианты принципов и подходов к созданию единых

национальных энциклопедий; национальных поисковых систем, а также национальных сегментов международных поисковых систем.

2. создать виртуальный центр образовательных коммуникаций молодежи БРИКС.

3. создать дайджест студенческих исследований и мероприятия по основным направлениям международных повестки развития (экология, экономика, социум) с разделом на формальное, неформальное и информальное обучение.

4. инициировать издание электронного Ежегодника «Инициативы Гражданского форума БРИКС. Образование и культура» (Герасимов, Коданева, 2023).

Безусловно, сегодня происходят текстонические изменения и переустройство стратегий взаимодействия стран с учетом национальных приоритетов. Однако основой для будущей устойчивости и гуманистической, а не хищнической конкурентоспособности, может стать не только политическое и экономическое сотрудничество, но в огромной мере сотрудничество в сфере образования и научно-исследовательских и технологических молодежных инициативах, создавая прочный фундамент для взаимодействия с учетом новых критериев достижения баланса в многополярном мире.

Received: November 21, 2025

Accepted: December 5, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-86-95

UDC: 327.7, 37.014.53

International Politics / Research article

EDUCATIONAL AREAS COOPERATION TRANSFORMATION WITHIN BRICS

*Natalia E. Ryazanova, PhD (Geographical Sciences),
Associate Professor, MGIMO University.*

*76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: n.riazanova@inno.mgimo.ru*

*Elena V. Verkhovskaya, Sustainable Development Expert,
Business Trainer in the Field of Ecology LLC «MBS», Russia.
E-mail: elenav@mb-solutions.ru*

Abstract: The article analyzes the current state and prospects of educational cooperation within the BRICS framework. The authors emphasize that such interaction is based on the recognition of education as a key right and a factor in sustainable development, as well as a tool for countering disinformation. A key trend is the focus of professional education on labor market needs. The article also notes significant challenges: the dominance of «Global North» approaches, language and logistical barriers, sanctions restrictions, and asymmetric access to technology. Digitalization and AI, while mitigating some barriers, are creating new challenges in the areas of ethics and digital competencies. Priority areas of cooperation include the development of multilingualism and educational resources in national languages, academic mobility, mutual recognition of qualifications, joint research, and the creation of a unified digital educational environment. It is concluded that deepening educational and scientific-technical integration within BRICS contributes to strengthening the humanitarian sovereignty of member countries, creates a talent pool, and lays the foundation for sustainable development in a multipolar world.

Keywords: BRICS, education transformation, science diplomacy, education policy, academic diplomacy

Conflicts of interest: The authors has no conflicts of interest to declare.

Список литературы / References:

- Astakhova M. (2020). Scientific cooperation across the BRICS. *BRICS Law Journal*. № 1. P. 4–26.
- Kovalev I. & Shcherbakova A. (2019). BRICS Cooperation in Science and Education. *Strategic Analysis*, 43, 532–542.
- Muhr T. & Azevedo M.L.N. (2018). The BRICS Development and Education Cooperation Agenda. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. № 3. С. 517–534. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-517-534
- Verkhovskaya, E.V., Riazanova, N.E. (2021). *Environmental Jobs of the Future Study Guide*. Moscow.
- Barandova, T.L. (2025). Tsifrovaya transformatsiya v stranakh BRIKS+: al'yansy i mezhgosudarstvennyye struktury koordinatsii (obzor zarubezhnogo opyta) [Digital transformation in the BRICS+ countries: alliances and interstate coordination structures (review of foreign experience)]. *Rossiya v global'nom mire*, 3, 2–29. (in Russian)
- Chernikov, S.Yu. (2021). Vozmozhnosti setevogo universiteta BRIKS kak obrazovatel'noy platformy innovatsionnogo sotrudничestva [Opportunities of the BRICS Network University as an educational platform for innovative cooperation]. *Vestnik RUDN. Серия: Экономика*, 1, 76–87. (in Russian)
- Gerasimov, V.I., Kodaneva, S.I. (2023). Obzor nauchno-tehnologicheskogo i innovatsionnogo sotrudничestva stran BRIKS: tendentsii, perspektivy i vyzovy [Review of scientific, technological and innovative cooperation of the BRICS countries: trends, prospects and challenges]. *Управление наукой: теория и практика*, 1, 204–229. (in Russian)
- Lukashenko, M.A., Alekseeva, E.V., Dobrovolskaya, T.Yu., Shavyrina, A.A. (2025). Kollaboratsii rossiyskikh universitetov s vuzami BRIKS: formy, rezul'taty, vozmozhnosti [Collaborations of Russian universities with BRICS universities: forms, results, opportunities]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 3, 52–76. (in Russian)
- Maksakova, M.A., Tkachenko, S.S. (2024). Innovatsionnoye razvitiye stran BRIKS i ego vliyanie na vnesheekonomicheskuyu deyatel'nost' [Innovative development of the BRICS countries and its impact on foreign economic activity]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 4, 424–440. (in Russian)
- Mashkina, O.A. (2017). Strany BRIKS: strategii razvitiya vysshego obrazovaniya [BRICS countries: strategies for the development of higher education]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Серия 20. Pedagogicheskoye obrazovaniye*, 2, 40–48. (in Russian)
- Plyasova, S.V., Bondareva, N.A., Gridnev, Yu.V. (2023). Otsenka tsifrovogo potentsiala stran BRIKS v usloviyakh formirovaniya novogo geopolityadka [Assessment of the digital potential of the BRICS countries in the context of the formation of a new world order]. *Vestnik VolGU. Экономика*, 1, 128–141. (in Russian)
- Seliverstova, I.V., Livenets, M.A. (2025). Mezhstranovaya otsenka kachestva professional'nogo obrazovaniya: Rossiya i strany BRIKS v novoy global'noy paradigme [Cross-country assessment of the quality of vocational education: Russia and the BRICS countries in a new global paradigm]. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye*, 9, 250–254. (in Russian)
- Shilova, E.S. (2024). Eksport rossiyskogo obrazovaniya v stranakh BRIKS: tendentsii i perspektivy v sovremennykh usloviyakh [Export of Russian education in the BRICS countries: trends and prospects in modern conditions]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Серия: Estestvennyye i meditsinskiye nauki*, 1, 7–26. (in Russian)

Литература на русском языке:

- Барандова Т.Л. (2025). Цифровая трансформация в странах БРИКС+: альянсы и межгосударственные структуры координации (обзор зарубежного опыта). *Россия в глобальном мире*. № 3. С. 2–29.
- Герасимов В.И., Коданева С.И. (2023). Обзор научно-технологического и инновационного сотрудничества стран БРИКС: тенденции, перспективы и вызовы. *Управление наукой: теория и практика*. 2023. № 1. С. 204–229.
- Лукашенко М.А., Алексеева Е.В., Добровольская Т.Ю., Шавырина А.А. (2025). Коллaborации российских университетов с вузами БРИКС: формы, результаты, возможности. *Высшее образование в России*. № 3. С. 52–76.
- Максакова М.А., Ткаченко С.С. (2024). Инновационное развитие стран БРИКС и его влияние на внешнеэкономическую деятельность. *Научные труды Вольного экономического общества России*. № 4. С. 424–440.
- Машкина О.А. (2017). Страны БРИКС: стратегии развития высшего образования. *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*. № 2. С. 40–48.
- Плясова С.В., Бондарева Н.А., Гриднев Ю.В. (2023). Оценка цифрового потенциала стран БРИКС в условиях формирования нового геопорядка. *Вестник ВолГУ. Экономика*. № 1. С. 128–141.
- Селиверстова И.В., Ливенец М.А. (2025). Межстрановая оценка качества профессионального образования: Россия и страны БРИКС в новой глобальной парадигме. *Современное педагогическое образование*. № 9. С. 250–254.
- Черников С.Ю. (2021). Возможности сетевого университета БРИКС как образовательной платформы инновационного сотрудничества. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. № 1. С. 76–87.
- Шилова Е.С. (2024). Экспорт российского образования в странах БРИКС: тенденции и перспективы в современных условиях. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*. № 1. С. 7–26.

BRICS Collaboration Trends: Dimensions Metadata Study (2020-2025)

NARINA RINGO*

Lecturers Association of Community Service (Asosiasi Dosen Pengabdian kepada Masyarakat ADPI) (Indonesia)

ANKIT NANDWAL**

Prestige Institute of Management and Research (India)

Abstract

The research aims to examine the evolution and key trends of collaboration within the BRICS and BRICS+ blocs during 2020–2025, emphasizing geopolitical, economic, social environmental, and security dimensions. This research is significant for understanding the role of social architecture in BRICS (BRICS+) cooperation in order to facilitate trust, knowledge sharing, and coordinated decision-making, providing a foundation for sustainable and resilient collaboration, inspiring future researches. The study examines how BRICS expansion, internal dynamics of the BRICS Big Three (China, India, Russia), and post-2022 geopolitical shifts influence cooperation patterns and global governance. Methodologically, it employs a structured bibliometric approach guided by the PRISMA framework. Using the Dimensions database, 500 publications from 2020–2025 were identified, with 495 relevant documents retained after screening. Analysis in RStudio using the bibliometrix package enabled citation analysis, keyword co-occurrence mapping, and visualization of collaboration networks across authors, institutions, and countries. Findings reveal strengthening economic and financial cooperation, growing focus on sustainable development and green technologies, expansion of digital trade, de-dollarization initiatives, and cross-border payment platforms. Security cooperation remains flexible, emphasizing cybersecurity, anti-piracy operations, and the BRICS STI initiative. China, India, and Russia are the primary drivers of BRICS-related scientific output. Development of social architecture underpins these trends, enhancing coordination, trust, and resilience. The study concludes BRICS cooperation is increasingly interdisciplinary and strategic. Social architecture, alongside technological innovation, environmental governance, and institutional reforms, forms the foundation of future development. Coordinated action may enable BRICS+ countries to become global leaders in sustainability, South-South innovation exchange, and economic multipolarity.

Keywords

bibliometric analysis, BRICS, BRICS+, BRICS collaboration, sustainable development, social architecture

* **Narina Ringo** – Reviewer in Lecturers Association of Community Service (Asosiasi Dosen Pengabdian kepada Masyarakat ADPI), Padang City, Indonesia. Jl. Komplek Unand Padang Besi, Kecamatan Lubuk Kilangan Kota Padang Sumatera Barat Kode Pos: 25166, Indonesia.

E-mail: mivur@mail.ru

** **Ankit Nandwal** – Assistant Professor, Prestige Institute of Management and Research, Indore, India. Undergraduate campus, Scheme 74-C, Vijay Nagar, Indore city, 452010, Madhya Pradesh, India.

E-mail: ankitnandwal@gmail.com

For citation

Narina Ringo, Ankit Nandwal (2025). BRICS Collaboration Trends: Dimensions Meta-data Study (2020–2025). *Governance and Politics*. 4(4). C. 96–129. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-96-129

Conflicts of interest

The authors declare that they have no conflict of interest

Over the fifth part of the century that the BRICS bloc has existed, it has become clear that cooperation between such different countries can and does proceed productively. Initially, these cultural, social, economic differences and geographical disunity were determined by the factors of the bloc's formality. However, since the late 2000s, the coalition has made significant progress from BRIC (Brazil, Russia, India, China) to BRICS+ (together with Indonesia, which joined in January 2025, the geopolitical community now has 10 members). Regardless of the cultural, historical, geographical and other peculiarities of the BRICS+ member countries, collaborations between them are becoming increasingly large-scale and are acquiring certain trends, if we observe the agendas of summits since 2009. Observations show that the following five domains can be identified that suggest collaboration within BRICS+. First, the geopolitical reorientation of the centres of economic and political power. Second, economic and financial cooperation. Third, sustainable development and innovative technologies. Fourth, people-to-people cooperation within the framework of academic cooperation. Fifth, security (anti-terrorism, cybersecurity,

financial (BRICS Contingent Reserve Arrangement). Separately, it is necessary to highlight the trends that emerged after February 2022 related to geopolitical situation in Europe.

The emergence of BRIC in the format of a summit of countries so different in population, culture and political interests on the world stage involuntarily caused skepticism among experts about the fruitfulness of cooperation and provoked questions about the formal nature of the bloc. Thus, despite the Great Recession of 2007–2009, which acted as a catalyst for strengthening cooperation between the bloc countries¹, especially in the monetary and financial sphere, it was noted that the heterogeneity of regional interests and insufficient coordination within the UN allows the existence of BRIC only in the short term². Also, despite the emergence of the term "Big Three" BRICS (China, India, Russia) and the expression "dominance of RCI" in the meaning of a metaphor for the locomotive of transformations within BRICS, it was questioned if that the emergence of new relationships within the Big Three could lead to complicated relationships due to the heterogeneity of their interests³. To be fair, this type of research is still relevant, but the

¹ IAS Score. (2019, November 25). BRICS: Achievements, failures and future – An analysis. <https://iasscore.in/current-affairs/mains/brics-achievements-failures-and-future-an-analysis>

² Burges, S. (2011, October). The BRICs and the UN: Coordination or fragmentation? E-International Relations. <https://www.e-ir.info/2011/10/20/the-brics-and-the-un-coordination-or-fragmentation/>

³ Lo, B. (2017). New order for old triangles? The Russia-China-India matrix. Institut français des relations internationales (Ifri). <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/new-order-old-triangles-russia-china-india-matrix>

context of the research has changed; experts are now investigating the nature and character of the relationships within the Big Three, the impact of conflicts and their own interests on global governance and strategic decision-making⁴. The difficulty is indeed marked by the fact that the two countries of the Big Three BRICS – India and China – have territorial claims against each other, aggravated by historical events. However, at the Kazan Forum-2025, significant agreements were adopted on progress in the deployment of a contingent along the Sino-Indian borders.

By 2020, it was noted that BRICS cooperation is not limited to politics, economics and security, but also extends to the cultural component, among which are the BRICS Literature Fair, tourism projects, and a census of cultural heritage sites – that is, cultural exchange allows for being a flexible platform for strengthening understanding between countries with different historical backgrounds⁵.

In 2022 the vibe of research on cultural interactions within the BRICS countries shifted towards the formation of distinguishable differences between the “Political West” and the “Political South” (which is directly represented by the BRICS countries themselves) (Schirm, 2023). These differences are determined by the fact that, firstly, the BRICS countries emphasize national autonomy and non-interference, and secondly, they emphasize pronounced state participation in the economic and media sectors. After the events of February 2022, the BRICS countries began to strengthen their own institutions and

form autonomous cultural initiatives. This turned out to be a clear marker of the shift in the world order to multipolarity. This is paradoxical – on the one hand, we are talking about the paternalistic values of the BRICS countries, on the other hand, we are talking about maintaining representation and preserving national pillars and bonds. As an example of representation, one should cite the increase in the visibility of women: among the initiatives of the bloc is the BRICS Women’s Entrepreneurship Forum, which allows women involved in business to share experiences and seek resources among BRICS partners in a woman-to-woman format⁶. Among the digital platforms of this format, one can cite BRICS WEN (BRICS Women Entrepreneurship Network) as an example.

Talking about security and cybersecurity collaboration between BRICS members, it is necessary to highlight BRICS STI initiative – science, technology and innovation. In scientific researches the proposals for establishment of the Information Sharing and Analysis Center (ISAC) that can help in creating effective collaboration between the members in a stable way (Malatji & Matli, 2023). In addition to cybersecurity, BRICS pays close attention to physical defense. The bloc has turned to a flexible model of cooperation in the field of security. For example, cooperation in the field of security operations in the Indian Ocean and the South China Sea can be cited as an example. The emphasis in operations in these waters is on protecting ships and merchant marine from

⁴ Wulf, H. (2024, October 20). Triangulation – With These Friends: China, India and Russia in BRICS (Report No. 202). Toda Peace Institute. <https://toda.org/policy-briefs-and-resources/policy-briefs/report-202-full-text.html>

⁵ Klomegah, K. K. (2020, December 13). BRICS and the establishment of a global socio-cultural architecture. Modern Diplomacy. <https://moderndiplomacy.eu/2020/12/13/brics-and-the-establishment-of-a-global-socio-cultural-architecture/>

⁶ Modern Diplomacy. (2024, May 15). BRICS women and their quest for cultural cooperation. <https://moderndiplomacy.eu/2024/05/15/brics-women-and-their-quest-for-cultural-cooperation/>

pirates. This approach allows for security to be ensured without creating a formal military BRICS alliance⁷.

The driving forces behind the BRICS research initiatives are China, India and Russia that proves the rise of the Big-3 of BRICS. A previously published study on the mention of the BRICS bloc in scientific articles found the same phenomenon. It is important to note that, in general, the interaction between the BRICS countries is defined as interdisciplinary. The UN-defined sustainable development goals are the general background.

In addition to cooperation on security, it is important to note the consideration of the environmental component in cooperation between the BRICS countries. At the moment, it can be determined that BRICS takes into account environmental concerns and reasonable consumption of resources in modern conditions. This involves the development of unified principles of governance for the participating countries. A significant problem of modern production is emissions into the environment. Their reduction and the introduction of modern, eco-friendly technologies and innovations designed to reduce emissions can be called the cornerstone determining the collaboration within the group, especially with China.

Among the common strategies we can note the following: expansion of the use of renewable energy, green financing coupled with institutional reform, the ultimate goal of which is to reduce emissions up to achieving zero emissions.

This research is significant for understanding the role of social architecture in international cooperation. Social architecture refers to the networks, norms, institutional

frameworks, and shared practices to enable trust, knowledge exchange, inspire future researches and collaborations, and coordinated actions among countries. By analyzing BRICS and BRICS+ collaboration, it is necessary to highlight how effective social architecture strengthens collective decision-making, resilience, and the ability to address complex global challenges, such as sustainable development, digital transformation, and multipolar governance. Understanding these mechanisms provides critical insights into how emerging powers can shape global agendas through structured, socially grounded cooperation.

Country cooperation in this matter is related to the common problems in the bloc countries: fossil fuel economy and economic heterogeneity. It can be said that the BRICS countries can be the leaders in changing climate control at the global level through south-south innovation exchange, provided that they are managed through collective, united action (Jay et al, 2025). Indian researchers (Behera et al, 2024) analysing huge panel data (observations from 1990 to 2020) found out disaggregated clean energy sources along with innovations in green technologies significantly reduce ecological footprints. The authors noted that political stability further enhances these effects by supporting consistent environmental policies. This study underscores the need for tailored clean energy strategy and governance reforms to improve environmental outcomes in the BRICS+ bloc. Conclusions of the importance of aligning innovation policy with institutional reforms to achieve sustainable development in such resource intensive-economies as BRICS+ countries are

⁷ Mdlokovana, S. (2025, March 4). BRICS+ series: Beyond NATO, BRICS and the New Global Security Framework. *Business Report*. Retrieved from <https://www.iol.co.za/business-report/brics/brics-series-beyond-nato-brics-and-the-new-global-securityframework-f65c1924-e9b9-43dc-98c9-f959dce082fa>

highlighted in the Chinese scientists article (Zhang & Yasin, 2024). That is, summarizing the observations on the situation of collaboration of the BRICS+ countries on issues of ecology, economics and sustainable development, it should be noted that there are expectations about the development of unified principles for managing the economy of natural resource use, searching for, financing and implementing innovations designed to reduce emissions to zero.

Initiatives to develop trade alliances and cooperation should be singled out separately. The following initiatives are planned in the areas of trade and logistics: BRICS IASP Cross-Border B2B Platform (supplier connection and payment infrastructure), BRICS Pay&Clear (Independent settlement and local currencies payment), Silk Road Xiamen Alliance (Chinese regional collaboration), BRICS E-commerce working group (regulatory framework), Russia-India Digital Trend (cross-border retail and payment infrastructure) and development of the national platforms like AliExpress. The main trend of these collaborations is the de-dollarization of economies, the use of local currencies, the Chinese renminbi, in international settlements, and the strengthening of the independence of payment systems from Western ones.

Methodology

For this bibliometric analysis study, a structured methodology was applied following the Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses (PRISMA) framework, as has been used in similar previous studies (Zabidin, Belayutham & Ibrahim, 2019). This comprehensive approach follows four critical stages: identification, screening, eligibility, and inclusion. PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses) is a widely used framework for ensuring transparency

and completeness in systematic reviews and meta-analyses. When applied to bibliometric analysis, PRISMA helps in systematically identifying, screening, and including relevant literature, ensuring a rigorous and reproducible research process.

The identification phase began with the formulation of a targeted search query designed to capture all relevant literature. The specific search string used in the Dimension database was TS = ("BRICS", "BRICS Collaboration", and "BRICS Collaboration in current economic scenario"), which helped identify all pertinent documents related to the field of BRICS Collaborations. The search was conducted in the first week of April 2025, ensuring the most current and up-to-date data were captured. According to the database, a total of 500 documents from different countries were identified between 2020 and 2025. These documents encompassed a broad range of studies that contributed to the global research landscape on BRICS. Upon manual screening, duplicate records were found and eliminated, some more article not related to the topic were found has been deleted and all 495 documents were deemed relevant for inclusion in this study.

The next phase involved data extraction and analysis. The data retrieved from the Dimensions database were imported into RStudio, where the "bibliometrix" package was employed to carry out the bibliometric analysis. This package offers an extensive suite of analytical tools that facilitated various types of analyses, including co-occurrence analysis and citation analysis across multiple units of analysis such as authors, sources (journals), and countries. Through this process, visualization maps were generated to illustrate the relationships and trends in the research landscape of social commerce, offering insights into collaboration networks, influential authors, and geographic distributions of research activity. This approach provided a robust and structured method

for analysing the evolution and impact of research in the social commerce domain, with visual representations enhancing the clarity of the results.

This bibliometric analysis employed a systematic and structured approach guided by the Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses (PRISMA) framework (Page et al., 2021), which has been successfully applied in similar bibliometric studies to ensure transparency, reproducibility, and methodological rigor. The PRISMA framework comprises four critical stages – identification, screening, eligibility, and inclusion—each designed to systematically filter and refine the literature corpus to maintain explicit criteria for study selection.

The Dimensions database (Digital Science, London, UK) was selected as the primary bibliographic source for this study. Dimensions was chosen for its comprehensive coverage of global research outputs, including over 140 million publications spanning diverse disciplines, its superior full-text indexing capabilities that extend beyond titles and abstracts, and its robust metadata structure that facilitates bibliometric analysis (Hook et al., 2018). Unlike traditional databases, Dimensions provides extensive coverage of BRICS-affiliated research with reliable institutional affiliations and citation linkages, making it particularly suitable for international collaboration studies. The search strategy was developed through an iterative process to ensure both sensitivity and specificity. The final search query employed in Dimensions was: TS=(“BRICS” OR “BRICS Collaboration” OR “BRICS economic cooperation”). The topic search (TS) field tag was utilized to search across titles, abstracts, and keywords, maximizing retrieval of relevant documents. The search was executed in April, 2025, ensuring the inclusion of the most current research available at the time of data collection.

To ensure the relevance and quality of the literature corpus, explicit inclusion and exclusion criteria were established a priori in accordance with PRISMA guidelines. The inclusion criteria encompassed documents published between 2020 and 2024; peer-reviewed journal articles and conference proceedings; studies explicitly addressing BRICS collaboration, economic cooperation, or related themes; documents published in English language; and research from all subject areas and disciplines. The exclusion criteria included book chapters, editorials, and opinion pieces lacking empirical content; duplicate records identified through title and DOI matching; documents with incomplete metadata (missing author, title, or publication year information); non-English language publications; and documents published outside the specified timeframe. The five-year timeframe (2020–2024) was deliberately chosen to capture contemporary research trends in BRICS collaboration, particularly in the context of recent global economic transformations, the COVID-19 pandemic’s impact on international cooperation, and the evolving geopolitical landscape. The initial search in the Dimensions database yielded 500 documents from various countries and institutions. All retrieved records were systematically screened to identify and eliminate duplicate entries based on identical titles and DOI numbers. During this phase, records were screened by title and abstract to assess their relevance to BRICS collaboration themes. Following the initial screening, full-text assessments were conducted on potentially relevant documents to determine their eligibility based on the predefined inclusion and exclusion criteria. Documents that did not explicitly address BRICS collaboration or lacked sufficient methodological rigor were excluded at this stage. After completing the screening and eligibility assessments, 495 documents were deemed eligible for inclusion in the final bibliometric analysis. The

removal of five documents was attributed to duplication (n=3) and irrelevance to the core research theme (n=2).

Bibliographic data for all 495 included documents were exported from the Dimensions database in BibTeX format, which preserves complete metadata including authors, titles, publication years, source journals, abstracts, keywords, citations, institutional affiliations, and country information. The exported data underwent quality checks to identify and rectify any missing or inconsistent metadata fields. Institutional affiliations were standardized to account for name variations, and author names were verified to minimize disambiguation errors. The bibliometric analysis was conducted using the bibliometrix package (version 4.3.0) in R statistical software (version 4.3.2) and its graphical user interface, Biblioshiny (Aria & Cuccurullo, 2017). The bibliometrix package provides a comprehensive suite of tools for science mapping and bibliometric analysis, including performance analysis and network visualization capabilities.

The analysis encompassed multiple bibliometric dimensions including performance analysis, where descriptive statistics were computed to identify the most productive and influential authors, institutions, countries, and journals in BRICS collaboration research. Citation patterns were examined to identify the most influential publications and trace intellectual lineages within the field. Collaboration networks among authors, institutions, and countries were mapped to understand the social structure of BRICS research and identify key research clusters. Keyword co-occurrence networks were constructed to identify thematic clusters and research hotspots in BRICS collaboration literature, employing author keywords to capture both researcher-assigned and algorithmically-derived themes. Publication trends over the five-year period were examined to understand the evolution of research activity

and identify emerging topics in BRICS collaboration. Visualization maps and networks were generated using both bibliometrix. All visualization parameters, including minimum occurrence thresholds, normalization methods, and layout algorithms, were documented to ensure reproducibility.

Results and Discussion

To thoroughly evaluate the quality and completeness of metadata within the dataset, a detailed analysis of missing values across various metadata fields was performed. The results reveal a heterogeneous pattern of completeness, where some key fields are excellently documented while others suffer from extensive data gaps. Specifically, the fields pertaining to Document Type, Publication Year, Title, and Total Citation are entirely complete, with zero missing values, reflecting a high standard of data quality. Similarly, the core bibliographic element for DOI is also fully represented. Fields such as Abstract, Affiliation, Author, and Journal maintain relatively low missing percentages, each under 3%. This manageable level of missingness ensures that the dataset retains critical functionality for most bibliometric investigations, such as tracking publication trends, affiliations, and author productivity.

However, the analysis exposes significant shortcomings in other metadata areas. Most notably, over a quarter of records lack corresponding author information – 26.46% of entries have this field missing. This lapse restricts the ability to communicate directly with contributing authors and limits effective author contribution tracking, which is important for collaborative and network analyses in bibliometric research. The situation is more severe for Keywords and Keywords Plus, where approximately 88% of data is absent for both fields. Such a high rate of missingness severely impairs the discoverability and thematic categorization of research

articles, undermining efforts to identify emerging topics or conduct keyword-based analyses.

The most acute deficiencies are found in the Cited References, Language, and Science Categories fields, which are completely absent from the dataset, showing 100% missing values. The total lack of cited references constitutes a critical barrier for citation analysis and the construction of citation networks, which are essential for assessing scholarly impact and mapping the intellectual structure of a research domain. In parallel, the absence of language and subject category information hinders any attempts at disciplinary mapping and linguistic analysis, further reducing the scope of potential insights that can be drawn from the data.

In summary, while essential core bibliographic elements such as document type and title are robustly documented, the dataset exhibits critical deficiencies in reference tracking, language specification, and subject categorization. These limitations must be addressed in future data collection efforts to enhance the reliability, usability, and analytical potential of the dataset in bibliometric research and scholarly assessment.

Annual Scientific Production

The provided image (Figure 2) depicts the annual scientific production for BRICS-related research articles over the years 2020 to 2024. This line graph visually represents the dynamic changes in research output as indexed within the studied bibliometric dataset. Starting from the year 2020, the graph shows a moderate level of scientific production, with approximately 70 articles published during this period. This initial figure suggests a foundational interest in BRICS as an interdisciplinary research theme, likely influenced by global trends in economic growth and sustainable development among these emerging countries. Progressing to the subsequent years, there is a notable and consistent increase in scholarly activity. By 2021, there is a modest uptick, which becomes pronounced in 2022 and 2023. The number of published articles rises steadily, reaching nearly 100 publications in 2022 and climbing to a peak of over 125 articles in 2023. This upward movement in the data clearly indicates an expanding engagement in BRICS-related scientific discourse, high-

Metadata	Description	Missing Counts		Missing %	Status
		Count	%		
DI	DOI	0	0.00	Excellent	
DT	Document Type	0	0.00	Excellent	
PY	Publication Year	0	0.00	Excellent	
TI	Title	0	0.00	Excellent	
TC	Total Citation	0	0.00	Excellent	
AB	Abstract	7	1.41	Good	
C1	Affiliation	13	2.63	Good	
AU	Author	13	2.63	Good	
SO	Journal	14	2.83	Good	
RP	Corresponding Author	131	26.46	Poor	
DE	Keywords	434	87.68	Critical	
ID	Keywords Plus	434	87.68	Critical	
CR	Cited References	495	100.00	Completely missing	
LA	Language	495	100.00	Completely missing	
WC	Science Categories	495	100.00	Completely missing	

Figure 1: Result after Initial Screening⁸

⁸ All figures have been created by the authors.

lighting both the growing relevance of these countries in global economics and the intensification of research surrounding their contributions to sustainability and development. Such growth is often attributed to heightened international collaboration, policy-driven research incentives, and increased funding opportunities, as is commonly discussed in bibliometric analyses.

The robust increase in annual scientific production up to 2023 demonstrates a period of sustained scholarly attention and diversification of research topics. It reflects the establishment of new research clusters, the entrance of multiple institutions into BRICS studies, and likely an expanded array of disciplines involved in the conversation. During these years, researchers may have explored diverse themes including climate change, technology transfer, economic innovation, and public health within the BRICS framework. Contrastingly, the graph shows a sharp and unexpected decline in the number of articles published for the year 2024, where output drops precipitously to fewer than 25 articles. This dramatic downturn could superficially suggest a contraction in BRICS research, but it is more plausibly explained by

limitations in the bibliometric data itself. As noted in the accompanying document, such a decline is likely an artifact resulting from ongoing delays in indexing, incomplete data retrieval, or lags in the publication and curation processes typical for the most recent year in any bibliometric database. Therefore, this steep decline in 2024 should not be interpreted as a genuine reduction in scientific activity, but rather as a reflection of current limitations in data collection and database updating frequencies.

In the broader context of academic analysis and research planning, this figure emphasizes the importance of recognizing data completeness and the temporality of bibliometric datasets. Researchers and policymakers relying on such data must be cautious when evaluating trends close to the current date, always considering the possible under-representation of recent output. The graph also reinforces the need for continuous database maintenance and enhancement to ensure that annual scientific production metrics remain accurate and representative of actual research trends. The figure not only documents the steady growth and sudden apparent decline of BRICS-related scientific

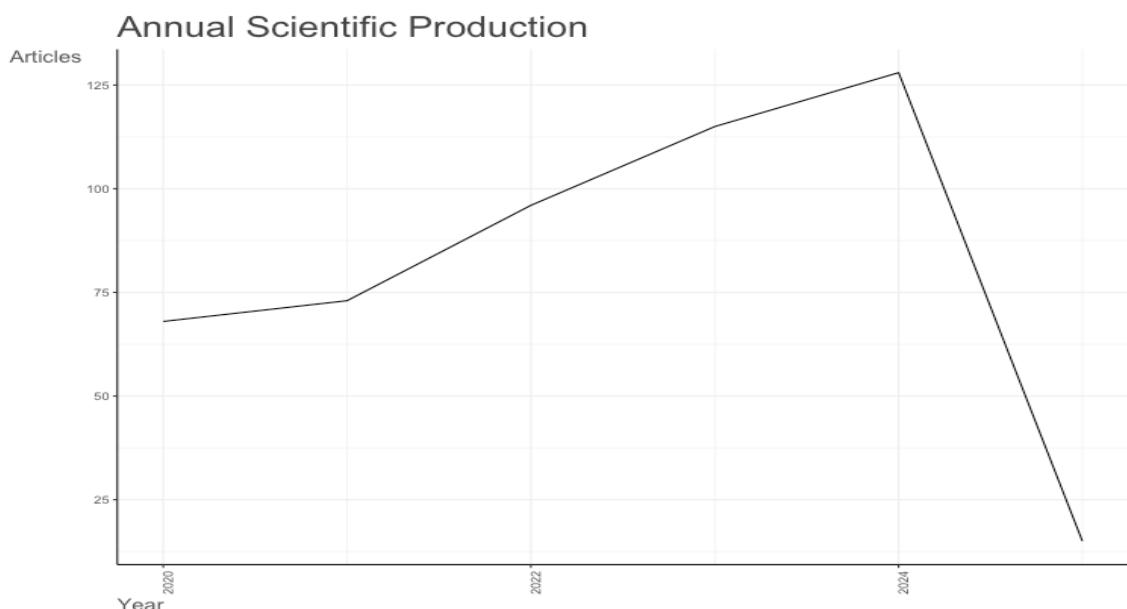

Figure 2: Annual Scientific Production

publications over a five-year period but also serves as a critical reminder of the nuances and technical challenges inherent in bibliometric research. It highlights the vibrancy and increasing scholarly interest in BRICS prior to 2024, and it underscores the urgent need for methodological rigor and comprehensive data coverage in future bibliometric analyses to support sound research assessment and scholarly communication.

The Figure 3 illustrates the distribution of the most relevant publication sources for BRICS-related research articles included in the analyzed bibliometric dataset. Displayed as a horizontal bar graph, the visualization ranks journals and sources according to the number of documents they contributed, providing valuable insights into the core publication venues shaping the scholarly conversation around economics and sustainable development in BRICS nations. The most prominent journal by a significant margin is "Environmental Science and Pollution Research," which stands out as the lead-

ing source with 42 published articles. This dominance indicates the central role of environmental issues, pollution, and sustainability within the broader BRICS research field. Following this, "Resources Policy" and "Sustainability" are also major contributors, publishing 23 and 20 papers respectively. Their inclusion highlights a strong focus on resource management, sustainability practices, and policy-driven research that aligns closely with the ongoing global emphasis on sustainable development goals.

Other notable sources include "PLOS ONE," which is known for its wide disciplinary coverage and open-access model, and contributed 8 documents to the dataset. "Environment, Development and Sustainability" and "Technological Forecasting and Social Change" contributed 7 articles each, signaling the importance of interdisciplinary approaches and technological innovation in addressing BRICS-related challenges. Several additional journals each contributed between 4 and 7 articles, such as "Heliyon,"

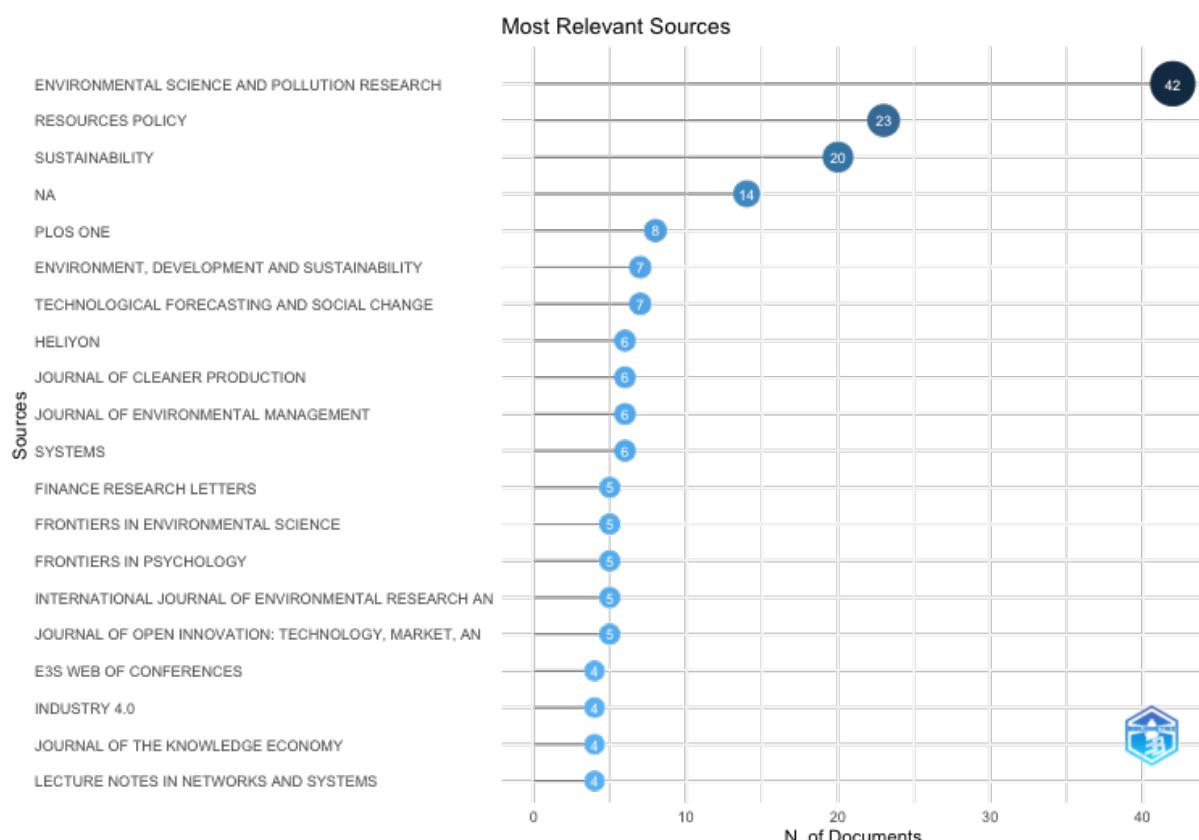

Figure 3: Relevant Sources

“Journal of Cleaner Production,” “Journal of Environmental Management,” and “Systems.” These sources further elaborate the multidimensional nature of BRICS research, covering topics from clean production technologies and environmental management to systematic approaches for sustainability. A significant category labeled “NA” with 14 articles appears in the visualization, denoting records lacking assigned journal metadata. The presence of this group reflects the incompleteness in the dataset’s metadata, as previously discussed, and it underscores the importance of thorough data curation for accurate bibliometric mapping.

Lower down the ranking, the graph lists additional sources including “Finance Research Letters,” “Frontiers in Environmental Science,” “Frontiers in Psychology,” and several others, each contributing 4 or 5 papers. Their representation accentuates the diversity of disciplines intersecting with the central BRICS research agenda, touching upon finance, environmental

sciences, psychological perspectives, and innovation management. Collectively, the graph demonstrates a clear hierarchy of publication venues, revealing which journals are most influential and widely chosen for disseminating findings related to BRICS nations. The pronounced skew toward environmental and sustainability journals aligns with global scholarly trends addressing climate change, resource policy, and sustainable growth. At the same time, the inclusion of interdisciplinary and policy-centered outlets reflects the complex, multifaceted nature of research required to address the challenges and opportunities posed by BRICS countries. This visualization not only maps the intellectual structure and dissemination patterns of BRICS research but also serves as a guide for scholars and practitioners seeking to understand or contribute to this growing field. It underscores the centrality of environmental and policy research while highlighting the need for improved metadata

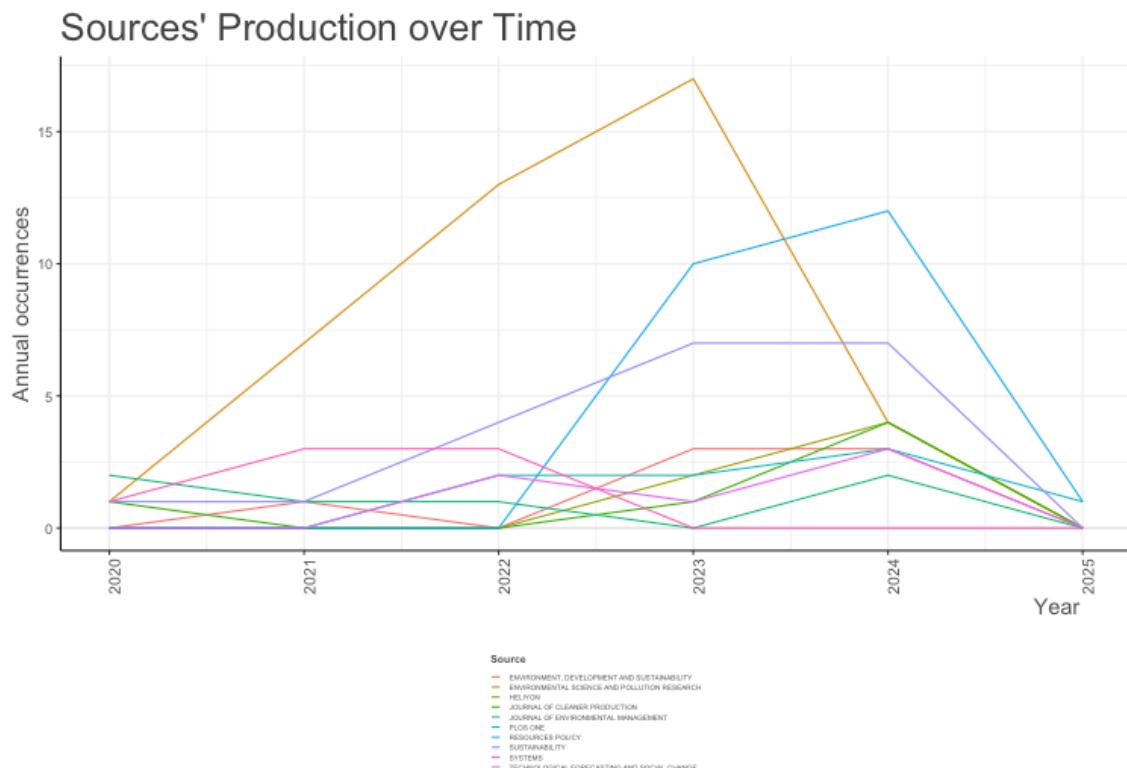

Figure 4: Top Sources Production over time.

coverage in future bibliometric work to ensure even greater accuracy and representativeness.

The Figure 4 presents a detailed line graph showcasing the annual production of key publication sources within the BRICS research landscape over the timeframe from 2020 to 2025. Each colored line represents a different journal, allowing for a comparative analysis of how the output from various sources has evolved over time in response to changing research priorities, emerging trends, and fluctuations in scholarly activity. A closer examination reveals that "Environmental Science and Pollution Research" emerged as the most consistently productive source, with its annual article count rising significantly from 2020, peaking around 2023, and then experiencing a sharp decline by 2025. This trajectory mirrors the overall pattern observed in annual scientific production and substantiates the central role this journal plays in disseminating content related to environmental issues, pollution, and sustainability within the BRICS context. Other journals such as "Sustainability," "Resources Policy," and "Environment,

Development and Sustainability" also show notable upward trends, though their peaks are slightly lower and their growth patterns more varied. These sources were particularly robust in the years leading up to 2024, reflecting increased scholarly engagement with resource management, sustainable development, and policy-focused research among BRICS nations. The rise in output from these journals highlights periods of intensified interest in economic innovation and technological progress aligned with global and regional sustainability goals. "Journal of Cleaner Production," "Journal of Environmental Management," and "Technological Forecasting and Social Change" display moderate levels of annual occurrences, suggesting that while these journals play supportive roles in the scholarly communication of BRICS-related topics, their influence is less pronounced than the leading sources. The lines representing these journals indicate interannual variability, with occasional surges potentially related to landmark publications, special issues, or international research initiatives that drove up article counts in select years.

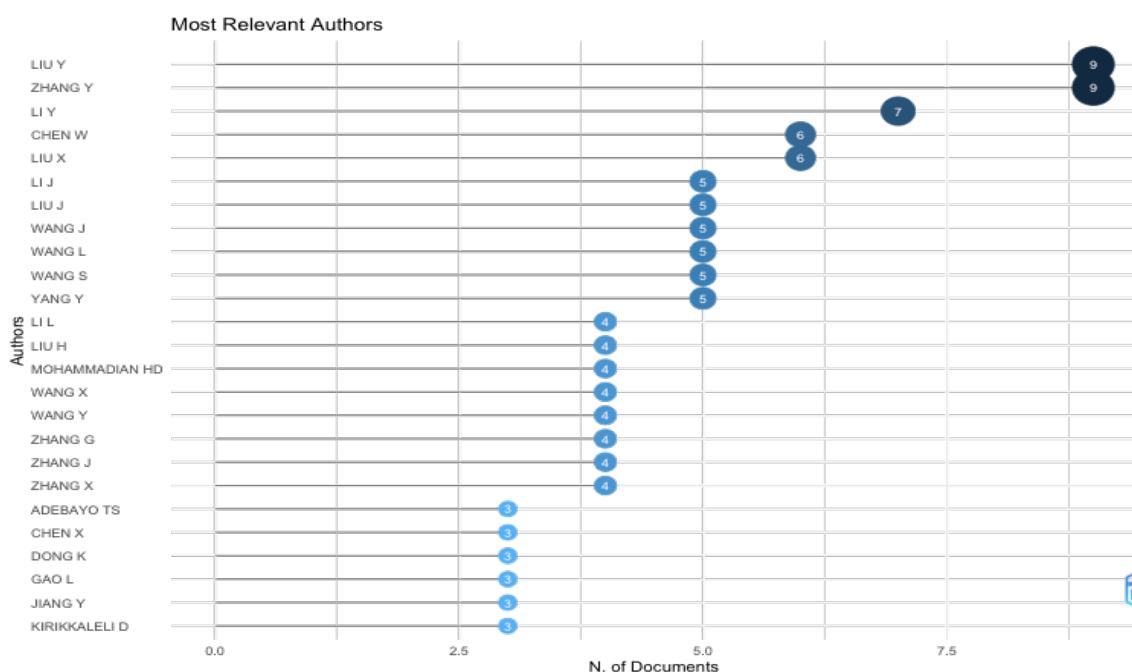

Figure 5: Most relevant Authors

Importantly, the graph also highlights a noticeable drop-off for nearly all journals in 2025, which can be attributed to the same limitations in data completeness affecting recent publication years across the dataset. This abrupt reduction is unlikely to reflect a true cessation of research activity; rather, it is indicative of a lag in indexing or incomplete database updates for the most current year. This observation is consistent with the findings in the document, which emphasize the need for caution when analyzing and interpreting trends based on very recent data. The comparative nature of the graph provides valuable strategic insights, revealing which journals have been most responsive to shifts in research focus and which ones serve as reliable outlets for the dissemination of BRICS-related scholarship. Such visualizations are crucial for bibliometric analyses, as they not only document the historical output of major sources but also help researchers, institutions, and policymakers identify target journals for future submissions, collaborations, and literature reviews. The line graph offers a nuanced depiction of shifting journal productivity, underlining periods of rapid scholarly expansion, highlighting key sources driving research visibility, and identifying technical barriers to real-time bibliometric assessment. The visual trends affirm the dominant role of environmental and sustainability journals, capture the dynamism of the research environment, and reinforce the need for ongoing improvements in data curation and coverage to track scholarly output with maximal accuracy and relevance.

The figure 5 displays a ranked visualization of the most relevant authors in the domain of BRICS-related research, as identified in the bibliometric study. Each author is represented by a horizontal bar indicating the number of documents they contributed to the dataset, offering a clear overview of individual research productivity and influence within the field. At the top of the

ranking, LIU Y and ZHANG Y share the distinction of being the most prolific authors, each contributing nine articles. Their substantial presence signifies their leading roles and sustained scholarly engagement, likely influencing critical discussions and setting research agendas for BRICS topics in economics, sustainable development, and related domains. ZHANG Y is followed closely by L IY, who accounts for seven publications, further emphasizing the importance of core contributors in driving research outputs and shaping thematic trends. Continuing down the ranking, several authors—including CHEN W, LIU X, and LIU J—each contributed six documents, highlighting a secondary tier of high-productivity researchers whose work has also significantly impacted the field. The group of authors with five publications, notably including WANG J, WANG L, WANG S, and YANG Y, represents another influential subset maintaining a consistent output and potentially collaborating across major projects or international research initiatives.

The distribution gradually tapers with authors producing four documents, such as LI L, LIU H, MOHAMMADIAN HD, and others. This layer includes both recurring contributors and specialists whose work, while slightly less frequent, still contributes noteworthy insights to the scientific discourse surrounding BRICS countries. At the lower end of the ranked chart, authors like ADEBAYO TS, CHEN X, DONG K, GAO L, JIANG Y, and KIRIKKALELI D each contributed three documents, underscoring the broader reach and collaborative nature of research in this domain. Several key trends emerge from this visualization. The prominence of common Chinese surnames such as LIU, ZHANG, WANG, and CHEN reveals the predominance of Chinese researchers within the dataset, aligning with findings from the broader document that China leads both in total scientific production and citation per-

formance. The recurring appearance of certain surnames further suggests institutional collaboration or research groups operating with multiple members contributing to the published literature.

This author ranking not only highlights individual scientific productivity but also provides guidance for identifying thought leaders, key opinion makers, and prospective collaborators in BRICS-related studies. The visibility of these authors is particularly relevant for new researchers seeking mentorship, partnership, or insight into ongoing research trends. Additionally, such metrics can inform journal editors, conference organizers, and funding agencies about influential scholars to engage for reviews, expert panels, and research evaluation exercises. The image reflects an uneven but highly productive author landscape in the BRICS research field, dominated by a handful of prolific contributors but supported by a diverse range of active researchers. This distribution corresponds with established bibliometric

patterns such as Lotka's Law, which posits that most authors contribute only a few publications, while a small core group drives the majority of output. Recognizing these patterns is essential for understanding the intellectual structure, collaboration dynamics, and leadership within the evolving BRICS research ecosystem.

The figure 6 illustrates the temporal patterns of scientific production among the most relevant authors in BRICS-related research, providing both a cross-sectional and longitudinal view of their contributions from 2020 to 2024. Each row represents an individual author, and the size of each bubble corresponds to the number of articles published in a particular year (with larger bubbles indicating greater output), while the shade reflects total citations per year (TC per Year), capturing not just productivity but also scholarly impact over time. A detailed examination of the image reveals notable trends in individual author productivity and the shifting nature of research contributions

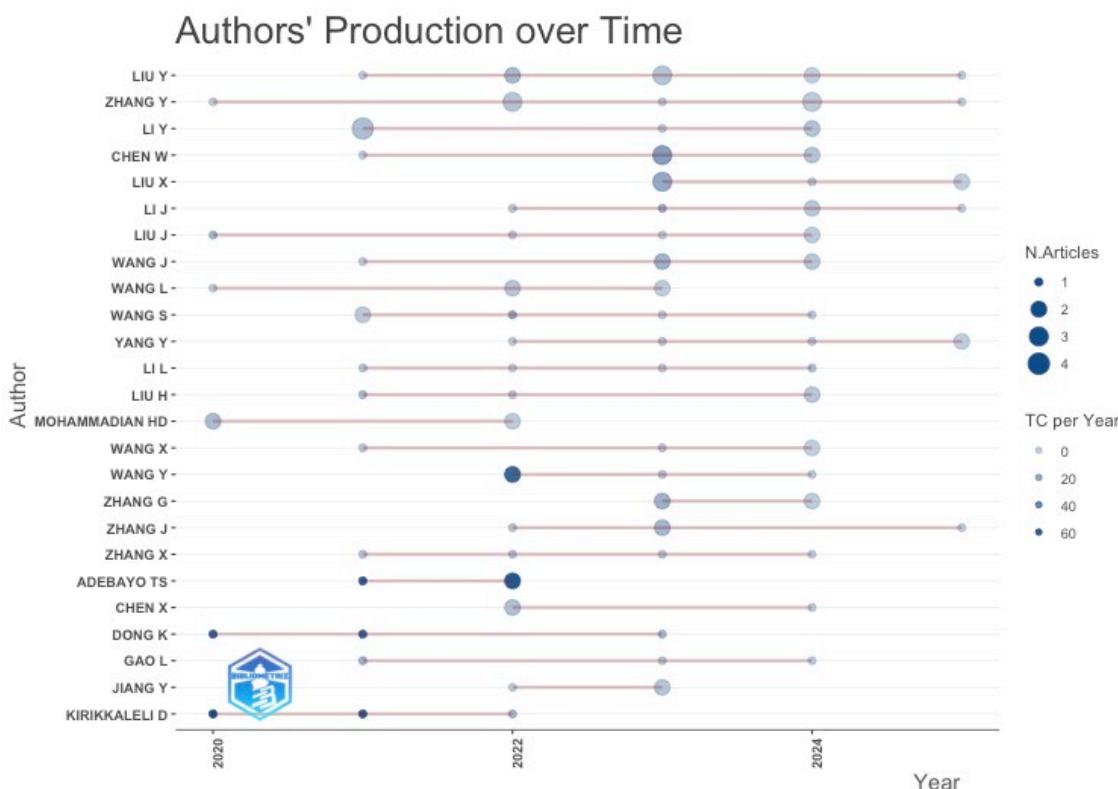

Figure 6: Authors Production Over Time

throughout the observed period. Authors such as LIU Y, ZHANG Y, and LI Y – who were previously highlighted as the most prolific contributors in the bibliometric dataset—are shown to have maintained consistently high outputs across several consecutive years. For instance, large, dark-colored bubbles distributed across multiple years indicate that these authors not only published regularly but also achieved substantial citation impact, reinforcing their leading influence in BRICS studies. Other productive researchers, including CHEN W, LIU X, and LIU J, display similarly sustained activity, reflected by persistent bubble presence across years and moderate to high citation rates. This demonstrates continued scholarly engagement and the ability to produce work that resonates with and is recognized by the academic community. In contrast, some authors are characterized by sporadic peaks – such as MOHAMMADIAN HD, WANG X, and ADEBAYO TS – whose output is concentrated in specific years, often accompanied by significant citation counts. These episodic surges may be linked to milestone papers, special collaborations, or timely engagement with hot topics relevant to the BRICS research landscape.

A recurring pattern throughout the chart is a general increase in production and citation activity in the years leading up to 2023, followed by a marked reduction or flatlining in 2024. This mirrors trends observed in both annual scientific output and journal-based analyses, and, as discussed in relation to dataset limitations, likely reflects ongoing lags in publication indexing for the most recent year rather than a sudden drop in research activity. The visual distribution of article counts and associated citations also showcases pronounced clustering around certain surnames, such as LIU, ZHANG, and WANG – common in China – underscoring the dominant contribution of Chinese scholars to the BRICS literature. The diversity of

author backgrounds, as evidenced by less frequent but still impactful contributors like ADEBAYO TS and KIRIKKALELI D, further emphasizes the global scope of collaboration and the reach of BRICS research beyond any single country.

By mapping both productivity and citation impact over time, this image offers critical insight not only into who the main contributors are, but when and how their work has gained influence. This information is invaluable for researchers tracking the evolution of major themes or searching for research partners with proven records of high impact. For those new to the field, it aids in identifying established leaders and emerging voices worth following or collaborating with. The visualization encapsulates the dynamic and evolving nature of BRICS research authorship. It lays bare not only the contributions of individual authors across years, but also the periodic surges, collaborative episodes, and scholarly recognition that collectively shape the intellectual trajectory of the field. The temporal mapping of authors' production thus serves as a strategic tool for understanding, navigating, and contributing to the ongoing dialogue in international BRICS scholarship.

The figure 7 provides a comprehensive overview of the local impact of the most relevant authors in BRICS research, as measured by total citations (TC index). Each bar represents an individual author's aggregate citation count, illustrating the wide variance of scholarly influence and recognition across the research landscape. At the pinnacle of the chart stands KIRIKKALELI D, whose work has received an outstanding 766 citations. This figure marks KIRIKKALELI D as a leading authority, demonstrating their substantial scholarly impact and centrality within the BRICS research field. Following close behind are DONG K and DONG X, with 671 and 639 citations respectively. Their remarkable citation counts reflect not only consist-

ent publication output but also the enduring relevance and high quality of their contributions to BRICS-related topics.

The next tier of impactful scholars includes ADEBAYO TS at 556 citations, WANG Z at 421, and JI X at 407, each further validating their significance and active engagement in advancing key debates in sustainable development, economics, and policy studies across the BRICS nations. These authors represent well-established voices whose research has influenced peers and shaped the trajectory of the discipline. Mid-ranked on the chart, authors such as UMAR M, XU Q, GHADGE A, GOSWAMI M, KARA ME, and MORADLOU H have accumulated citations ranging from 382 to 407. This level of recognition signifies sustained scholarly productivity and suggests these researchers frequently address topical issues that attract ongoing interest and citation from the academic community. Moving further down, contributors such as DWIVEDI YK, KUMAR R, SINGH RK, CHENG C, and REN X have

accrued between 352 and 361 citations, highlighting their important but perhaps more focused contributions. These scholars likely specialize in particular themes within the broader spectrum of BRICS research, ensuring their work remains relevant within dedicated networks or subfields.

The chart's lower end is populated by authors such as CHEN S, AHMED Z, KIHOMBO S, RAZZAQ A, SHAHBAZ M, ZHAO J, ZHANG C, and WANG Y, with total citation counts ranging from 287 to 335. While these citation figures are more modest relative to the leaders, they still reflect tangible resonance and engagement, contributing meaningfully to the ongoing development of BRICS research scholarship. Several notable trends can be identified in this visualization. The diversity in author surnames confirms the international scope of BRICS research, with contributors from various countries making meaningful impacts. The steep gradient among citation counts indicates that a few authors have disproportionately shaped

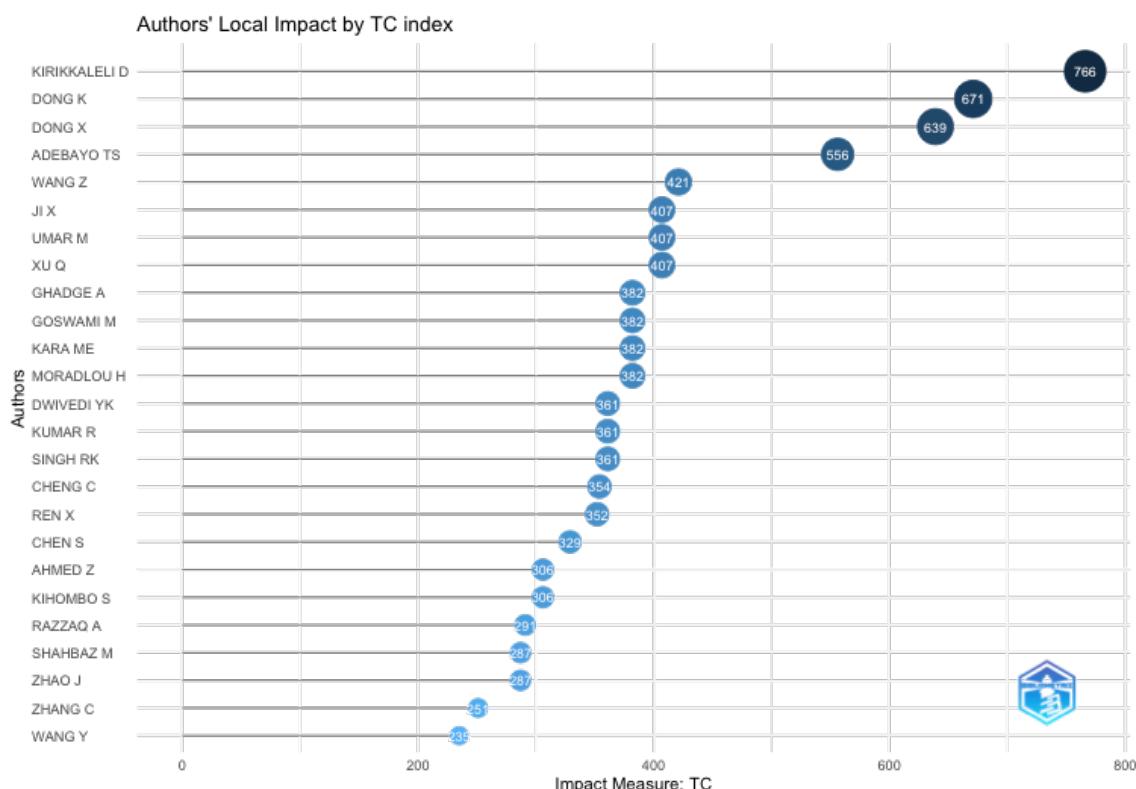

Figure 7: Authors' Impact by TC Index

the research conversation through landmark work that attracts wide citation, whereas the majority contribute incrementally to the field's knowledge base—a phenomenon consistent with bibliometric principles such as Lotka's Law.

For research practitioners, the image acts as an essential tool for identifying top influencers and benchmark contributors. It is particularly useful for those seeking collaboration, mentorship, or expert guidance, as well as for funding bodies and journal editors who wish to connect with high-impact scholars. The metrics of citation impact complement publication counts, presenting a more nuanced understanding of scholarly influence. The figure encapsulates the varied levels of academic impact within the BRICS research community, highlighting both established leaders and valuable contributors whose influence extends across multiple dimensions of the literature. The visualization is a testament to the intellectual vibrancy and competitive excellence that characterizes the leading edge of research in econom-

ics, sustainability, and development among BRICS nations.

The figure 8 presents a ranked bar chart of the most relevant institutional affiliations in BRICS-related research, as identified in the bibliometric dataset. Each entry to the left is an academic institution or research center, and the corresponding horizontal bar quantifies its contribution through the number of published articles, offering insight into the institutional backbone shaping scholarly output in this domain. At the top of the ranking is the School of Economics at Ocean University of China, leading with a remarkable 29 articles, underscoring its pivotal role and influence in BRICS-focused economic research. This preeminent position highlights the significance of Chinese institutions within the global research landscape, in line with previous findings showing China's dominance in both authorship and citation performance.

Several institutions share secondary prominence, each contributing 6 or 7 articles to the dataset. These include the Centre for

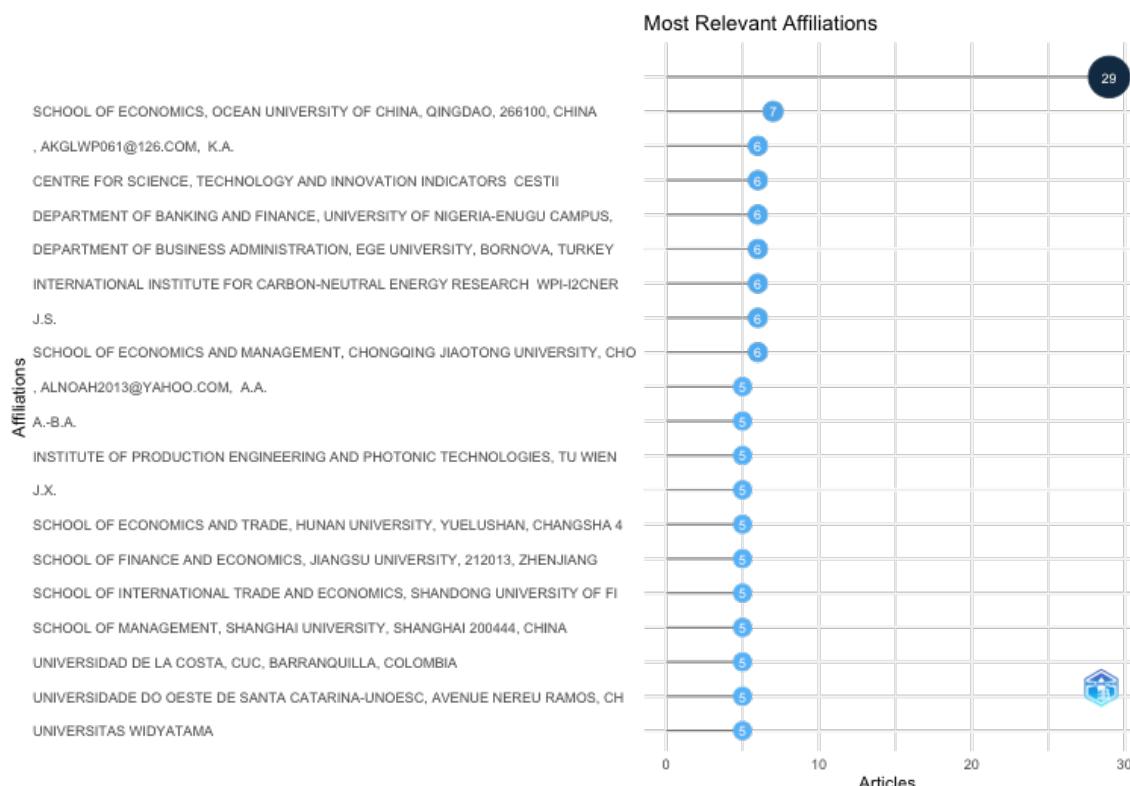

Figure 8: Top Relevant Affiliations

Science, Technology and Innovation Indicators (CSTII), the Department of Banking and Finance at University of Nigeria-Enugu Campus, the Department of Business Administration at EGE University in Turkey, and the International Institute for Carbon-Neutral Energy Research (WPI-I2CNER). Their similar output levels reflect a broad international reach, with major contributions emerging not only from China but also Nigeria, Turkey, and international collaborative centers, confirming the multidisciplinary and cross-border nature of BRICS research. Other key affiliates include the School of Economics and Management at Chongqing Jiaotong University and the Institute of Production Engineering and Photonic Technologies at TU Wien, each publishing 5 or 6 articles. Additionally, schools specializing in finance, economics, business, and trade from prominent Chinese universities – Hunan, Jiangsu, Shandong, and Shanghai—contribute consistently to the literature, further evidencing China's deep involvement in the academic study of BRICS issues.

Outside Asia, the presence of Universidad de la Costa in Colombia, Universidade do Oeste de Santa Catarina in Brazil, and Universitas Widyatama in Indonesia broadens the institutional diversity captured in the dataset. These institutions, while contributing a slightly smaller number of articles (typically 5 each), add valuable perspectives from South America and Southeast Asia, reinforcing the global reach and interdisciplinary appeal of BRICS research. This chart provides a strategic perspective for academics, policymakers, and funding agencies seeking to identify centers of excellence and potential partners for future collaboration in BRICS-related inquiry. High-output institutions often serve as intellectual hubs, driving further research, attracting talent, and disseminating new knowledge across disciplines and borders. The visualization showcases the institutional landscape that supports and drives BRICS research. It highlights the centrality of Chinese universities and international research institutes, while also reflecting notable contributions from di-

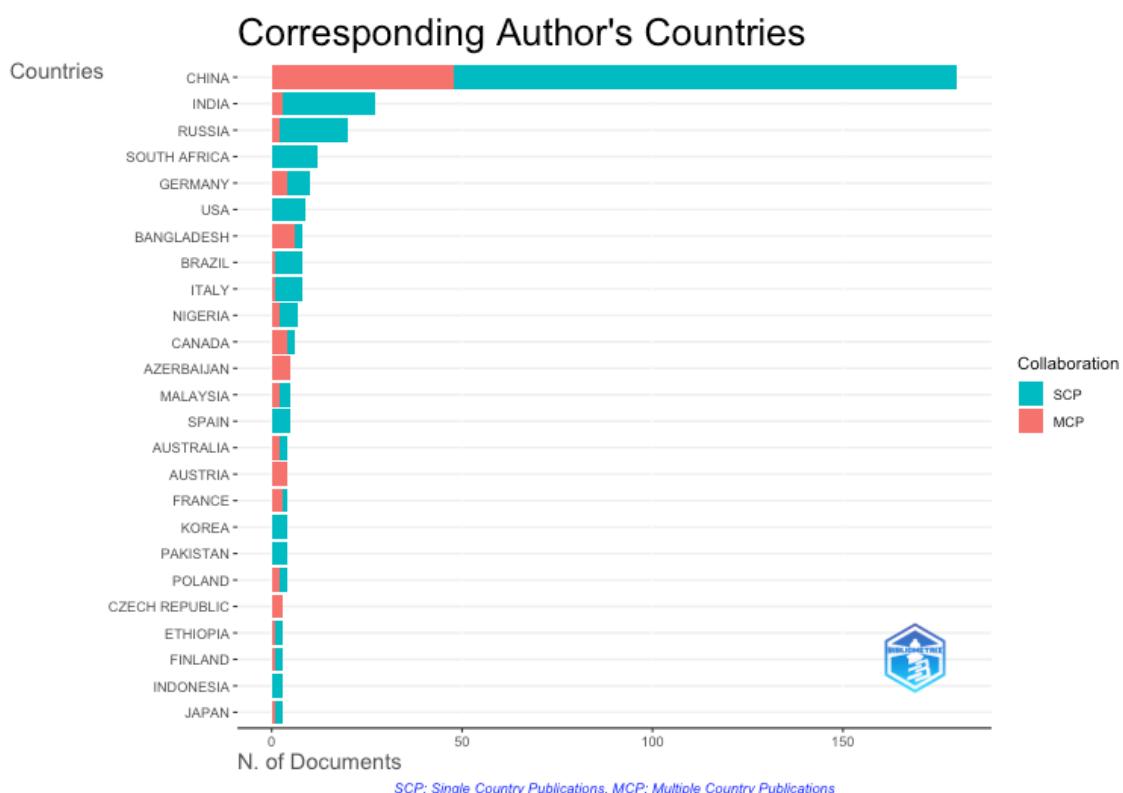

Figure 9: Authors Countries

verse global regions. The presence of such a breadth of active affiliations points to robust ongoing engagement and signals ample opportunities for future international partnerships, interdisciplinary studies, and global knowledge exchange in the pursuit of sustainable development and economic innovation among BRICS and related regions.

The figure 9 presents a comprehensive bar chart displaying the distribution of corresponding authors' countries in BRICS-related research, with a focus on the type of collaboration underpinning each publication. The countries are listed along the vertical axis, while the bars represent the number of documents attributed to corresponding authors from each nation. Notably, the bars are color-coded to distinguish between Single Country Publications (SCP), in which all authors are from the same country, and Multiple Country Publications (MCP), which feature international collaboration. China overwhelmingly leads the field, with a substantially higher number of corresponding authors than any other country. The vast majority of Chinese publications are classified as SCPs, indicating a strong propensity for intra-national collaboration and a dense

domestic research network. Nevertheless, there is also a visible segment of MCPs, reflecting China's participation in globally collaborative projects, though these form a smaller proportion compared to domestic efforts. India and Russia follow as the next most prolific countries, albeit with significantly fewer publications than China. Both countries exhibit a similar pattern: most papers are domestically authored, yet a notable fraction involves international collaboration. This highlights the strategic role of BRICS nations as both hubs for national research agendas and active participants in the global scholarly community. South Africa, Germany, and the United States also contribute meaningfully to the body of research but are positioned another tier below the leaders. Their outputs include a balanced mix of SCPs and MCPs, suggesting these countries are positioned as both independent centers of scholarship and bridges to broader, multi-national projects.

A diverse range of additional countries—including Bangladesh, Brazil, Italy, Nigeria, Canada, and others—contribute smaller, yet still significant, numbers of corresponding authorships. These entries signal the global

Country Scientific Production

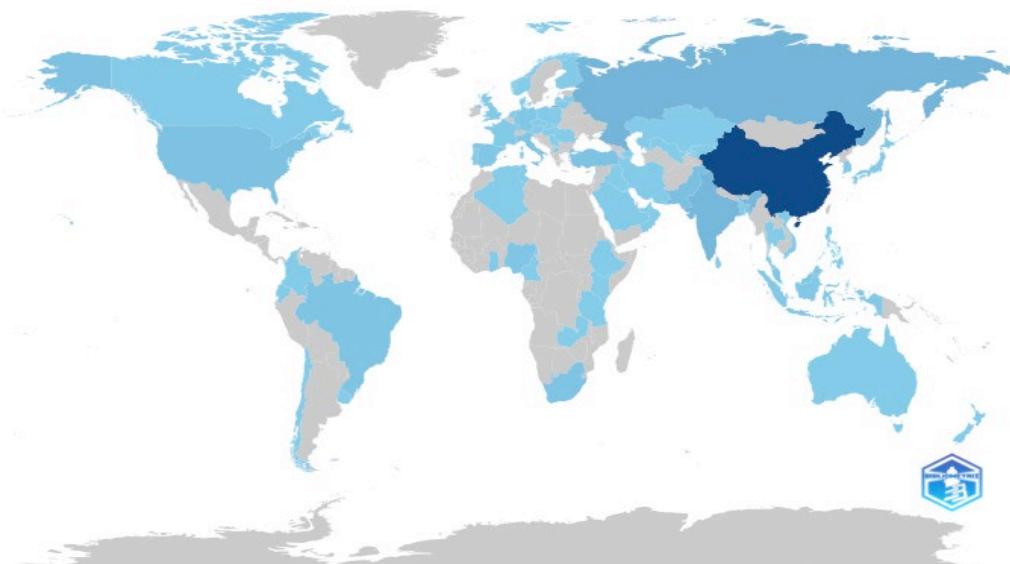

Figure 10: Country's Scientific Production

character of BRICS research and the spread of interest beyond the original member states, encompassing a broad coalition of academic communities. Lower down the chart, a long tail of countries – ranging from emerging economies such as Malaysia, Poland, and Ethiopia to developed nations like France, Japan, and Australia—are represented by a handful of publications, usually involving either local research teams or participation in multinational projects. The differentiation between SCP and MCP not only maps the distribution of academic leadership but also reveals patterns in research networking. The prevalence of SCPs in leading countries suggests robust domestic research infrastructure, while the presence of MCPs throughout the list points to an increasing openness to global partnerships. This visualization offers a panoramic view of the geographic distribution and collaborative context of corresponding authors in BRICS-related research. It underscores the dominant scientific output and leadership of China and, to a lesser extent, India and Russia, while highlighting the internationalization of BRICS research through both national and multinational partnerships. The image affirms the globally networked yet locally anchored nature of scholarship in this fast-growing arena, providing valuable strategic insights for researchers, institutions, and policymakers seeking to expand or analyze their international research collaborations.

The image depicts a world map highlighting country-level scientific production in BRICS-related research. The varying shades of blue represent different levels of output, with darker shades indicating higher scientific productivity. This visualization provides a global overview of which countries are the most active and influential contributors to the field, helping to contextualize the international landscape of BRICS scholarship. China stands out distinctly on the map, shaded in the darkest blue, signifying its po-

sition as the undisputed leader in terms of scientific production. This observation correlates with previous analyses showing China at the forefront of total publications, author productivity, institutional affiliations, and corresponding authorship. China's deep engagement reflects robust domestic research infrastructure, expansive networks of scholars, and strong policy and funding support for studies on economics, sustainable development, and interdisciplinary themes relevant to BRICS. Surrounding China, other BRICS nations such as Russia, India, South Africa, and Brazil are marked by moderately dark blue shades, evidencing substantial research activity but at a scale less than China's. These countries are pivotal drivers of research output in their regions, serving as focal points for economic, social, and environmental scholarship in both national and international contexts.

Beyond the BRICS countries, several nations in Europe, North America, and Latin America are also visibly produce BRICS-related research, as indicated by the lighter blue shading. Countries such as the United States, Germany, United Kingdom, France, and Canada are actively engaged in collaborative research, often contributing to multiple-country publications and forming critical bridgeheads in transnational research networks. Their inclusion reinforces the notion that BRICS research, while led by the member countries, has global resonance and attracts broad participation from the wider international research community. The map also highlights emerging contributions from countries in Africa, Southeast Asia, and Latin America, showing that BRICS-related research is increasingly characterized by inclusivity and global engagement. However, several regions appear in grey, indicating minimal or no representation in the dataset. This underlines existing disparities in global research output and draws attention to the need for capacity building and internation-

al cooperation in science. The visualization makes clear the centrality of China in scientific production, the complementary roles played by other BRICS members, and the growing importance of global collaborations. The map functions both as an analytical tool for researchers and a strategic reference for policymakers seeking to understand the geography of BRICS research, target new partnerships, or address imbalances in global knowledge exchange. It affirms that while BRICS nations are the hub of scientific productivity, the reach and influence of their research extends around the globe, continually reshaping the contours of international scholarship on economics, development, and sustainability.

The Figure 11 illustrates the trend in country-level scientific production over time for BRICS-related research, as represented by a line graph plotting the number of articles annually from 2020 onwards. The countries under comparison include China, India, Pakistan, Russia, and the United States, each denoted by differently colored lines for

clear visual distinction. Most conspicuously, China's line demonstrates a dramatic and sustained rise in research output. Beginning with a moderate count in 2020, China's production trajectory steeply ascends, surpassing all other countries by a substantial margin and reaching nearly 500 articles by 2024. This exponential growth is indicative of both strategic national investments in research infrastructure and a rapidly expanding community of scholars engaged in BRICS studies. China's performance reinforces its leadership position in driving the volume, diversity, and influence of academic output in economics, sustainable development, and interdisciplinary research. India, although second to China, shows a steady upward trend throughout the observed years. Its scientific production grows at a respectable rate but remains quantitatively distant from China, underscoring a robust but comparatively smaller research engine. This growth reflects India's increased focus on development, sustainability, and its active participation in the BRICS research ecosystem. Pakistan's curve,

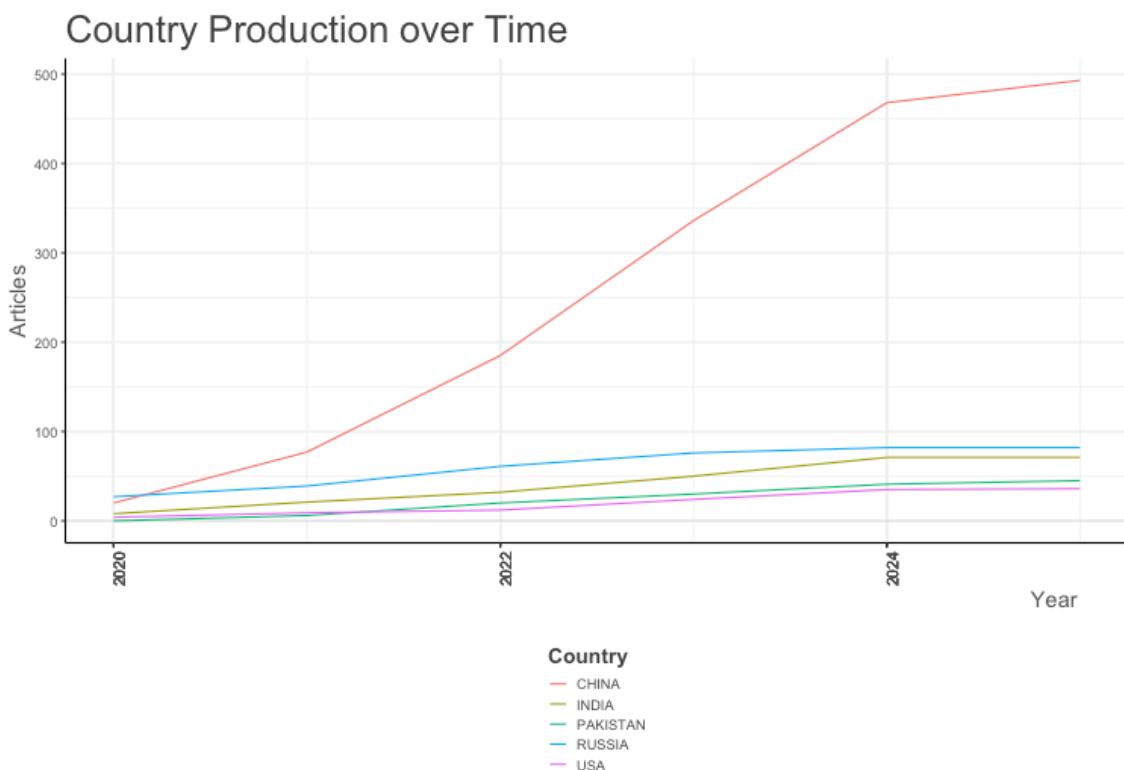

Figure 11: Country's Production Overtime

while less pronounced than China and India, reveals a positive and consistent trajectory, suggesting emerging momentum and growing engagement with BRICS-related issues. Russia's line rises steadily but at a slower rate, indicating continuous activity but less acceleration in output. The United States, though not a BRICS member, maintains a presence in the dataset, reflecting its role in international collaboration and contribution to global economic and development studies.

All countries depicted follow an upward trend, signaling increasing scholarly attention to BRICS themes across regions. However, the stark disparity in output, especially the gap between China and other countries, highlights imbalances in research productivity and capacity. This finding echoes previous visualizations and analyses, emphasizing the centrality of China and, to a lesser extent, major regional players in shaping the future and focus of BRICS scholarship. Collectively, the graph serves as an important analytical tool for understanding global

trends in scientific production, benchmarking national performance, and identifying leading contributors to key thematic areas. The sustained increase in articles across countries reflects the rising importance of BRICS in international research dialogues, while the divergence in growth rates points to opportunities for capacity building, partnership development, and strategic investment in less productive regions. The visualization provides an evolving snapshot of country-level contributions to BRICS research, situating China as the dominant force, India and Pakistan as emerging players, and other nations as important collaborators. It underscores the dynamic and competitive nature of global scientific output and sets the stage for further inquiry into the factors driving growth, innovation, and impact in this rapidly developing field.

The above image in Figure 12 presents a ranked horizontal bar chart illustrating the "Most Cited Countries" in the context of BRICS-related research, with citation counts

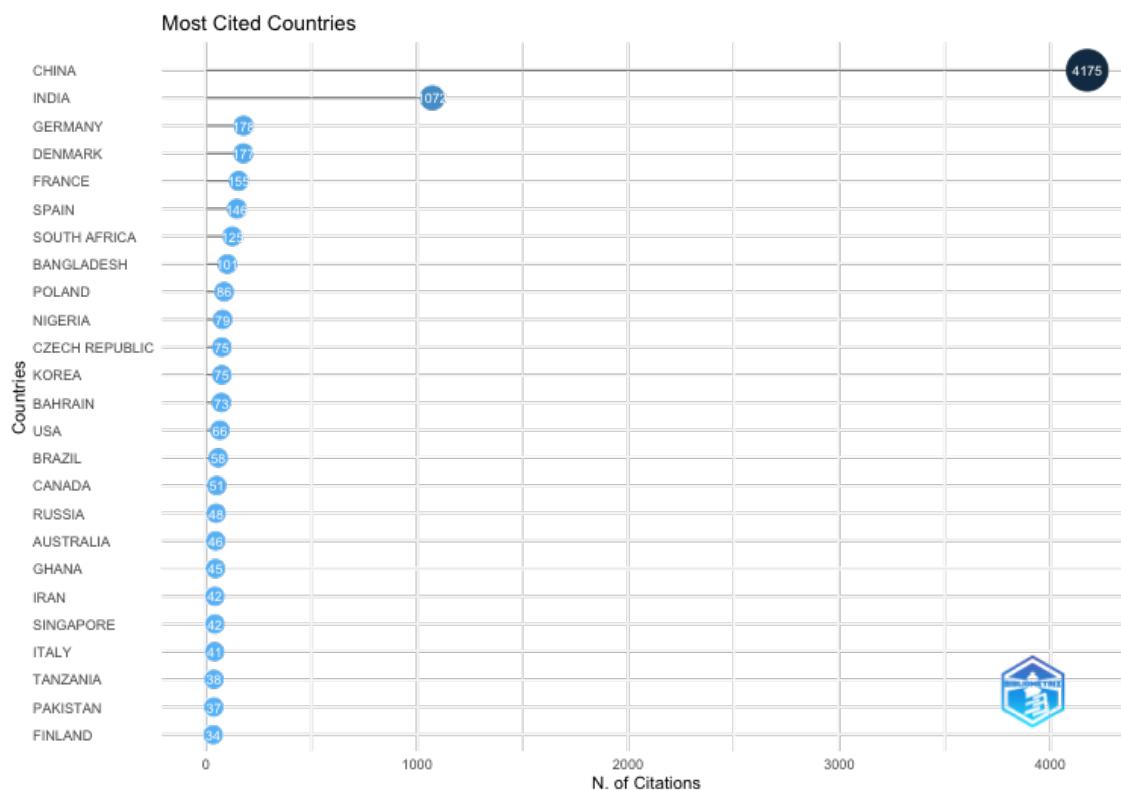

Figure 12: Country's Citation

serving as the primary metric of scholarly impact. Each country is listed on the y-axis, while the length of the bar, as well as the numerical annotation at its end, shows the total number of citations received by research attributed to that country. China dominates the landscape, with research originating from the country amassing an impressive 4,175 citations – an order of magnitude greater than any other nation. This overwhelming lead underscores the exceptional influence and scholarly visibility of Chinese research within the broader BRICS field, a trend already documented in various aspects of the bibliometric analysis, including publication volume, author productivity, and institutional output. It reflects not only the scale of China's research efforts but also the high citation rates achieved by its publications, solidifying the country's position at the core of global and regional academic networks. India is the next most cited country, but with a much lower citation count of 702, reflecting solid regional leadership but a significant disparity compared to China. This is

followed by Germany (176), Denmark (171), France (155), and Spain (145), all of which are non-BRICS nations but play key roles in collaborative research and bring high-impact contributions to interdisciplinary themes relevant to BRICS scholarship. Notably, South Africa – the only African BRICS member – receives 124 citations, while Brazil (58) and Russia (48) have relatively modest citation counts despite their foundational roles within the BRICS consortium.

The rest of the ranking includes countries from Europe (e.g., Poland, Czech Republic, Finland), Asia (Bangladesh, Korea, Iran, Singapore, Pakistan), Africa (Nigeria, Ghana, Tanzania), the Americas (USA, Canada), and beyond. These countries generally receive between 30 and 100 citations, reflecting their status as important but less central contributors to the overall BRICS research dialogue. The U.S. and several European countries' inclusion highlights the global collaborative fabric that characterizes this research field, where impactful studies often cross national boundaries. One notable pattern is the rela-

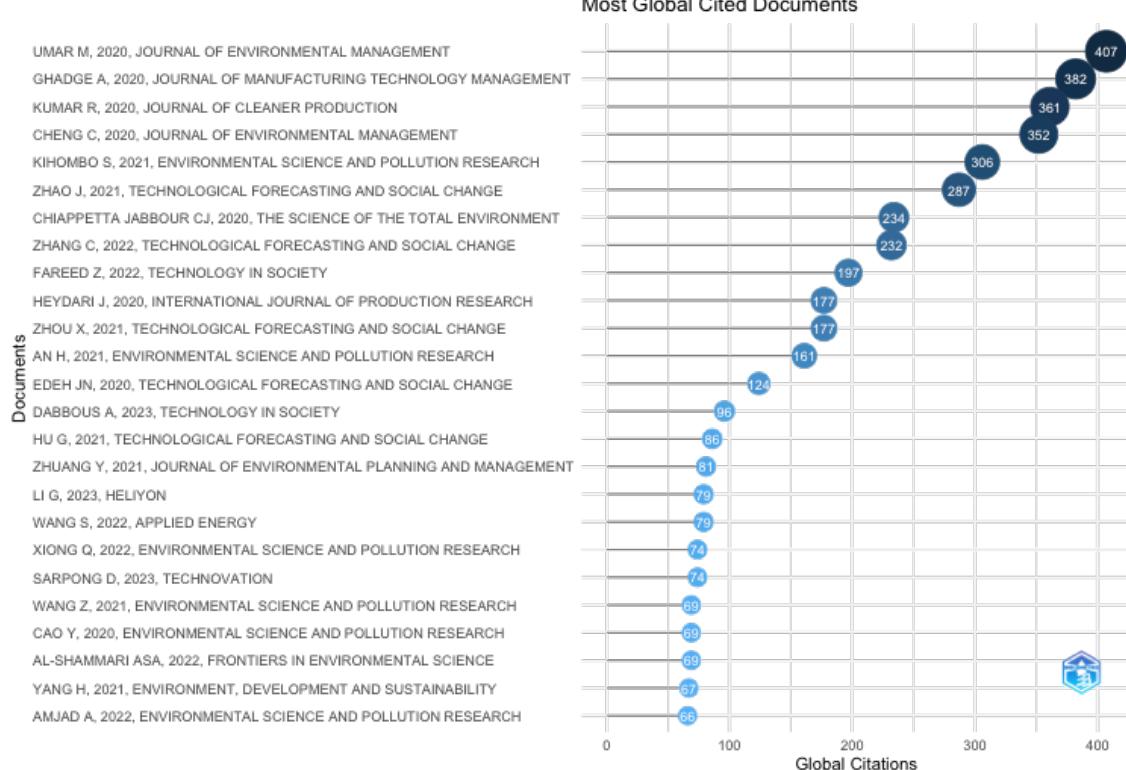

Figure 13: Most Cited Documents

tively wider geographic spread compared to authorship or publication charts, emphasizing that highly cited work in BRICS research frequently emerges from or is associated with international collaboration. The overall distribution also points to a classic bibliometric pattern where a few countries generate most of the impact, while a “long tail” of nations each contributes incremental yet valuable citations. For stakeholders in academia, research administration, and international policy, this visualization serves as a vital reference for benchmarking national citation performance, identifying impact leaders, and targeting potential international collaborators. It invites further inquiry into the underlying drivers of citation success—such as research funding, international partnerships, and publication strategies—that could help other countries elevate their own impact in BRICS-related research. The image crystallizes the profound dominance of China in citation impact, showcases India’s regional prominence, and highlights global engagement through the presence of numerous high-impact non-BRICS countries. It offers indispensable insight into the dynamics of scholarly recognition, knowledge dissemination, and the structure of influence within the evolving international landscape of BRICS research.

The Figure 13 presents a ranked bar chart of the “Most Global Cited Documents” in BRICS-related research, highlighting influential works which have made significant impact on the academic community through their cumulative citation counts. Each document is listed on the y-axis with the first author, publication year, and journal or proceeding, while the corresponding bar and annotation display its total number of global citations. At the top of the chart stands the paper by UMAR M (2020, *Journal of Environmental Management*), with an impressive 407 citations, followed closely by publications from GHADGE A (*Journal of Manufac-*

turing Technology Management, 382) and KUMAR R (*Journal of Cleaner Production*, 361). The prominence of these documents underscores their foundational roles in shaping scholarly discussions about environmental management, manufacturing technology, and cleaner production strategies, which are central themes in the BRICS context. Other highly cited works include those by CHENG C (*Journal of Environmental Management*, 352), KIHOMBO S (*Environmental Science and Pollution Research*, 306), and ZHAO J (*Technological Forecasting and Social Change*, 287), each representing impactful contributions to environmental science, technological advancement, and pollution research. These works extend the thematic diversity of top-cited research, demonstrating the complex interplay between sustainability, innovation, and policy embedded in BRICS discourse. The mid-section of the chart features papers by CHIAPPETTA JABBOUR CJ (*Science of the Total Environment*), ZHANG C, FAREED Z (*Technology in Society*), and HEYDARI J, which collectively span topics from environmental assessment to societal and technological change. The fact that multiple journals – such as *Technology in Society*, *International Journal of Production Research*, and *Technological Forecasting and Social Change*—appear repeatedly among the most cited documents highlights their strategic role as preferred publication outlets for high-impact research. Lower on the list, documents garnering between 79 and 161 citations still reflect considerable influence, with wide-ranging topics including applied energy, innovation management, clean technology, and sustainable development. For example, publications by LI G (*Helijon*), HU G (*Technological Forecasting and Social Change*), and AMJAD A (*Environmental Science and Pollution Research*) indicate continued scholarly attention and the integration of interdisciplinary perspectives into the BRICS research agenda. The

distribution of citations showcases a classic bibliometric pattern: a few landmark studies concentrate the majority of citations, while a broader base of research contributes incremental but meaningful impact. This demonstrates both the existence of seminal works that drive field-wide conversations and the healthy vibrancy of the research ecosystem, fostering continuous development and exchange of new knowledge.

For researchers and practitioners, this visualization acts as a guide to seminal literature and top-cited sources in the field, offering entry points for literature review, further investigation, and benchmarking of research quality. The presence of recurring journals among top-cited studies can help direct future research submissions and strategy for maximizing scholarly reach. The image powerfully reveals the leading documents according to global citation counts and frames the structure of influential research in BRICS studies, from environmental management to technological innovation.

These works serve as pillars of knowledge for ongoing and future research, shaping best practices, policy discussion, and interdisciplinary exploration in the dynamic sphere of economics, development, and sustainability across BRICS and beyond.

The figure 14 showcases a ranked bar chart of the “Most Relevant Words” – specifically, the top occurring Keywords Plus – within BRICS-related research documents. Each term is shown on the y-axis with its number of occurrences quantified on the x-axis, providing a vivid map of dominant thematic trends and conceptual priorities in the field. “Economic development” emerges as the most recurrent keyword, appearing 38 times and reflecting the centrality of economic growth and transformation within BRICS research. Directly following is “china” with 37 occurrences, underscoring both the geographical concentration and the strategic importance of China in driving research themes, author productivity, and overall scholarly influence. These top keywords ex-

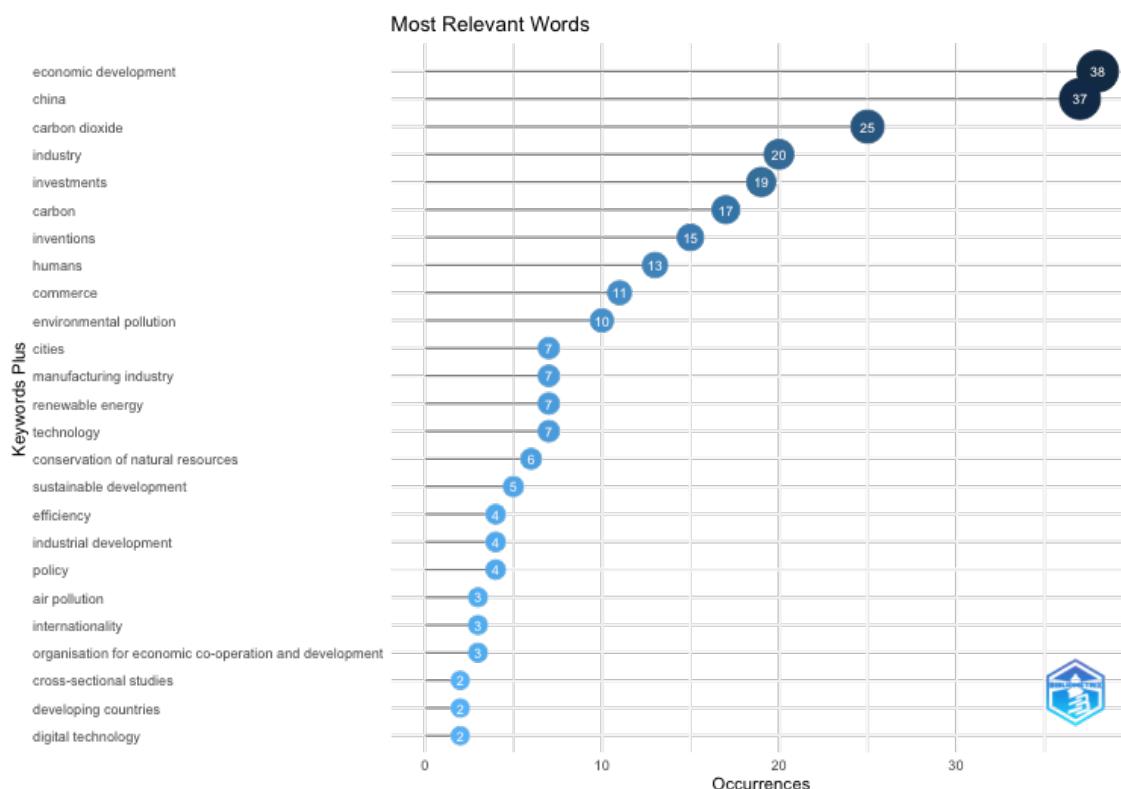

Figure 14: Keywords

emphasize the dual focus on region-specific and broader developmental issues. Environmental sustainability themes are heavily represented, with “carbon dioxide” (25), “carbon” (19), “environmental pollution” (10), and “air pollution” (3) among the leading keywords. Their prominence signals the widespread scholarly attention given to the intersection of BRICS development with climate change, pollution control, and ecological impacts. The frequent appearance of “renewable energy,” “technology,” “conservation of natural resources,” and “sustainable development” further illustrates the field’s prioritization of innovative solutions and future-ready strategies for sustainable progress. Industry-focused terms such as “industry” (20), “investments” (19), “manufacturing industry” (7), “commerce” (11), and “industrial development” (4) reflect the persistent relevance of economic modernization, sectoral transformation, and investment dynamics, vital for both research assessment and policy implication in BRICS countries. Human and societal dimensions also surface in keywords like “humans” (13), “cities” (7), and “developing countries” (2), suggesting growing research attention on demographic factors, urbanization, and the social consequences of developmental trajectories. Terms like “policy,” “efficiency,” “internationality,” and

“organisation for economic co-operation and development” highlight both the governance framework and the collaborative, cross-border aspects influencing BRICS scholarship. Less frequent but still relevant keywords—such as “digital technology,” “cross-sectional studies,” and “inventions”—point toward emerging research fronts and methodological diversity in the field.

This chart offers scholars, analysts, and policymakers a condensed view of the prevailing and emerging topics in BRICS research. It suggests areas of strength, highlights gaps for future study, and assists in targeting literature reviews, thematic explorations, and strategic research planning. The diversity and ranking of keywords illustrate the multidimensional character of BRICS studies, integrating economic, technological, environmental, social, and policy-driven strands. The visualization captures the core and peripheral themes animating BRICS-related scholarship, underlining research intensity around economic and environmental issues, the pivotal role of China and technology, and the increasing complexity of developmental challenges and opportunities facing member countries. It encapsulates the conceptual foundation for ongoing and future research, policymaking, and international collaboration in the dynamic field of BRICS studies.

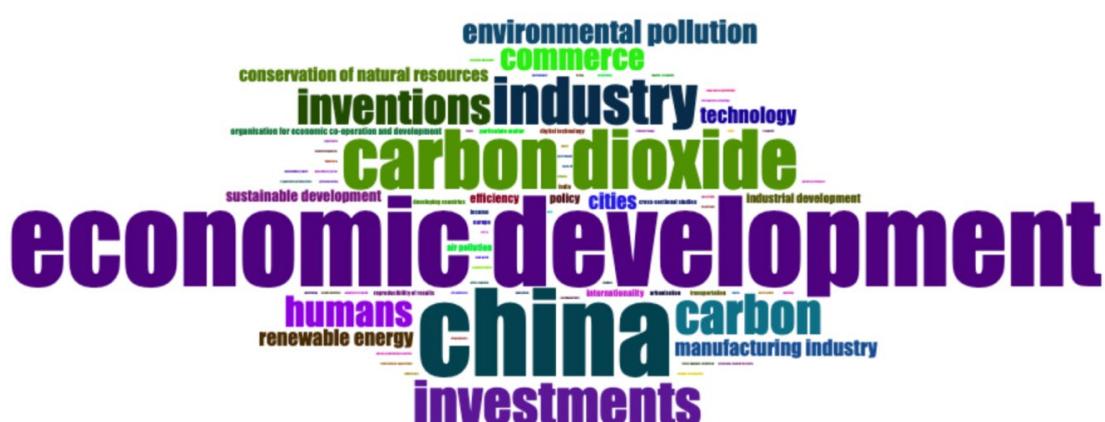

Figure 15: Keywords Word Cloud

The image in Figure 15 depicts a word cloud generated from the most relevant keywords found in BRICS-related research documents, visually encapsulating the thematic core and conceptual priorities of the field. In a word cloud, the size and prominence of each term reflect its frequency of occurrence; thus, the larger and bolder the word, the more central it is to the literature in question. Dominating the visualization is the phrase “economic development,” which appears in the largest, boldest type, signifying its established status as the central theme around which much of the scholarship is organized. “China” follows as another highly prominent keyword, reflecting the outsized role of Chinese research, leadership, and policy in driving both the quantity and direction of BRICS-related scholarship. Joining these two focal points are keywords such as “carbon dioxide,” “industry,” and “investments,” all rendered in large, eye-catching fonts. Their prominence signals a strong emphasis on environmental and industrial dimensions

of development, as well as the core financial and technological drivers underpinning economic transformation in BRICS and beyond. Other substantial keywords include “carbon,” “inventions,” “humans,” “commerce,” and “environmental pollution,” clearly indicating that the research agenda spans not only macro-level issues of policy, trade, and growth, but also micro-level concerns involving technology, human development, pollution, and health. Key environmental terms like “renewable energy,” “conservation of natural resources,” “air pollution,” and “sustainable development” appear throughout, reinforcing the global and interdisciplinary interest in ecological impacts, clean energy, and resource efficiency, all of which are central to BRICS country challenges and opportunities. Industry-focused wording – such as “manufacturing industry,” “industrial development,” and “technology” – along with governance- and society-related terms like “policy,” “internationality,” “organisation for economic co-operation and development,”

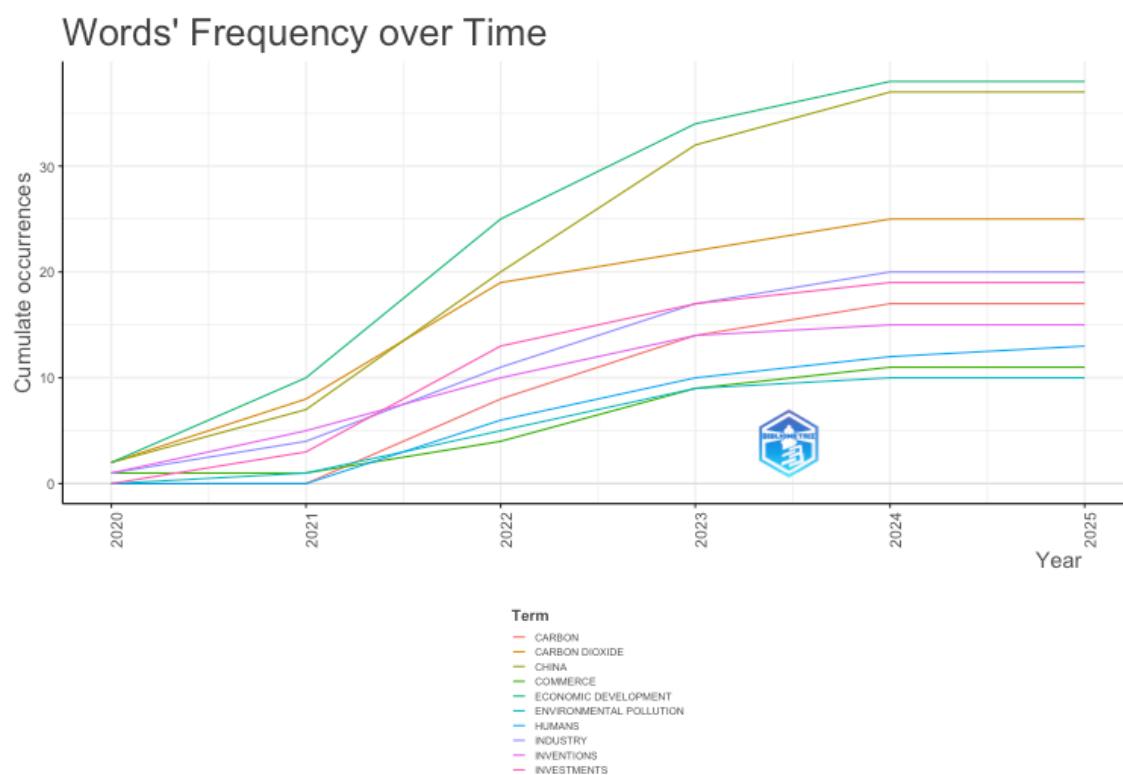

Figure 16: Word Frequency Over Time

and “developing countries,” reveals a strong interplay between sectoral innovation, regulatory frameworks, societal transformation, and international collaboration.

Additionally, smaller yet significant keywords such as “digital technology,” “cross-sectional studies,” “efficiency,” “cities,” and “developing countries” – while less prominent – point toward emerging topics, methodological diversity, and innovation on the frontiers of BRICS scholarship. The word cloud offers a powerful snapshot of the intellectual landscape in this research area, integrating economic growth, environmental stewardship, innovation, technological advancement, policy, and internationality as the driving forces behind both past successes and future inquiry. This visualization is valuable for quickly identifying the major themes, research fronts, and potential gaps in the literature. It also aids researchers and policymakers in crafting research agendas, targeting policy interventions, and engaging with the most relevant and pressing topics facing BRICS nations and the broader global research community.

The figure 16 presents a longitudinal line graph illustrating the cumulative occurrences of selected keywords over time within BRICS-related research, offering nuanced insight into evolving thematic emphasis from 2020 through 2025. Each colored line represents a distinct term—among them “carbon,” “carbon dioxide,” “China,” “commerce,” “economic development,” “environmental pollution,” “humans,” “industry,” “inventions,” and “investments” – allowing for direct comparison of their relative prominence and trajectories across the studied years. From the outset, “economic development” and “china” are shown to rise sharply, quickly outpacing other terms and maintaining the highest levels of cumulative occurrence throughout the period. Their steep and sustained ascent underscores their thematic dominance in BRICS scholarship, reflecting global interest

in China’s economic transformation and the broader developmental challenges and opportunities that define the agenda of BRICS nations.

Environmental topics such as “carbon dioxide,” “carbon,” and “environmental pollution” display consistently increasing frequencies, attesting to the escalating significance of ecological issues and climate change in the research discourse. Particularly from 2021 onwards, their curves steepen, mirroring heightened scholarly attention to sustainable development, emissions, and environmental policy within both national and international contexts. Keywords associated with technological and industrial change – “industry,” “inventions,” and “investments” – show steady growth in cumulative occurrences, but their lines plateau somewhat after 2023, suggesting either a stabilization of their prominence or shifts in research priorities toward newer concepts. Societal and demographic terms (“humans”), along with commercial aspects (“commerce”), also register continual, albeit more modest, increases, illustrating the broadening research base that incorporates social, economic, and behavioral perspectives.

The overall graphical pattern reveals several key trends in keyword evolution:

- There is a dramatic intensification in key themes between 2021 and 2023, reflecting likely surges in publications, institutional funding, and targeted research programs responding to global developments.
- After 2023, most terms’ frequency lines level off, indicating either maturation in these focus areas, data limitations for the most recent years, or the emergence of other priority themes not visible in this selection.

This visualization is particularly valuable as an analytical tool for bibliometrists, research planners, and policymakers seeking to track shifts in thematic focus, anticipate future research hotspots, or evaluate the alignment of scholarly activity with interna-

tional policy priorities (such as sustainability goals and technological innovation). It suggests that the field of BRICS studies is highly dynamic, responsive to external events and internal developments, yet also underpinned by enduring core themes that continue to frame scholarly inquiry year after year. The graph provides a temporal roadmap to the conceptual development of BRICS research, highlighting both continuity in foundational issues and the periodic emergence of environmental, industrial, and international topics as major points of engagement across the academic community.

The figure 17 image displays a bubble chart summarizing the frequency and temporal distribution of key trend topics in BRICS-related research, offering a concise view of which concepts have dominated scholarly discourse between 2021 and 2023. Each row is dedicated to a specific term – such as “carbon,” “humans,” “commerce,” “economic development,” “china,” and ‘carbon dioxide’ – with bubbles indicating the

frequency of term occurrence during the selected years; the size of the bubble reflects how often the topic appears in the research output. The largest bubbles in the diagram are for “economic development” and “china,” reaffirming their central place in the thematic architecture of BRICS research. Both terms exhibit higher frequencies in 2023 than in 2021, visually confirming their sustained or increasing significance over time. This mirrors earlier findings that economic transformation and China’s unique trajectory are core subjects of international attention, driving much of the policy debate and academic exploration within BRICS studies.

Environmental and climate-related terms—specifically “carbon” and “carbon dioxide” – also show notable frequencies, underscoring the enduring importance of climate change, emissions, and resource management as major research foci. These terms appear with sizeable bubbles across both years, illustrating their consistent prioritization among scientific publications.

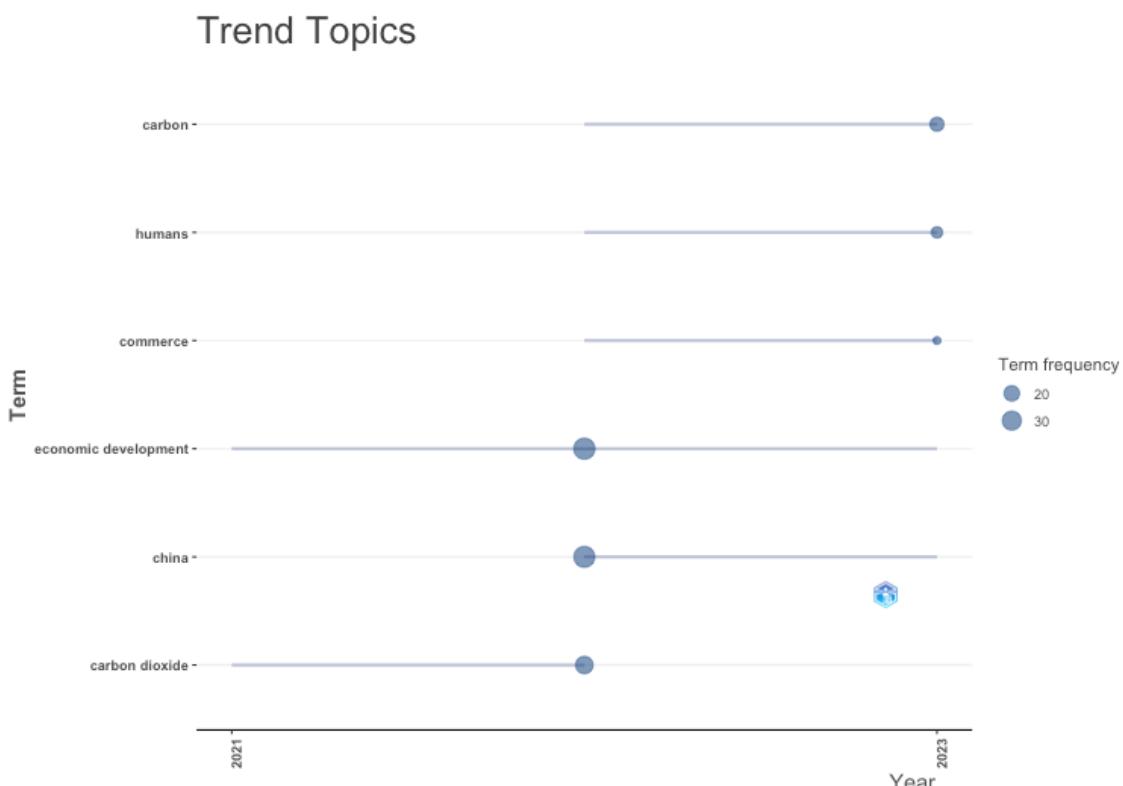

Figure 17: Topic Trends

“Humans” and “commerce” round out the selection of trend topics, each demonstrating moderate yet meaningful frequency by 2023. Their presence highlights the ongoing integration of societal and market perspectives into research, reflecting broad inquiries about population, social impact, and the commercial dimensions of BRICS development. The bubble chart is especially useful for quickly identifying longitudinal trends and shifts—if the bubble for a term becomes markedly larger in 2023 compared to 2021, it signals a surge in scholarly interest and potentially emerging priorities for future research. Conversely, stable bubble size would indicate a persistent but not expanding research focus. This visualization offers an at-a-glance synthesis of major trend topics in BRICS research, emphasizing the continued primacy of economic development, China’s global role, and pressing environmental themes. It complements more detailed word-frequency or thematic analyses, providing researchers, policymakers, and strategic planners with actionable insight into the evolving conceptual agenda shaping academic and policy conversations across the BRICS nations.

The image in Figure 17 presents a conceptual network map (or keyword co-occurrence network) of trend topics in BRICS-re-

lated research, visually mapping the relationships and thematic clusters among the most relevant keywords. In this visualization, each node represents a research term, with the size of the node corresponding to its frequency in the literature—larger nodes denote more commonly used or influential keywords. The proximity and connections between nodes indicate the strength and nature of their co-occurrence within individual documents or across the dataset. At the center of the network are “economic development,” “china,” and “carbon dioxide”—three of the most dominant topics in BRICS scholarship. Their large size and prominent positions confirm their foundational role, with numerous direct connections to other important keywords reflecting wide-ranging interdisciplinary linkages. “Industry,” “investments,” “inventions,” and “carbon” surround these central terms, emphasizing the strong interplay between economic policy, technological innovation, climate change, and financial drivers in the research ecosystem.

Clusters of keywords are evident in the visual structure:

Green Cluster (Center): Economic and industrial development themes –industry, investments, inventions, technology, com-

Figure 17: Topic Trends

merce, environmental pollution, manufacturing, policy – closely interwoven, delineating the core focus of BRICS studies on growth, innovation, and the challenges of pollution and sustainability.

Blue Cluster (Upper Right): Environmental and sustainability concerns –internationality, conservation of natural resources, renewable energy, sustainable development, organisation for economic co-operation and development—linked to human dimensions and global collaborations, indicating the broadening scope of BRICS research beyond national boundaries and toward integrated approaches.

Red Cluster (Upper Left): Urban and pollution-related themes –urbanization, cities, industrial development, air pollution, particulate matter –illustrate not only the problems faced by rapidly developing regions, but also their impacts on public health and urban policy.

Peripheral Nodes: Keywords such as “income,” “developing countries,” and “transportation” are positioned at the outer edges,

less connected and smaller, representing either emerging, specialized, or less central strands of research.

This network mapping provides valuable insight into both the core and peripheral thematic landscapes within BRICS-related literature. Central, highly connected nodes signal established focal points for research, while more isolated or smaller nodes may point toward growing frontier topics or opportunities for cross-disciplinary integration. For researchers, this map is indispensable in navigating the intellectual structure of the field, identifying major clusters and their interrelations, and pinpointing potential gaps or overlooked linkages worth pursuing. Policy makers can use the visualization to assess areas of scholarly consensus, multidisciplinary connection, and the presence of new or complex problems emerging within BRICS nations. The conceptual network map visually synthesizes the interconnected themes animating BRICS research: economic development, technological advancement, environmental stewardship, social innovation,

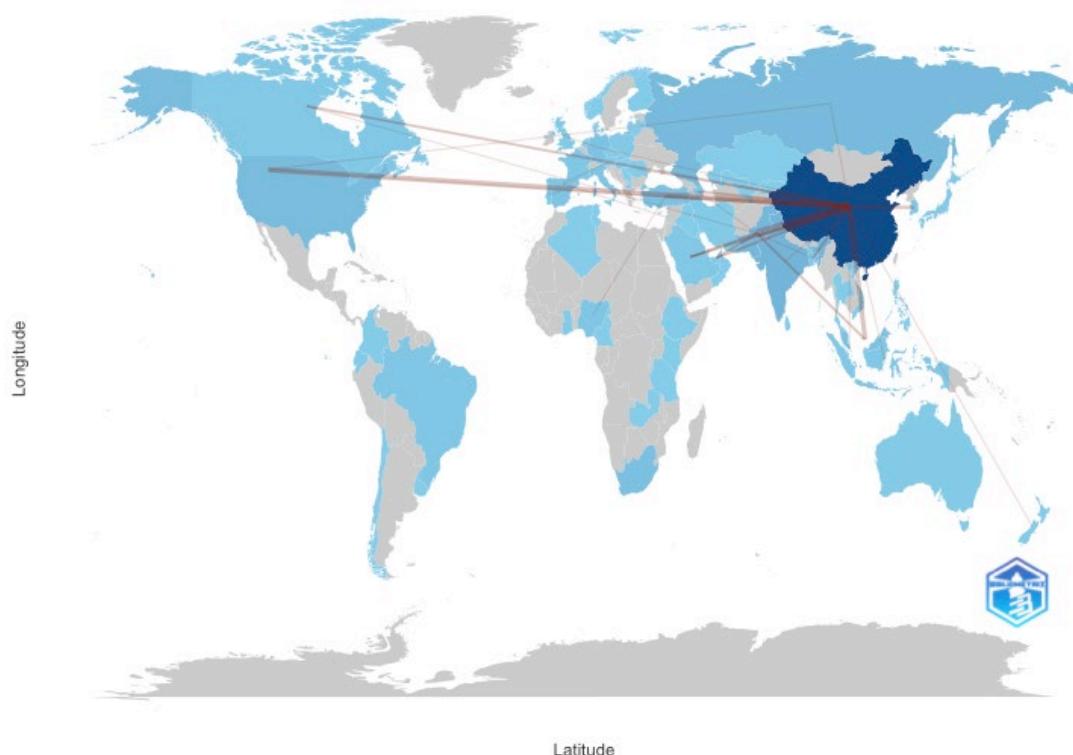

Figure 18: World Map

and international collaboration. It charts both established pathways for knowledge production and emerging directions for future inquiry, illustrating the dynamic, multidisciplinary, and globally engaged nature of scholarship in this area.

The image in Figure 18 represents a world map visualizing international research collaborations in BRICS-related studies, with a particular emphasis on the central role of China. Countries are shaded in varying hues of blue according to the level of research production, with the deepest shade highlighting the country with the highest output – China. Overlaying the base map are lines emanating primarily from China and connecting to several countries across different continents, symbolizing collaborative research links. The map strikingly underscores China's status as the dominant hub in BRICS collaborations. The concentration of lines originating from China and reaching out to North America, Europe, Africa, and Asia demonstrates China's influential presence in global scholarly networks. The thickness and span of these lines suggest the volume and diversity of collaborative projects, highlighting not only partnerships with other BRICS nations, but also strong ties to leading research countries like the United States, various European countries, and regions within Southeast Asia.

Lighter blue shading indicates moderate research output and collaborative involvement, identifying important but less prolific partners who are engaged in exchanges or joint ventures with Chinese institutions. The visibly global distribution of these collaborative links signals the extent to which BRICS research transcends regional boundaries, facilitating the cross-pollination of ideas, policy innovation, and best practices between emerging economies and leading knowledge centers worldwide. Conversely, several regions are left unshaded, pointing to minimal participation from certain areas

and suggesting opportunities for expanding future research networks, especially in parts of Africa, Latin America, and Eastern Europe. This asymmetry draws attention to existing gaps in international research engagement that, if addressed, could foster more balanced and inclusive growth in BRICS scholarship. Taken together, this visualization provides researchers, institutions, and policymakers with actionable insights into the geographic reach, concentration, and distribution of collaborative activities in BRICS-related research. It highlights the importance of international engagement for scientific advancement and policy development while also pointing out regions where increased integration could yield substantial benefits. The map makes vivid the global footprint of BRICS collaborations, affirming China's central coordinating role, the multidirectional flow of knowledge, and the opportunities as well as challenges associated with achieving more pervasive and equitable international research partnerships. This globalized network is pivotal for tackling complex problems of economic development, sustainability, and innovation addressed by the BRICS research community.

In conclusion it is possible to summarize that this bibliometric analysis of BRICS collaboration highlights the bloc's expanding influence in the global research, particularly across sustainability, innovation, economics, and environmental governance. The findings reveal that China dominates in publication output, institutional leadership and creation impact, followed by India and Russia, illustrating the growing academic and strategic weight of the "Big Three". Thematic analyses underscore that economic development, green innovation and sustainable resource use form the intellectual backbone of BRICS research, while emerging collaborations extend far beyond the founding nations, indicating the bloc's increasing global relevance.

Future research should focus on addressing metadata limitations, improving data completeness, and incorporating multilingual and non-indexed sources to achieve a more inclusive analyses. Expanding studies toward comparative policy assessment, digital transformation, climate adaption, and

social equity across the BRICS+ framework will deepen understanding of its role in shaping multipolar global governance. Strengthening cross-country research networks and open-access collaboration will be crucial for fostering equitable, data-driven insights into the evolving dynamics of BRICS cooperation.

Получено в редакции: 28 ноября 2025 г.
Принято к публикации: 15 декабря 2025 г.

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-96-129
УДК: 327
Политология / исследовательская статья

ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ БРИКС: ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАДАННЫХ ПЛАТФОРМЫ DIMENSIONS (2020–2025)

*Нарина Ринго, Ассоциация преподавателей общественных работ
(Asosiasi Dosen Pengabdian kepada Masyarakat ADPI),
Паданг, Индонезия. Jl. Komplek Unand Padang Besi,
Кесаматан Lubuk Kilangan Kota Padang Sumatera Barat Kode Pos: 25166, Indonesia.
E-mail: mivur@mail.ru*
*Анкит Нандвал, доцент Престижного института менеджмента и исследований,
Индаур, Индия. Undergraduate campus, Scheme 74-C, Vijay Nagar, Indore city, 452010,
Madhya Pradesh, India.
E-mail: ankitnandwal@gmail.com*

Аннотация: Цель статьи – анализ развития и ключевых тенденций сотрудничества в форматах БРИКС и БРИКС+ в 2020–2025 гг. с учетом геополитических, экономических, социальных, экологических аспектов и аспектов безопасности. Исследование имеет особое значение для понимания роли социальной архитектуры, формирующей доверие, обмен знаниями и согласованные действия между странами. Эффективная социальная архитектура укрепляет устойчивость и способность решать глобальные вызовы, включая устойчивое развитие, цифровую трансформацию и многополярное управление. Исследование рассматривает фактор расширения БРИКС, работы «большой тройки» (Индия, Китай, Россия) и геополитических изменений на характер сотрудничества и глобальное управление. Методологическая работа основана на структурированном библиометрическом анализе по протоколу PRISMA. В базе «Dimensions» выявлено 500 публикаций за 2020–2025 гг., из которых после отбора оставлено 495 релевантных. Анализ в RStudio с использованием bibliometrix включал цитатный анализ, картирование ключевых слов и визуализацию сетей сотрудничества между авторами, организациями и странами. Результаты демонстрируют укрепление экономического и финансового взаимодействия, рост значимости устойчивого развития и зеленых технологий, расширение цифровой торговли, инициатив по дедолларизации и трансграничных платежных платформ. Вопросы безопасности охватывают кибербезопасность, антиpirатские операции и инициативу BRICS STI. Китай, Индия и Россия являются лидерами научной активности. Можно сделать вывод, что БРИКС+ ориентируется на междисциплинарные и стратегически ориентированные исследования, а социальная архитектура, инновации и институциональные реформы формируют основу глобального лидерства стран блока.

Ключевые слова: библиометрический анализ, БРИКС, БРИКС+, сотрудничество БРИКС, социальная архитектура, устойчивое развитие

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

References

- Aria, M., & Cuccurullo, C. (2017). Bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis. *Journal of Informetrics*, 11(4), 959–975. DOI: 10.1016/j.joi.2017.08.007
- Behera, B., Behera, P., Sucharita, S. & Sethi, N. (2024). Mitigating Ecological Footprint in BRICS Countries: unveiling the role of disaggregated clean energy, green technology innovation and political stability. *Discover Sustainability*, 5, 165. DOI: 10.1007/s43621-024-00378-0
- Hook, D.W., Porter, S.J., & Herzog, C. (2018). Dimensions: Building context for search and evaluation. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*, 3, 23. DOI: 10.3389/frma.2018.00023
- Jay, R. et al. (2025). Climate governance in the BRICS: pathways toward net-zero emissions. *Discover Sustainability*, 6, Article 359. DOI: 10.1007/s43621-025-01181-1
- Malatji, M., & Matli, W. (2023). The potential benefits and challenges of a BRICS+ agency for cybersecurity intelligence exchange. *Journal of Information Security and Cybercrimes Research*, 5(2), 45–60. DOI: 10.26735/LUKH3275
- Page, M. J., McKenzie, J. E., Bossuyt, P. M., Boutron, I., Hoffmann, T. C., Mulrow, C. D., ... & Moher, D. (2021). The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews. *BMJ*, 372, n71. DOI: 10.1136/bmj.n71
- Schirm, S. A. (2023). Alternative World Orders? Russia's Ukraine war and the domestic politics of the BRICS. *The International Spectator*, 58(3), 19–36. DOI: 10.1080/03932729.2023.2236937
- Zhang, J., & Yasin, I. (2024). Greening the BRICS: How green innovation mitigates ecological footprints in energy-hungry economies. *Sustainability*, 16(10), 3980. DOI: 10.3390/su16103980

Информация для авторов

Журнал «Управление и политика» принимает к публикации оригинальные и отличающиеся новизной и научной ценностью рукописи по политической теории, проблемам и трансформации политических институтов и процессов, вопросам политической идеологии, международной политики и государственного управления.

Рукописи принимаются в электронном виде на сайте журнала, где также подробно изложены требования к подаче рукописей: www.gp-mgimo.ru, а также по почте: gp@inno.mgimo.ru

В журнал принимаются исследовательские и аналитические статьи, теоретические и обзорные статьи, книжные рецензии.

Требования к рукописям:

- Представление статьи в журнал «Управление и политика» подразумевает, что: статья не была опубликована ранее в другом журнале, статья не находится на рассмотрении в другом журнале, все соавторы согласны с публикацией текущей версии статьи;
- объем без метаданных – 40 тыс. – 80 тыс. знаков;
- Microsoft Word (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 интервал;
- статья имеет следующую структуру:
 - ФИО автора и место работы (имя, степень, должность, полное наименование организации с почтовым адресом, e-mail) в отдельном файле .doc;
 - краткое название, отражающее ключевую проблему статьи;
 - аннотация (200-250 слов), которая должна содержать краткое изложение статьи и включать ключевые слова (8-10). Она должна содержать цель, исследовательский вопрос, методы и результаты исследования;
 - текст статьи должен быть логически разделен на несколько частей: введение (содержит цель статьи, исследовательский вопрос, объяснение, почему этот вопрос важен, обзор литературы); методология (методы исследования, теоретическая база, этапы исследования); результаты (результаты исследования представлены в логической форме); обсуждение (оценка результатов, их актуальность, важность и ограничения), заключение;
 - автор обязан сообщить редакции о потенциальном конфликте интересов, указав такую информацию. При отсутствии конфликта интересов автор добавляет в конце статьи следующую фразу: «Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов»;
 - Рисунки и таблицы не должны быть отсканированы, и должны быть редактируемы. Картинки должны быть высокого качества и присыпаться отдельно (форматы .jpg или .png). Рисунки и таблицы должны нумероваться и иметь ссылку к ним в тексте, а также источники данных. В рукописи должно быть указано, где следует разместить каждый рисунок/таблицу/рамку, например: <рисунок 1.1 здесь>. Изображения с низким разрешением 72 dpi (из Интернета) не принимаются. Ответственность за получение разрешения на использование изображения лежит на авторе. Автор несет исключительную ответственность за точность используемых изображений и/или карт. Если рукопись содержит специальные символы (китайские, арабские, символы, математические символы и т.д.), то необходимо предоставить PDF-версию рукописи и указать используемые специальные шрифты;
 - Список литературы должен быть составлен в алфавитном порядке. Он включает научную литературу, аналитические отчеты и статьи в научных журналах. DOI следует указывать в конце ссылки. Ссылки на статистические данные, отчеты, законодательные документы, интернет-ресурсы должны быть оформлены в виде сносок с полным описанием и URL-адресом в постраничных ссылках. В журнале приветствуются ссылки на надежные источники, научные статьи, опубликованные в авторитетных журналах.

Журнал использует стиль ссылок APA:

примеры:

в тексте: (Иванов, 2021, с. 3-4) ... (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

в списке литературы:

Smith, K., Fox, R. (2021). *Book in Political Science*. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

Подробнее: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

Литература на русском языке дается в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82, а также дается в транслитерации с переводом на английский язык

Brief Author's Guide

Peer-reviewed and open-access journal Governance and Politics welcomes submissions of original and outstanding research manuscripts in the field of political science.

The Journal is focused on political theories, political institutions and processes, political ideology, international politics, public administration and governance.

The Journal is published by the School of Governance and Politics of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) and is of relevance to academia, practitioners and policymakers. Only manuscripts of sufficient quality, relevant research question and sound methodology that meet the aims and scope of Governance and Politics will be subject to a double-blind peer-review.

The requirements for a research article are the following:

- the submission of an article implies that it has not been published earlier in another journal or book, is not under consideration in another journal, has no more than three co-authors, all of whom agree with the publication of the submitted version of the article;
- length of the article without metadata: 40,000 – 80,000 symbols (with spaces);
- Microsoft Word format (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 interval;
- the article has the following structure:
 - author's full name and affiliation (name, degree, occupation, ORCID, full affiliation with postal address, e-mail) in a separate .doc file;
 - short title reflecting the key problem of the article;
 - abstract (200-250 words). The abstract should provide a brief summary of the paper and include all keywords (8-10). It should contain *the purpose, research question, methods, and results of the research*;
 - the text of the article should be logically divided into several integral parts: introduction (*contains the aim of the article, research question, discussion on why this question is important, literature review*); methodology (*research methods, theoretical basis, stages of research*); results (*the results of research are presented in a logical way*); discussion (*assessment of the results, their relevance, importance and limitations*), conclusion;
 - the author is obliged to inform the editors about a potential conflict of interest by indicating such information. *If there is no conflict of interest, the author adds the following phrase at the end of the article: The author declares the absence of conflict of interest*;
 - Figures and tables should not be scanned so that they could be edited. Pictures should be of high quality and sent separately (.jpg or .png). *Figures, tables and pictures should have number and reference in the text as well as a source of data. A manuscript should indicate where each figure/table/box should be placed, e.g. <figure 1.1 here>. Images with low resolution at 72dpi (internet sourced) are not accepted. It is the author's responsibility to obtain permission for the use of image. The author is solely responsible for the accuracy of the images and/or maps used. If manuscript contains special characters (Chinese, Arabic, Cyrillic, characters not generally used in Western European languages, symbols, mathematics etc.) then a PDF version of the manuscript needs to be submitted and the special fonts used need to be listed*;
 - **References:** List of references should be composed alphabetically. It includes academic literature, analytical reports and articles in academic periodic journals. DOIs should be given in the end of a reference. References on statistics, reports, legislative documents, internet resources should be organized as footnotes with full description and URL.

The Journal uses the APA style of references:

examples:

in the text: (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

in References:

Smith, K., Fox, R. (2021). **Book in Political Science**. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

For more examples and references instructions:

<https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

© МГИМО МИД России

СМИ зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 июля 2022 г., серия ПИ № ФС77-83595 (онлайн-версия, сетевое издание: 13 июля 2022 г., серия Эл № ФС77-83596)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес редакции: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76,
Факультет управления и политики,
+7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Периодичность – 4 номера в год

Отпечатано в производственном отделе
Издательского дома МГИМО.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru
Подписано в печать: ___.12.2025
Тираж 200 экз. / Объём 16,75 усл. п.л. / 1-й завод __ экз. / Заказ № ___._____

© Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,
School of Governance and Politics.
Phone/fax: +7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Authors' point of view may not coincide with that of the Editorial Board's one

Published by MGIMO University Press

МГИМО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ

выпускает учебные
издания по

42

иностранным
языкам:

አማርኛ

АМХАРСКИЙ

English

АНГЛИЙСКИЙ

العربية

АРАБСКИЙ

Afrikaans

АФРИКААНС

বাংলা

БЕНГАЛЬСКИЙ

Български

БОЛГАРСКИЙ

Tiếng Việt

ВЬЕТНАМСКИЙ

ГГҟттлҟлззл

ГОТСКИЙ

Ελληνικά

ГРЕЧЕСКИЙ

دری

ДАРИ

Dansk

ДАТСКИЙ

עַבְרִית

ИВРИТ

Bahasa Indonesia

ИНДОНЕЗИЙСКИЙ

Español

ИСПАНСКИЙ

Italiano

ИТАЛЬЯНСКИЙ

中文

КИТАЙСКИЙ

조선어 / 한국어

КОРЕЙСКИЙ

ລາວສາວາງ

ЛАОССКИЙ

Latina

ЛАТИНСКИЙ

Монгол

МОНГОЛЬСКИЙ

Deutsch

НЕМЕЦКИЙ

Nederlands

НИДЕРЛАНДСКИЙ

Norsk

НОРВЕЖСКИЙ

فارسی

ПЕРСИДСКИЙ

Polski

ПОЛЬСКИЙ

Português

ПОРТУГАЛЬСКИЙ

پښتو

ПУШТУ

Română

РУМЫНСКИЙ

Русский

РУССКИЙ

Српски

СЕРБСКИЙ

Kiswahili

СУАХИЛИ

Тоҷикӣ

ТАДЖИКСКИЙ

Türkçe

ТУРЕЦКИЙ

اردو

УРДУ

Suomi

ФИНСКИЙ

Français

ФРАНЦУЗСКИЙ

हिन्दी

ХИНДИ

Hrvatski

ХОРВАТСКИЙ

Čeština

ЧЕШСКИЙ

Svenska

ШВЕДСКИЙ

日本語

ЯПОНСКИЙ

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ПО ТЕМАМ:

международные
отношения

страны и регионы
мира

мировая
экономика

международное
право

иностранные
языки

mgimo.ru/id

vk.com/mgimoid

books@inno.mgimo.ru